

Г. И. Попов
Русская народно-бытовая медицина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11034674

ISBN 978-5-906646-02-6

Аннотация

Читателю выпадает редкая возможность ознакомиться с редчайшей книгой, посвященной народной медицине, написанной не с мистических или суеверных позиций, не с позиций доморощенного знахаря, целителя или сочинителя, но с позиций просвещенного человека, дипломированного врача, сознающего всю сложность этого вопроса и всю необходимость русского человека обращаться к знахарям и целителям. Для широкого круга читателей.

Содержание

Вторая жизнь запрещенной книги	5
Введение	8
Глава I. Причины болезней	10
Глава II. Знахарство	38
Глава III. Научная медицина	64
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Д-р медицины Г. Попов Русская народно-бытовая медицина

2/134
143

Д-ръ м-ны Г. Поповъ

90 1-74
10265

НЕ КОПИРОВАТЬ
РУССКАЯ

НАРОДНО-БЫТОВАЯ МЕДИЦИНА

ПО МАТЕРИАЛАМЪ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО БЮРО КНЯЗЯ В. Н. ТЕНИШЕВА

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАТЕЛЬ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

Вторая жизнь запрещенной книги

Когда автору этих строк впервые в руки попала ксерокопия этой книги, больше всего он был изумлён штампом «Не копировать», красовавшемся на её титуле. Можно было бы, конечно, сделать скидку на придирки царских цензоров, которые таким образом пытались защитить тогдашних российских граждан от влияния суеверий. Однако какие в 1903 году были средства копирования? Скорее всего, именно стараниями советских цензоров на книге была поставлена эта несмыслимая печать, грозящая ослушавшимся всеми ужасами Гулага. Но после прочтения монографии д-ра Г. Попова автор этих строк остался в ещё большем недоумении – как и кому могло помешать, какую идеологию способно было оскорбить это скромное этнографическое исследование, посвященное быту и поверьям дореволюционного русского крестьянства? За что эту книгу продержали под запретом почти целый век? И лишь сейчас, когда с момента публикации этой книги прошло без малого 110 лет, и на проделанный нашей страной и нашей российской медициной путь стало возможным взглянуть с высоты более чем вековой давности, мне стало понятно, что больше нельзя, невозможно, и даже преступно далее скрывать от нашего народа этот важнейший и буквально энциклопедический труд давно забытого русского врача-интеллигента, столь старательно запрещавшийся прошлыми поколениями русского чиновничества.

Давным-давно доктор Попов (и неплохой, думается, доктор, судя по его разносторонним познаниям в медицине и санитарии), большой патриот отечественной медицины (судя по смелым и новаторским для своего времени предложениям, сделанным им в этой книге) и человек очень любящий свой народ и своё отечество (этой любовью дышит каждая страница его книги) написал обширный и изобилующий массой примеров труд, посвященный тому, какими странными, суеверными, религиозными и зачастую даже нелепыми средствами лечился русский народ на протяжении всей своей истории, вплоть до самого начала XX века. Порою автор даже как бы стесняется за своих соплеменников и чуть ли не рассыпается в извинениях перед просвещенным читателем за русского мужика, изобретавшего такие «фантастически-нелепые средства», от которых чересчур деликатную барышню могло бы и стошнить. Хотя тут же находит своему народу оправдание: в совершенно неразвитом в царской России медицинском, да и в целом народном образовании, в господствующей в деревнях антисанитарии, в малограмотности населения.

Прошел век... Напрасно вы, доктор, извинялись, за сиволапого мужика, которого в случае болезни неграмотная бабка-знахарка поила мочой – сегодня стаканчик-другой урины наши целители без тени смущения пьют перед телекамерами. Напрасно вы указывали на недопустимость приплетения суеверий в целях терапии болезней. Сейчас наши газеты и журналы переполнены суеверными рецептами от всех болезней – как физиологических, так и нравственных, и уже не ветхие бабульки, а бойкие молодцы и молодухи предлагают исцеление именем и Божьим и бесовским от самых страшных заболеваний, только плати. Ну и конечно, мать-сыра-земля и четверговая соль сохраняют свою целительную силу, если заказать их по интернету.

Вы, доктор, с полторы сотни народных заговоров-молитв привели в своей книге – но в нынешней России их насочиняли уже сотни томов и продолжают сочинять и публиковать в интернете. Но это всего лишь реалии нашей сегодняшней жизни – а как быть с мотивом? Понятно, что среди населения есть определенная прослойка людей, упорно не желающих трудиться и предпочитающих зарабатывать деньги, объявляя себя магами и целителями. Но их было бы в разы меньше, если бы в народе не было столь настоятельной потребности в целительстве. Откуда в наш просвещенный век в промышленно развитой стране в нашем

народе такая странная тяга к суеверным, фантастическим и просто мистическим средствам лечения? Не от того ли, что у него нет доступа к нормальной медицине?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, предлагаю вначале обратиться к фактам. Нет, я не буду осыпать читателя сухой цифирью: к чему сравнивать 2014 год с 1903-м? За эти годы страна пережила две мировые войны, 4 революции (считая за революцию события августа 1991 г.) и два развала страны (отсчитывая с Брестского мира). И в то же самое время многие параллели между Россиями (царской и сегодняшней) так и напрашиваются.

Г. Попов описывает, как земские врачи разъезжали по дальним деревням, стараясь принять как можно больше народу – сегодня для того, чтобы облететь несколько населенных пунктов в Сибири привлекают малую авиацию, и этот позор даже не стесняются освещать по телевидению. Позор – потому что до сих пор в России некому лечить народ! Больницы, амбулатории и фельдшерские пункты в малых деревнях и селах закрываются под предлогом укрупнения и всё это выдается за заботу о народном здравоохранении!

Попов указывал на крайне низкую оплату труда врачей в Царской России. Сегодня, когда в Магадан официально приглашают врачей на зарплату 50 тыс. рублей (по сегодняшнему курсу менее 1000 USD) – наши чиновники от медицины удивляются тому, что к ним на Колыму отказываются ехать молодые врачи.

И наконец, последний гвоздь в крышку гроба официозной Российской медицины – звучит цифрой из доклада тогдашнего министра здравоохранения и социального развития России Татьяны Голиковой «Об итогах работы Минздравсоцразвития России в 2010 году и задачах на 2011 год». «На сегодняшний день в России, сообщила она, насчитывается 3 193 193 медицинских работника, среди которых 626 458 врачей (19,6 %) и 1 338 672 средних медицинских работников (41,9 %)».

Для тех, кто не понял, сообщаю: из этой цитаты (применив 2 правила арифметики – сложить и отнять) следует, что в сегодняшней России врачей и медсестёр насчитывается чуть больше 60 %, а 40 % (СОРОК ПРОЦЕНТОВ!) из общего числа врачей – это ЧИНОВНИКИ ОТ МЕДИЦИНЫ! Именно эта серая масса нагрела руки на просроченных лекарствах, сверхдорогих томографах и распихивает по карманам все государственные средства, отпускаемые правительством на медицину. У них слишком большие аппетиты, чересчур объёмистые семьи и невероятно глубокие карманы. Поэтому в стране не хватает средств на зарплату врачам и медсёстрам. И как следствие – русский народ, как и в старину, не получая квалифицированной медицинской помощи, сегодня, как и 200–300 и более лет тому назад (когда царскому чиновничеству было так же на него наплевать, как и сегодняшнему), идёт лечиться у знахарок и целителей.

Именно поэтому столь велика познавательная ценность книги доктора Г.Попова «Русская народно-бытовая медицина». Она наглядно показывает (и доказывает!) в каких нечеловеческих условиях способен жить, выживать и побеждать русский человек.

Многолетними трудами князя В. Н. Тенишева, по его мысли и по выработанной им программе, собран обширный и ценный этнографический материал, имеющий задачей всестороннее исследование жизни и быта крестьян великорусских губерний. Материал этот доставлялся сельскими священниками, учителями, учительницами, землевладельцами, земскими начальниками, фельдшерами и, отчасти, самими крестьянами. Число таких сотрудников и корреспондентов», имеющих самое тесное и близкое отношение к народной жизни, достигло по 23 губерниям до 350. Содержанием материала явились, главным образом, личные наблюдения сотрудников и отчасти местные печатные источники.

Настоящая работа представляет посильную попытку со стороны автора разобраться в той части этого бытового материала, которая связана с вопросами народной медицины.

Введение

«Время оценит лучше нас и наши действия, и наши убеждения, а мы будем утешать себя тем, что и здесь, на земле, где все проходит, есть для нас одно неразрушимое – это господство идеи, и если мы верно служили идее, которая, по нашему убеждению, вела нас к истине путем жизни, науки и школы, то будем надеяться, что и поток времени не унесет ее вместе с нами».

Пирогов

Народная поэзия, с которой мы знакомимся в детстве и школе, личные наблюдения каждого в жизни и отрывочные газетные сообщения о различных, большею частью темных сторонах народной жизни, составляют почти единственный источник знаний о народе значительной части нашего образованного общества. Если исключить чисто научный, доступный только для немногих исследования некоторых духовных и экономических сторон народной жизни, у нас окажется очень мало других источников, откуда мы могли бы черпать свои сведения о народе в его целом: об его жизни и быте в связи с мировоззрением, суевериями, предрассудками, привычками народа и теми новыми условиями, который так изменили жизнь нашего отечества за последние сорок лет. Оттого большинство из нас склонно судить о народе лишь поверхностно и слегка и, обыкновенно, только и может сказать, что он беден, груб, невежествен и даже дик.

Но все эти и тому подобные определения, очень мало выражая физиономию народа ничего не говорят об его привлекающих и положительных чертах, не всегда верно обозначают отрицательные и обыкновенно лишь очень односторонне указывают на те причины и условия, который лежат в основе бедности и невежества народа. Таким путем создается только приблизительное понятие о народе и нет или почти отсутствует его знание. Между тем знание народа, этого ядра и корня государства, имеет не только академический интерес, но и большую практическую важность. Никакие благие намерения и желания и никакие бесплодные сожаления о судьбе народа не приведут ни к чему, пока в основу наших представлений о нем не будет положено детальное и точное изучение. Только такое знание, явившееся результатом изучения положительных и отрицательных сторон жизни и быта народа, в состоянии создать прочную почву для общей и частной работы в деревне и потому-то оно так должно быть необходимо каждому народному деятелю, будь то священник, учитель, чиновник или врач.

Еще Даль, этот иностранец по происхождению, русский по духу и один из первых начавших изучение нашего народа, указал на важность такого знания и той относительно небольшой области народной жизни, которой касается предлагаемая книга и которая обнимает вопросы, связанные со здоровьем и заболеваемостью населения.

«Деревенский врач, назначение которого жить и работать среди народа, – говорить Даль, – ежедневно должен бороться с его предрассудками и привычками, обращающимися часто в ненарушимый закон, чтобы узнать, как нужно людей при этом наставлять, поучать и предостерегать». Указывая на важность изучения народной медицины в чисто этнографическом отношении и на полезность многих народных врачебных средств, он особенное и преимущественное внимание обращает на необходимость изучения суеверий народа, «сражаться с которыми на каждом шагу составляет», по его словам, «долг и необходимость врача

в деревне». Хотя слова эти – относятся к давно прошедшему времени¹, но имеют почти такой же смысл и для настоящего.

Несмотря на сильно изменившиеся условия и новые течения крестьянин, в массе, до сих пор сохраняет свои особенные представления о происхождении болезней, почти не придает никакого значения в этом отношении ни чистоте, ни пище, ни воде, лечится очень нередко суеверными или знахарскими средствами, обращает мало внимания на уход за больными и диету, и на самую земскую медицину, с ее лечебными приемами, санитарными требованиями и мерами, имеет весьма нередко совершенно особенные взгляды.

Хорошо и точно знать все это, вместе с условиями деревенской обстановки и быта, имеет для народного врача огромную и неоценимую важность. Его воспитательное и даже чисто лечебное значение увеличится во много раз, если он, сообразуясь со всеми этими условиями, будет в состоянии подойти и овладеть мировоззрением крестьянина. Тогда врач, узнав все его отрицательные и слабые стороны, получит возможность не только предусматривать и предостерегать, рельефнее выставлять на вид заблуждения народа, но, главное, научится говорить с, народом применительно к его понятиям и на его языке, и тем откроет для себя путь самого широкого и прочного влияния на народ.

Целый ряд невеселых страниц этой книги показывает, насколько необходимо для народа такое влияние и как далеко он стоит от действительного понимания многих самых элементарных вещей.

Среди лечебных приемов и средств народа есть такие, употребление которых в состоянии возбудить отвращение и претит нравственному чувству человека. Мы не обошли молчанием и этих уродливых и нелепых средств, в уверенности и глубоком убеждении, что чем больше они будут открыты и явны, тем скорее будут осуждены на исчезновение и потеряют свое применение в жизни: так излечивается и перестает существовать скрытая и темная болезнь, лишь только она правильно понята и достаточно обнаружена.

Но мировоззрение нашего народа складывается не из одних только отрицательных черт. Многое из его воззрений и опыта подлежит бесповоротному осуждению, многое – коренной переработке, но есть в этих воззрениях и нечто такое, что может и должно быть сохранено, не только как дорогое достояние старины, но и как совокупность начал, на которых должно основываться будущее развитие нашего народа. Взяв народ таким, каков он есть, и отличая в нем внимательно хорошее, жизненное и способное к усовершенствованиям от всего дурного и отжившего, мы найдем эти начала и, сохранив их, тем больше послужим делу распространения и упрочения тех рациональных и полезных знаний, которых так не достает во всех без исключения областях народной жизни. Тогда будет тверже опора для этих знаний, установится прочнее связь с действительностью и неизмеримо легче совершится переход их в жизнь. Об этом именно предшествовавшему нам поколению говорил великий знаток русской души и жизни – Гоголь... «Я был глубоко убежден всегда, – сказал он в своей «Исповеди», – что если, при жадности знать чужеземное, упустить из вида свои русские начала, то знания эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, вместо того, чтобы сосредоточить и собрать их. Как прежде был, так и теперь уверен я в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать внутреннюю природу русского человека и что только с помощью этого знания можно решить, что именно нам следует заимствовать из Европы». «Мне казалось всегда, – еще раз повторяет он, – что прежде чем вводить что-либо новое, нужно не как-нибудь, а в корне узнать старое»².

¹ Даль. «О народных врачебных средствах». Журнал Министерства Внутренних дел, 1843.

² Гоголь, т. V, 1893.

Глава I. Причины болезней

Условия и особенности заболеваний деревни. – Народные понятия о естественных причинах болезней. – Сверхъестественные причины болезней и их олицетворение. – Непосредственная зависимость заболеваний от нечистой силы. – Роль духов в происхождении детских заболеваний. – Порча. – Залом и вынимание следа. – Порча молодых. – Прикосновение и взгляд. – Сглаз, оговор и испуг. – Порча и сглаз, как внушение. – Передача болезней и действие не одухотворенных причин
Условия и особенности заболеваний деревни

Суровые условия деревенской действительности еще ребенком обрекают нашего крестьянина на существование, при котором выживают только сильнейшие и гибнет почти половина детей деревни, едва, дожив до пятилетнего возраста. Являясь источником все увеличивающейся хилости и дряблости деревенского населения, эти условия коренным и самым тесным образом связаны с материальным бытом деревни. Но немалую роль среди них играет также духовная бедность народа и та скудость рациональной мысли и знаний, отсутствие которых составляет едва ли не самую отличительную черту нашего крестьянства. Необыкновенно ярко такой недостаток действительных знаний обнаруживается в тех вредных и нередко убийственных способах питания и кормления детей, которые в широких размерах практикуются в деревне. «Его надоть захлебить, закрепить», – толкуют про только что родившегося ребенка и, прежде чем дать грудь матери, суют ему в рот хлебную соску. «Как же можно обойтись без хлебного?» – удивляются деревенские бабушки и матери: ведь, надо непременно, чтобы у новорожденного «завязалось на животе». Необходимо, полагают они, во что бы то ни стало добиться, чтобы желудок ребенка сразу же обтерпелся, не страдал бы «грызью», чтобы у него не «цвело» во рту³ и, соображая так, предусмотрительно дают ему соску из жеваного яблока, моркови, свеклы и жеваной конопли с хлебом (*Череповецк. у. Новгородск. г., Хвалынк. у. Саратов, г., Болховск. и Карачевск. уу. Орловск. г.*). Также рано соска получает значение и как питательное средство. По всеобщему убеждению, хлеб – первооснова всякого человека, не исключая и только что явившегося на свет ребенка и подготовленного природой исключительно к питанию молоком матери⁴.

По мнению деревни, материнского молока далеко не достаточно для ребенка, а от хлеба он крепнет и быстрее развивается. На этом основании добавочное питание начинается всего чаще с первых же дней жизни ребенка, гораздо реже со 2-й недели и самое позднее – с 6-й или 8-й⁵.

Более или менее зажиточными крестьянами для этого употребляются жеванные или толченые баранки и крендели с сахаром, пшеничный и белый хлеб, а среднезажиточными и

³ Цвет – молочница (soor).

⁴ Полная способность превращения крахмала в сахар, в виде которого хлеб усваивается организмом человека, приобретает слюной ребенка только во второй половине первого года его жизни.

⁵ Белозерск., Демьянск. и Тихвинск. уу. Новгор. г., Порховск. у. Псковск. г., Гжатск, и Сычевск. уу. Смолен, г., Велико-Устюжск., Кадников. и Яренск. уу. Волог. г., Вытегорск. у. Олонецк. г., Котельнич. и Ордовск. уу. Вятск. г., Галичск. у. Костромск. г., Спасск, у. Казан, г., Алатырск. у. Симбирск, г., Васильсурск. у. Нижегород. г., Ростов, и Пощехонск. уу. Ярославск. г., Саранск, у. Пен. зенск. г., Суздальск. и Юрьевск. уу. Владимирск. г., Жиздрин. и Медынск. уу. Калужск. г., Орлов., Брянск, и Ливен. уу. Орловск. г., Зубовск. у. Тверск. г., Тульск. г. и у., Зарайск, у. Рязанск. г.

бедными обыкновенно жеваный черный хлеб с солью. Несколько позже начинается подкармливание сваренными на молоке или воде кашами из пшенной, гречневой, овсяной и иногда манной круп, «тюрей» из пшеничной или «ржаной» муки и толокном, а уже с полугода в меню ребенка иногда входят такие пищевые предметы, как жеваный картофель, у бедных квас вместо молока и даже жеваные огурцы (*Жиздрин. у. Калуж. г., Орлов, у. Вятск. г., Васильсурск. у. Нижегород. г.*). Вред от вскармливания всеми этими веществами увеличивается оттого, что они даются ребенку в виде «жеванины», или «жвачки», сначала в соске, потом, после полугода, изо рта в рот или с пальца⁶.

Но едва ли не более вредным является то, что подобное кормление ребенка совершается без всякой меры и времени. Обыкновенно, едва успеет мать откормить малютку, его уже пичкают соской. Она поминутно суется в рот ребенка, бодрствует ли он, или от чего-нибудь спит тревожно и часто просыпается. Быть может, ребенок кричит от боли, от неудобства положения или оттого, что лежит мокрый, его плач неизменно и всегда принимается, как заявление, что он голоден. Часто даже на рвоту и понос, хотя бы до 20–30 раз в сутки, не обращают внимания, считая это явление как бы нормальным. — «И чем больше у ребенка понос, тем больше пичкают его соской, так как и в этом случае крик ребенка объясняется пустотой его желудка». (*Хвалынский, у. Саратовск. г.*) В летнюю страду, когда мать отсутствует из дома целыми днями и возвращается с поля только к вечеру, здоров ли, болен ли ребенок, такая соска нередко является даже единственным источником его питания: «небось, не помрет, жив будет» мирятся с такой необходимостью крестьяне. Не в лучших условиях находится ребенок, когда для подкармливания применяется коровье молоко. Замечательно, что оно употребляется гораздо реже, чем хлебные вещества, чаще всего тогда, когда мать недостаточно «молочна», а иногда считается даже вредным (*Юрьевск. у. Влад. г., Ростовск. у. Ярославск. г.*). Оно дается без такого же соблюдения времени и меры и также всякий раз, как ребенок беспокоится или ревет. Но главное зло при молочном вскармливании, бесспорно, составляют коровьи или баранью соски в виде кислых и гнилых кусков мяса отравляющие молоко и являющиеся истинным бичом грудных детей деревни.⁷

Хотя кормление грудью обыкновенно продолжается свыше года, почти обязательно «три поста» и нередко затягивается до 2, 3 и даже более лет, но переход ребенка на пищу взрослых совершается гораздо ранее: Не оставив еще груди матери, нередко уже годовой ребенок без разбора, ест все, что едят взрослые, «будет здоровей», говорят крестьяне. Обыкновенно, как только ребенок начинает понимать, говорить, мало-маленьки разжевывать твердую пищу, есть и не давиться или только что научиться держать ложку, уже сидит за общим столом и питается, наравне с другими такими кушаньями, в какие входят и сырые овощи и кислый квас.

Другим и последним актом деревенского ухода за ребенком является его качание, которое с необыкновенным постоянством и усердием производится всякий раз, как ребенок от соски не унимается и продолжает пищать.

Других потребностей у ребенка как бы не существует. Обыкновенно считается достаточным перевернуть его раза 2–3 в сутки, наблюдая, чтобы он не «промок» и в предупреждение этого наворачивая и подкладывая под него кучи тряпок. Обычая купать ребят, хотя бы в корытах, у крестьян нет. Их — моют обыкновенно не больше одного раза в неделю, чаще всего нахлестывая березовыми веником в бане или печи, замаранного же ребенка оттирают сухой тряпкой, лишь поплевав на запачканное место. Мокрое белье ребенка обыкновенно только высушивается, а моется, по драгоценности для многих мыла, всего чаще в простой воде или щелоке. Прелый запах выделений ребенка, постоянно ощущаемый около «люльки»,

⁶ В последнее время в некоторых местах начинают понемногу входить в употребление резиновые соски.

⁷ ⁵ В последнее время в некоторых местах начинают понемногу входить в употребление резиновые соски.

является достаточным показателем той деревенской «гигиены», с которой знакомится крестьянский ребенок с самых первых дней своего существования.

Помимо развития всевозможных острых и хронических сыпей, такие ненормальные условия ухода и вскармливания деревенских детей являются источником возникновения тяжелых диспептических расстройств и желудочно-кишечных катаров, уносящих в могилу, на первом же году жизни, $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ детей деревни. При этом в высшей степени интересным является факт, что наибольшая смертность в России наблюдается среди великорусского населения и наименьшая среди татар, башкир, вотяков и евреев. Благодаря тому, что у этих народностей кормление детей исключительно грудью матери считается обязательным, а подкармливание начинается не ранее 2-го года жизни ребенка, иногда в одной и той же губернии, при совершенном равенстве прочих условий, смертность инородческих детей в 2–3 раза ниже, чем русских⁸.

Эти же условия, благоприятствующие высокой датской смертности, создают тяжелые расстройства общего питания, способствуют развитию среди населения золотухи и малокровия и подготавливают те хронические катары желудка, которые так распространены и так типично выражены у наших крестьян.

Развитие этих страданий в зрелом возрасте; способствует однообразие и господство по преимуществу растительной пищи. Говядина, как и рыба, на столе и богатого крестьянина бывает не каждый день, у среднезажиточного чаще только в праздник, а за обедом бедного и совсем редкость, притом обыкновенно соленая и далеко не всегда доброкачественная. Употребляя молоко и яйца скорее как лакомство и относительно больше вводя в себя жиров, главным образом, в вид растительных масел, средний мужик питается почти исключительно хлебом, крупами, горохом, картофелем, капустой, огурцами и овощами, в которых черпает необходимые для его организма растительные белки и сахар⁹. Что касается бедного крестьянина, то он, особенно в годы неурожая, нередко «не доедает, употребляя хлеб в недостаточном количестве или же с суррогатами. В зависимости от такого питания, помимо острых и хронических желудочно-кишечных расстройств, расширения желудка, гастральгий – деревенской «грызи» в животе, вялости мышечной системы и проч. развиваются некоторые специфически деревенские болезни, неизвестные городским состоятельным классам. В посты, особенно в весенний, Петров, когда съедобные припасы на исходе, а до новых еще далеко, нередко появляется у крестьян «куриная слепота», а при неурожаях, иногда эпидемически, цинга.

Ряд других заболеваний вызывается крестьянскими жилищами. Обыкновенно даже в лесистых губерниях семья в 10–15 человек, имея две избы, зимнюю и летнюю, ютится зимой только в одной. Если изба хорошо «держит тепло», температура здесь бывает нередко pleasantly банная и лишь разбавляется струями холодного воздуха, врывающимися через постоянно открываемую дверь. Неблагоприятное влияние такой естественной вентиляции, в смысле возможности простуды, усиливается тем, что при русских избах обыкновенно устраиваются только холодные сени и часто нет никаких, а изба состоит из одной сплошной комнаты, пол которой, кроме печи и полатей, является и кроватью жильцов. Там, где лесу мало, а изба уже поизносилась, в ней холодно, она промерзает и обитатели ее часто хронически дрогнут. Если в первой избе температура достигает 20–26° и выше по Р°, то здесь бывает ниже 10°, а ночью спускается иногда до того, что замерзает вода. Правда, в таких избах, сидя на печи, в шубах, и экономя тепло, иногда стараются закрыть трубу пораньше и «захватить дух», но за это платятся угаром.

⁸ Никитенко. Детская смертность в Европейской России за 1893—96 гг. 1901 г.

⁹ По данным Бюро, количество потребляемого среднезажиточным крестьянином мяса равняется 12–15 ф. в год, а среднее количество картофеля и хлеба – 16–18-ти пуд.

Не говоря о тех крестьянских избах, которые топят еще до сих пор по черному, многие из них часто содержат воздух удушливый и спертый, а. нередко и зловонный, так как, кроме взрослых членов семьи и маленьких ребят, здесь довольно часто обитают коровы, молодые телята и ягнята, живут курицы и ночуют собаки и кошки. Немудрено, что в таких избах дети младшего возраста, сидя всю зиму безвыходно в избе, к весне становятся бледными, вялыми и малоподвижными¹⁰.

Неблагоприятное влияние на здоровье крестьянских жилищ усиливается и другими условиями. Изба даже среднего крестьянина обыкновенно содержится грязно, пол метется кое-как или даже не каждый день, а моется, большею частью, только 3 раза в год: к Пасхе, престольному празднику в деревне и Рождеству.

Если к этому прибавить грязное содержание своего тела крестьянином, который так поразительно мало тратит мыла и моется в некоторых деревнях, вместо бань, в печах, обычную загрязненность его нижней и верхней одежды, иногда одной и той же для нескольких членов семьи, обилие всевозможных насекомых, то сделается понятной та совокупность условий, которая вызывает целый ряд кожных болезней, во главе которых стоит чесотка, и благоприятствует развитию многих инфекционных заболеваний.

Не менее дурно обстоит дело с деревенским водоснабжением. В лучшем случае деревня пользуется водой из ключей, ручьев и речек, но эта вода часто портится притоком дождевых вод, несущих сюда всякие нечистоты, загрязняется мытьем белья, водопоями для скота, соседством и нередко поразительной близостью кладбищ и проч.¹¹ Большая часть селений снабжается к водой из прудов и колодцев. Последние, ради удобства пользования, устраиваются в большинстве случаев возле скотных дворов, бань и весьма нередко вблизи тех мест, которые носят название «отхожих». Случается, что в деревне, на пространстве 2-х квадратных сажень, можно встретить в трогательном симбиозе выгребную яму, отхожее место и колодец. Простой часто полусгнивший деревянный сруб, части которого кое-как прилажены друг к другу, с отверстием ниже уровня земли – вот обычный тип деревенского колодца. Грязь и фекальные массы получают легкий и свободный сюда доступ, особенно весною во время таяния снегов. Но едва ли не хуже вода из прудов. Часто деревенский пруд – это яма, иногда в 1/4—1/3 версты длины и ширины и арш. 2–2 1/2 глубины, в самом глубоком месте. Яма эта, расположенная нередко посередине деревни и вблизи дороги, принимает в себя все деревенские нечистоты. Летом в таких прудах вода гниет и кишит мириадами инфузорий и насекомых. В одном и том же пруду берется вода для питья, моется грязное белье, кадки и прочая домашняя утварь, поится скот и, наконец, купаются лошади, и взрослые; словом, пруд в деревне – это, нередко, и выгребная яма вместе.

Не говоря о болотной воде, которой иногда приходится пользоваться по необходимости, крестьянин не побрезгует напиться на работе, в страдную пору, из канав и даже луж.

Как результат плохого и часто отвратительного водоснабжения, является распространение в деревне кишечных заболеваний, и в особенности эпидемий брюшного тифа.

Особенности земледельческого труда и быта крестьянина также придают деревенской заболеваемости характер отличный от заболеваний городских классов населения. Непосредственная близость крестьянина к природе, земле, и труд, почти исключительно проходящий вне дома, на открытом воздухе, создают то, что деревня в гораздо большей степени, чем город, подвержена влиянию климатических и почвенных условий. Полевые работы в холодную и дождливую пору, осенью и весной, сенокос и нередко ночлег на голой земле, рубка и вывозка дров, сплавка и выгрузка леса, иногда по колено в воде, рыбная ловля, земляные

¹⁰ По отношению к крестьянской избе едва ли даже могут возникать вопросы о том или ином количестве кубического содержания воздуха, падающего на долю одного человека, вентиляции, степени освещения и т. п.

¹¹ По условиям водоснабжения и содержанию источников питьевой воды не многим отличаются от деревни большинство и наших городов, даже крупных.

работы, извозный и другие промыслы вызывают целый ряд заболеваний, между которыми ревматизмы, перемежающаяся лихорадка и воспаление грудных органов занимают одно из первых мест. Часто плохая одежда и в особенности обувь в виде лаптей или дырявых сапог, увеличивают склонность к этим заболеваниям, а пренебрежение здоровьем, столь свойственное русскому человеку, иногда делает их неизбежными. Многие и осенью, и весной ходят и работают почти постоянно с мокрыми ногами, относясь к этому прервнодушно: «хоть бы те что, мы – привыкли к этому». Крестьянину не только ничего не стоит, вспотевши зимой, на молотье выпить сколько будет его душе угодно холодной воды или квасу в одном нажнем белье и босой свободно выйдет из бани в мороз и дойдет так до дому. Пойти в холодное время года босому на двор, без всякой обуви сходить за водой и даже предпринять так отдаленную экскурсию – для крестьянина дело самое обыкновенное.

Особенности крестьянского труда; создают также ряд других заболеваний, отличающих деревню. Прежде всего, почти каждый крестьянин-хлебопашец владеет топором и сам, без особой помощи плотников и ремесленников, справляется с необходимым ремонтом и даже постройкой новых хозяйственных зданий и орудий. Поэтому, поранения топором и другими инструментами как и всевозможные порезы серпом и косой во время полевых работ встречаются на каждом шагу. Ходя и работая босиком и наступая нечаянно на стекла, щепки, гвозди, острые камни, крестьяне ранят ноги, прокалывают их; вилами, получают раны от укушения животными, ударов копытами лошади или рогами коровы. Нередки также ушибы бревнами и те или другие повреждения во время драк. При молотье хлеба происходит иногда попадание в глаза мякины, а при жнитве случаются ранения роговицы и глазного яблока соломой.

Поясничная боль и общий лом в теле, как результат продолжительного мышечного напряжения при полевых работах, воспаления сухожильных влагалищ и между ними так называемый «скрыпун» большого пальца правой руки¹², особенного вида головные боли, развивающиеся от долгого пребывания в наклонном положении при жнитве, в сильную жару, с непокрытой головой, грыжи, иногда достигающие такой степени массивности, что про грыжного в шутку говорят: «у него брюхо в портках» и т. п. заболевания – все это по преимуществу крестьянские болезни, зависящие от особенностей жизни и быта деревни.

Различные деревенские профессии также являются источником других заболеваний. У кузнецов часты простудные болезни. В холодной кузнице, с постоянным, сквозным ветром, кузнец работает всегда в одной рубашке, несмотря ни на мороз, ни на ветер. С одной стороны, от раскаленного горна его печет, а с другой – он мерзнет.

Землекопы и каменщики весьма часто страдают ревматизмами, горшечники – трещинами и сыпями на руках, валяльщики и трепальщики чахоткой, портные геморроем, расширением вен и варикозными язвами на ногах, кружевницы – теми или другими расстройствами зрения и т. п. Там, где крестьяне, не оставляя земледелия, занимаются фабричным трудом, присоединяются другие заболевания. Хотя на фабриках работают только 9 ч. в сутки, но зато без перерыва, и фабричные из ближайших деревень, верст за 6–7, пройдя верст 10 вперед и обратно и сделав по дому немало хозяйственных работ, очень утомляются. Утомлению рабочих еще более способствует фабричная духота, в особенности летом: «оттого и темны мы с лица, что работа наша томна, – говорят фабричные, – простоишь 9 часов на ногах в такой духоте, так, небось, не зацветешь».

Эти условия содействуют развитию малокровия и чахотки, от которой гибнет немало в особенности молодого народа. Почти все работающие на станках, от постоянного шума,

^{12 10)} Фиброзное воспаление сухожильного влагалища разгибателя, дающее при движении, вследствие образующихся шероховатостей, особого рода хруст.

страдают глухотой, работающее на спичечных фабриках или химических заводах нередко получают тяжелые поражения внутренних органов, нервной системы и костей¹³.

Совокупность всех приведенных условий, выясняя происхождение тех или других заболеваний деревни, объясняет вместе с тем и ту непомерно высокую общую смертность, которой так невыгодно отличается наше отечество от других государств Европы. Смертность в России наивысшая (32 %) из всех европейских государств, не исключая Болгарии (25 %) и Сербии (27 %). Значительно превосходя смертность Германии (23 %) и Франции (21 %), она ровно вдвое превышает смертность Швеции (16 %). По сравнению с этим последним государством, нами ежегодно теряется более чем 1.500.000 лишних жизней¹⁴.

Народные понятия о естественных причинах болезней.

Из всех болезнетворных агентов наиболее ясным представляется крестьянам простуда. В обстановке жизни и быта крестьянина и в особенностях его труда существует так много условий для проявления этого фактора и связь между ним и последующими заболеваниями в глазах крестьянина часто настолько очевидна, что известная степень определенности его воззрений на этот предмет вполне понятна. Крестьянин признает простуду как в виде внешнего влияния, так и внутреннего фактора: «озяб, простыл, пил и застудил нутро», – так обыкновенно объясняет он свою болезнь домашним, соседу или врачу, к которому приходит за лекарством. Хотя область влияния простуды в настоящее время все более и более суживается и многими ее значение, как самостоятельного болезнетворного агента, почти совершенно отрицается, для крестьян ее влияние является настолько обширным, что с нею в некоторых случаях связываются заболевания, к которым простуда не имеет даже самого отдаленного отношения. Простуде часто приписываются не только такие болезни, как ревматизм, перемежающаяся лихорадка, тифы, рожа, все легочные заболевания и между ними крупозная пневмония и чахотка, но иногда триппер и сифилис. Во всех случаях, чтобы простудиться и заболеть тою или другою из этих болезней, нужно непременно «простыть», т. е. испытать общее чувство холода. Что же касается частичного влияния простуды и охлаждения одной какой-либо части тела, то такое влияние почти совсем не признается крестьянами: они редко говорят, что их «продуло», по-видимому, не питают веры во вредоносное действие сквозняков, которые считаются такими губительными для здоровья среди наших привилегированных классов и не придают никакого значения промачиванию и охлаждению ног. Представляя простуду, как непосредственное вхождение в организм человека холода, крестьянин так же понимает и тепло: «вошел жар», – часто говорит он при нарывах, роже и флегмонах.

Тяжелый физический труд создает другую категорию болезней, которые крестьянин определяет словами: надорвался, заболел от надсады, с подъема, натуги или «сорвал с пупа». От этой причины происходит столь часто наблюдающаяся у крестьян, особенно в летнее, страдное время, поясничная боль, или так называемый «поясничный удар», который всего чаще формулируется выражением: «отнялась поясница». Этой же причиной объясняются разного рода заболевания суставов, ломота и боли и пр. Но, как и при простуде, область заболеваний от этой причины, далеко не исчерпывается мышечным утомлением и частичной травмой, который лежат основе большинства только что указанных заболеваний. «Натуге» крестьяне приписывают также многие болезни брюшных органов в том числе; и желудочно-кишечные расстройства. Большинство этих последних заболеваний, если они соединены с болью, обыкновенно определяются словом «грыжа», или «нутряная грыжа» название, которое в большинстве случаев ни мало не соответствует медицинскому и лишь в

¹³ О сифилисе в деревне см. IV гл.

¹⁴ Смертность в России и борьба с нею. Д. А. Соколов и В. И. Гребенщиков. 1901 г.

редких случаях с ним совпадает, а гораздо ближе подходит к слову «грызь», т. е. заключает в себе понятие рези, боли. Всего чаще такая предполагаемая грыжа является результатом надсады. Надсадой и натугой крестьянин склонен иногда объяснять рвоту, понос, запор и даже желтуху (*Сарапульск. у. Вятск. губ.*). Но особенное отношение имеет надсада к пупу. Довольно распространенным является мнение, что человек «основан на пупу» и что пуп – существеннейшая часть человеческого организма. Вот, это-то основание чаще всего и способно, вследствие надсады, подвергаться заболеванию. У одного болезнь просто – «пуп», у другого – пуп сошел с места, сорван, скряннут и волочет в двойку, у третьего он рассыпался и прирос к спине. Иногда эта болезнь получает название перетягов. «Надорвался», или «перетянулся» – такими словами объясняет мужик происхождение подобных, по его мнению, пупочного рода заболеваний (*Новорж. у. Псковск. г.*).

Из внешних агентов довольно видную роль играет «дурной ветер», в особенности, как причина многих инфекционных заболеваний. Словом «поветрие» массовые заболевания определяются в очень многих местностях и хотя, по своему первому смыслу, оно имеет особенное, специальное значение¹⁵, тем не менее, несомненно, что в народном представлении ветру, как причине болезней, отводится место и как физическому агенту. Подобная же роль приписывается иногда и росе. По убеждению многих крестьян, последняя (1892 г.) холера произошла от того, что на овощи и плоды пала какая-то особенная роса.

В некоторых местах вообще придерживаются мнения, что все поварные болезни приходят с туманом или с росой (*Егорьевск. у. Рязанск. г.*). Иногда поварные болезни переносить какая-то муха и мошка, от которой никак нельзя оборониться (*Черепов. у. Новгор. г., Сарапульск. у. Вятск. г.*)¹⁶

Совершенно особенный круг составляют заболевания, в основе которых лежат своеобразные представления крестьян о патологических процессах в организме человека. Очень интересным в этом отношении является взгляд на некоторые сыпи золотушного происхождения и даже на чесотку, что их лечить не следует, так как можно «раздразнить» болезнь и согнать в нутро (*Вельск. у. Волог. г.*).

«Это нуда (болезнь) из нутра выходит, – объясняют появление таких сыпей крестьяне – если ее залечить дать, спрячется на нутро и будет стоять там». На этом основании иногда считается также вредным лечить коросты и парши на голове детей; дитя будто бы или ослепнет или же оглохнет (*Тотемск. у. Волог. г.*). Подобные представления; по-видимому, стоят в непосредственной связи с воззрением так называемой «дурной кровище». Дурная кровища нашего народа – это нечто в роде *materia pessans* средневековых врачей. От нее бывает головная боль, некоторые глазные болезни, ломота и проч.

«Кровь замаяла, кровь не дает покоя» – постоянное объяснение всех таких заболеваний. Необыкновенная любовь нашего народа к кровопусканиям и столь частые требования деревенских пациентов «открыть кровь» своим первоначальным источником имеют именно это воззрение народа на свойства крови. В других, более редких случаях, получает значение не только порча, но и застой крови. Оттого, что кровь «застоялась», могут происходить чирьи, боль в пояснице и другие болезни.

Существует в народной этиологии болезней и своего рода отдел «чужеядных». Лихорадка иногда происходит, будто бы от того, что с водой проглатываются лягушечьи яйца (*Орлов. и Карачаевск. уу. Орлов г.*). При раке тело человека «проедает» какое-то особое насе-

¹⁵ Первоначально с развитием поветрий связывалось представление о нечистых духах. В древнейшем, языческом значении эти духи были существами стихийными, демонами темных туч, опустошительных гроз, вихрей и выюг; к разряду таких же стихийных демонов причислялось и поветрие. *Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Т. III. 1865.*

¹⁶ Современная научная медицина переносу инфекционных заболеваний различными насекомыми отводит все более и более места.

комое, а в кариесных зубах заводятся червячки, которые разъедают ткань зуба (*Пошехон. у. Яросл. г.*). Развитие костоеды, известной под названием «нырок», или «волосатик», стоит в зависимости от того, что в тело человека впивается особого рода червь-волосатик, «струнец», который и проделывает в мягких частях ходы и отверстия (свищи). Волос этот до такой степени реален, что некоторые его видят, а особые специалисты и вынимают из раны¹⁷. Кроме волоса, некоторые верят еще к существованию особенной, длинной глисты, которая, живя в человеке, играет такую важную роль, что если выйдет из человека, то он неизбежно должен умереть: в предупреждение этого такую глисту следует высушить и съесть (*Саранск, у. Пензен. г.*).

При оценке всех подобных воззрений на болезнетворные причины, немалый интерес возбуждают те представления, какие имеют крестьяне об устройстве организма человека и отправлении его органов. Представления эти в высшей степени просты, примитивны и грубы. Темнота и неясность их видна уже из того значения, какое народными понятиями приписывается пупу. Крестьяне, не интересуясь и не вникая в природу человека, о назначении даже главных органов не имеют почти никакого понятия. О существовании их они знают или, вернее, догадываются лишь по аналогии с организмами животных. «Конечно, у человека в нутре заключается то же самое, что и у скотины, а как там и что – не знаем ничего», – откровенно сознается большинство крестьян.

«Кто ж его знает? Так Богом созданы», – часто отвечают они на вопрос о значении того или другого органа. Дыхательное горло нередко не отличают от пищевода, а на месте желудка обыкновенно помещают сердце. Смещение этих двух органов настолько обычно, что почти всегда ненормальное ощущение в области желудка относится к сердцу. «Сердце сосет, под сердце подкатывает, жгота сердца, видно, что волос попал на сердце» – обыкновенные определения желудочных ощущений. Вот почему роль желудка и кишок является для многих крестьян далеко не ясной. «Возьмешь пищу, положишь ее в рот, пережуеть и проглотить, а куда, как она идет и что с нею делается – это не нашего ума дело», – говорить крестьяне или, самое большее, скажут: «идет в утробу». О пищеварении одни думают, что пищу перерабатывают пары, потому что в человеке очень много жару, другие же утверждают, что непременно у каждого человека должен быть особенный червяк, или глист, которые «перетачивают» пищу. Иногда, как и при надсаде, все дело опять сводится к пупу: обьестся мужик, заболит у него живот – ну, значит, пуп не в порядке и надо его «направить». Для крестьянина также мало понятно и назначение кишок. По мнению некоторых, они служат, будто бы, исключительно для того, чтобы «перегонять» воду, которую человек пьет.

О дыхании в большинстве случаев мужик знает едва ли не одно только, что мы дышим ртом и носом, сущность же процесса иногда понимает так, что это трепещет душа или приписывает его участию Св. Духа. Есть и такое мнение, что дыхание производится, главным образом, животом и если «оттуда выпустить дух», то человек сразу умрет. Деревенские понятия о сердце исчерпываются обыкновенно тем, что если сердце перестает биться, то человек умирает, что кровь идет по жилам то тихо-медленно, то быстро и остановить ее ничем невозможно. Интересно, что в сообщениях сотрудников нет ни одного указания, чтобы движение крови связывалось с работой сердца. В большинстве случаев этот вопрос совсем обходится, в других же, по понятиям мужика, кровь ходит сама, своею силою¹⁸.

¹⁷ В представление о волосе, как реальном, по понятиям народа, болезнетворном агенте, входит значительная доля и суеверного элемента. По этому представлению, когда человек умирает, волос не остается в теле мертвеца, а переходит в живого человека. В предупреждение этого, тот, кто моет умершего, должен три раза сказать: «волос, ты волос, не выходи ты на голос, к живым не являйся, а в старом теле оставайся, из него не выходи, а с ним вместе пропади» (*Черепов, у. Новгородск. г.*).

¹⁸ Сольвычегодск. и Тотемск. уу. Волог. г., Вытегор. у. Олон. г., Скопинск. у. Рязан. г., Калужск. и Мещовск. уу. Калужск. г., Орлов. и Болховск. уу. Орловск. г., Хвалыинск, у. Саратовской губ. и др.

Есть одно только указание по данному вопросу, что «снадобье, данное человеку, как и пища, из утробы идет в родовую кровь и доходит так до сердца». Темнота и неясность крестьянских воззрений на природу человека видны и из достаточно распространенного поверья в существование так называемым «двужильных людей». Необыкновенная крепость организма и способность некоторых людей противостоять всевозможным заболеваниям иногда объясняется тем, что эти люди двужильные. Это такие люди, у которых кровь идет не по одной жиле, а по двум: оттого у них и силы, и здоровья в 2 раза больше: они живут двумя жизнями и их не берет никакая хворь.

Представляется интересным, отчего в некоторых случаях происходит кашель, который считается крестьянами за самостоятельную болезнь. Различаются три вида кашля: охриплый, сухой и удушливый. Первый зависит от желудка, второй от печени, а третий от селезенки. Эти три органа соединяются жилами с горлом, к нем «копшат» и производят кашель. Интересно также, что понос у детей иногда имеет свою особенную причину. Он приписывается свертыванию наружу, от падения ребенка, копчиковой кости, отчего заднепроходное отверстие остается, будто бы, открытым. Оттого понос этот носит название «вихлец» (с. Курилово, Новгородск. г.).

Не менее загадочен так называемый «темный зуб», росту которого приписывают в Брянском у. (Орлов, г.) некоторые детские заболевания. Такое же особенное происхождение имеют иногда краски (месячные) у женщин: они могут «пристать» от других. Необыкновенно просто может происходить иногда и падучая болезнь: ее можно получить, находясь около падучного и «пропитавшись» его дыханием (Сарапульск. у. Вятск. г.). Но едва ли не всего больше смутность и туман крестьянских воззрений на физиологические процессы видны из довольно распространенной веры, что, будто бы, змеи берут (пьют) яд из солнца; что змея, забравшись в человека, может выйти обратно на парное молоко и что на языке собаки имеется до 12-то различных лекарств (Пошехонск. у. Ярослав, г.).

Помимо условий, лежащих вне человека или в нем самом, из явлений общественного характера также составляют причину болезней. Так, по мнению одного новгородского старика зубная боль пошла не от чего другого, как от баловства.

«Раньше никаких зубных болезней не знали: народ был крепкий, а от чего? Меньше баловались. Чаев этих, почитай, лет 50 назад и не слыхивали. У нас во всей деревни и было один самовар, а теперь последний бездомовник и тот чай суслит, зубы и брюхо полощет. Мальчонка или девчонка соплей не смылит утереть, а уж чаю просит: вот, и пошли зубы болеть».

Среди естественных причин болезней есть еще одна – старость. Народ не мог не заметить, что с наступлением старости настает, так сказать, законное время болезней, но при этом не в состоянии был отделить чисто старческих заболеваний от других; которыми старики страдают в такой же мере, как и люди других возрастов: по мнению народа, все болезни стариков зависят от старости, почему во многих случаях и лечение их совершенно излишним.

Этот термин «умер от старости», как известно, перешел и в церковные метрики и, заключая в себе понятие гораздо более широкое, чем старческое истощение, разве в одном случае из десяти означает собой точную причину смерти и соответствует действительности.

Вот то небольшое, что, с точки зрения крестьянина, составляет группу естественных причин заболеваний человека.

Сверхъестественные причины болезней и их олицетворение

Гораздо обширнее цикл воззрений, приписывающих происхождение болезней сверхъестественным и суеверным причинам.

Религиозность нашего крестьянина и его глубокая вера в Бога, с одной стороны, и до сих пор еще сильная вера в лешего и черта – с другой, создали особую категорию причин болезней, в которой гораздо более места отводится второму началу, чем первому¹⁹.

Без сомнения, это обстоятельство стоит в связи с представлением нашего народа о Божестве, как о существе кротком, милующем и прощающем, а не мстительном и карающем начале, способном посылать страдания людям лишь в исключительных случаях. Воле providения приписывается, большею частью, появление эпидемических болезней, как Божье наказание и как кара за общий грех и неправду людей. Иногда, впрочем, Бог посылает эти болезни и «любя» (*Скопинск. у. Рязан. г.*). Уйти от них никто не может и не избавит никакой доктор (*Гжатск. у. Смоленск. г.*) Лишь в редких случаях, как Божье попущение, случаются отдельные заболевания, напр., травматические повреждения, происходящие случайно и от неосторожности (*Хвалынский. у. Саратовск. г.*).

По верованиям, сохранившимся в некоторых местах, (*Орлов, г.*), болезни живут между небом и землей, в доме из железа и стали, с медными дверями, 12 замками, наложенными на них от Бога печатями и с ключами у дьявола. Когда Господь прогневается на человека, то посылает ангела выпустить одну из болезней. Ангел прилетает к дому болезней и снимает печати, а дьявол отпирает дверь и выпускает одну из болезней. По указанию ангела, она является, поражает человека, которому назначено заболеть ею, и идет с ответом к Богу. После ответа ангел снова отводит ее в дом болезней, запирает двери и накладывает на них печати²⁰.

Гораздо, обширнее и разнообразнее участие в происхождении болезней нечистой силы, которая выступает на сцену, как только Бог отступает от грешников.

В некоторых местах придерживаются такого убеждения, что болезни находятся в непосредственном распоряжении дьявола и проживают у него в аду (*Дорогобужск. у. Смоленск, г.*). Иные признают дьявола даже как бы отцом всех болезней, обязанных ему безусловным повиновением и потому-то такие болезни, происходящие от чертей, и являются самыми трудными и неизлечимыми (*Калужск. г. и у.*).

Иногда нечистая сила в состоянии навести всякую болезнь, иногда только поварные болезни, иногда же роль ее ограничивается почти исключительно сферой психических и нервных заболеваний. «Беснование», «беснуется», слова для выражения известного психического состояния, пользуются и до сих пор правами самого широкого гражданства²¹.

Но, в особенности, демонологическая этиология болезней разработана народной фантазией по отношению к лихорадке, которая, при равнинном и часто болотистом характере; местности, избытке растительности в прежнее время и неизвестности хинина, была настоящим бичом населения.

Миф о лихорадках общеизвестен, повсюду распространен и почти одинаков. По этому мифу лихорадка посылается на людей сатаною, имеющим в своем распоряжении 12 лихорадок, дочерей Ирода. Когда дочери Ирода пришли на могилу Иоанна Предтечи, тогда вне-

¹⁹ Новолдожск..у. С.-Петербург, г., Гжатск, и Юхновск. уу. Смоленск, г., Котельнич. у. Вятск. г., Ветлужск. у. Костромск. г., Меленковск. у. Владимир. г., Елатомск. у. Тамбов. г., Зарайск, у. Рязанск. г., Мещовск. у. Калужск. г. и др.

²⁰ Многие славянские названия болезней заключают в себе понятие о карающем божестве: bogine – оспа, boza gapa – язва, чума; bozj bic или boza moc – падучая, бешенство; boza ruka – паралич (чешск.). В зависимости от такого представления о происхождении болезней и теперь еще в некоторых местах про выздоровевших говорят: «Бог простил».

²¹ Народные названия болезней свидетельствуют, что некоторые из них прежде прямо отождествлялись с нечистыми духами: стрел – чорт и стрелы – колотье; чёмор – дьявол и чемер – боли в животе, голове или пояснице; худоба, (сухотка), худая болезнь (сифилис) и худой – злой бес; чёрная немочь (паралич), чёрная смерть (мор) и чёрный – эпитет нечистого духа; лядеть, болеть (лядащий, бессильный) и ляд – чорт (ну те к ляду!); ворогуша (лихорадка) и враг – ворог, дьявол (Афанасьев. Т. III).

запно раскрылась земля и поглотила их. С тех-то пор Иродовы дочери и служат сатане, и он посылает их мучить людей²².

Гораздо реже лихорадка считается дочерью не Ирода, а Каина, и потому-то она трясется, как Каин.

Иногда лихорадки рисуются соблазнительной наружности женщинами, которые действуют на людей посредством чар и называются так потому, что уж очень «лихо радуются» страданиям больных (*Городищен. у. Пензенск. г.*). Чаще всего это злые, худые, безобразные и простоволосые существа²³, в других случаях старые старухи, которые ходят в лаптях, с палкою, и стучать по ночам в окно клюкою: кто отзовется на их стук, к тем они и «пристают».

Каждая из этих сестер, по выражению одной калужской знахарки (*Медынск. у.*), имеют «свой вкус». Одна отбивает от еды, другая гонит сон, третья сосет кровь, четвертая тянет жилы и пр. По другим, каждая из них терпит и сама то или другое страдание. Одна вечно дрожит от холода, другая постоянно мечется в жару, третья корчится от ломоты в костях и т. д. (*Жиздр. у. Калужск. г.*). Называются они и по именам: Ломиха, Огниха, Трясовица, Желтяница, Горчиха, Безсониха и др.²⁴ Почти всегда сестер лихорадок 12, но иногда только 7, а иногда число их доходит до 40 (*Козельск. у. Калужск. г.*). Живут они то на море, то в реках и болотах, а иногда в ущельях гор, или летают по воздуху. Во главе всех лихорадок стоит старшая, которая управляет всеми остальными и те исполняют ее приказания (*Краснослоб. у. Пенз. г.*). Иногда они прямо накидываются на людей, кто только попадется им под руку, в других случаях называют по имени и нападают только на тех, кто отзовется на их зов, «забирают» и таких, кто срухнет не в час или напьется воды, не благословясь (*Мещовск. у. Калужск. г., Гжатск, у. Смоленск. г.*).

Иногда они стараются передать болезнь через свой поцелуй, а иногда оборачиваются мухой или соринкой и попадают в пищу: кто не догадается их вынуть и проглотит, заболеет лихорадкой. В некоторых случаях можно «наспать» лихорадку, особенно тому, кто любит соснуть под вечер, весной. Если, увидев лихорадку, представившуюся женщиной, ударить ее наотмашь, то она «отстанет». Иногда зовут ее теткой, полагая, что если звать ее лихорадкой, то она осердится и, пожалуй, «затрясет». Каждая из лихорадок чего-нибудь своего боится и каждую можно выжить известными средствами, действительными только против нее одной (*Зарайск, у. Рязан. г., Саран. у. Вятск. г., Варнавинск. у. Костромск. г.*).

Это представление лихорадок в образе живых существ не ограничивается только одной этой болезнью. В виде безобразной женщины, с воловьими пузырями вместо глаз, представляется в некоторых местах оспа. На языке у ней яд: как только оближет кого-нибудь языком, так тот сейчас и заболевает (*Орловск. г. и у.*). в некоторых местностях, в виде живых существ, представляются все поветрия. Переходя из одного селения в другое, они заражают всю окрестность и появление их то здесь, то там и вызывает мор. Жители дер. Посопной (*Саранск. у. Пензенск. г.*) рассказывают, что несколько лет тому назад у них была повальная болезнь, пущенная в колодцы девкой, и многие видели, как по зорям приходила какая-то неизвестная девка, доставала из колодцев воду, нашептывала и выливала ее обратно в колодцы. Девку ловили, но она всегда исчезала, как дым.

²² Вот одно из сказаний о лихорадках. «Сиде преподобный старец у озера Тивериадскаго. Егда сидящу ему тако и размышляющу, явился убо видение некое. Восплескася вода и абие изошедши из бездны и ста ошую преподобного дванадесять жен босых, хворастием оболченных, простоволосых. Рече к ним преподобный Пафнутий: «Кто убо жены сии суть?» – Отвеща оне ему: «Дщери Иродовы убо суть, лихоманки, трясовицы зовимы». Рече к ним Пафнутий: «Нечли род человеческий мучити?» – Оне же, сказуя, рече: «Истинно суть, яко месяц от начала века до конца образ Каина и Авеля носит, тако и мы до конца имам род человек мучити». (Симбирск, г. и у.).

²³ Простоволосый – человек с распущенными, нечесанными волосами. Интересно, что деревенские бабы, производящие при эпидемических болезнях «опахивние» (см. VII гл.), принимают внешний вид сестер лихорадок.

²⁴ В этих названиях олицетворены симптомы лихорадки. Перечисление их см. в VII главе (заговоры от лихорадок).

Особенно часто представляется в виде живого существа холера, и выражения – «холера идет, холера приближается» нередко нашим народом понимаются буквально. Иногда она представляется в виде безобразной женщины, иногда же принимает другие виды, начиная со скота и зверей и кончая человеком, иногда попом. Переходя с места на место, она поражает людей и идет более сумерками и ночью, чтобы быть незамеченною (*Калужск. г.*). Во время последней холерной эпидемии в некоторых местах видали женщину, летавшую даже по воздуху. Она рассыпала какие-то ядовитые семена, которые падали в колодцы, источники, реки, на огороды и проч. (*Р. Борисогл. и Даниловск. уу. Ярославск. г.*). В дер. Крутой (*Меленк. у. Владим. г.*), где, в предупреждение холеры, было произведено опахивание, в предположении, что она не перейдет за магическую черту, в первые дни после этого передавали, что ночью «что-то белое подъезжало к селу, но, доехав до черты, повернуло назад». Это не помешало потом холере, прибавляет сотрудник, вырвать из среды крестьян этой деревни 27 человек.

Иногда образ холеры достигает в народном воображении удивительной степени реальности.

«В 1892 г., в ожидании холеры, – сообщает одна наша калужская сотрудница²⁵, – в нашем уезде были предприняты некоторые меры, возбуждавшие очень много толков в местном населении. В дер. Чепляевке было приказано спустить сажалку со стоячей водой.

– Поди ты, – рассуждали мужики, исполняя это приказание, – нам и в голову не приходило, что она в воде прячется: оттого, стало быть, и колодцы надо на ночь запирасть?

– Ну, брат, от нее не запрешь, она во всякую щелочку пролезет, а там и река недалеко, туда может схорониться, – возражали другие. Толков было множество. Говорили, между прочим, что холер ходит целых пять – три бабы и два мужика. Потом распространился слух, что одну из холер убили. Дело, будто бы, происходило так: ехал перед самым вечером один мужик по дороге, вдруг его кто-то окликает.

– Стой, мужичек, подвези меня.

Оглянулся мужик, видит, гонится за ним старуха, худая, слабая, зипунишка на ней изорванный, из под платка волосы треплются, смоклась вся. Жаль стало мужику старуху, остановил лошадь, посадил старуху к себе на телегу».

– Ну, спасибо тебе, – говорит старуха, – услужил ты мне, услужу и я тебе.

– Чем же ты мне послужишь, бабушка?

– Да, ведь, я – холера. Приду в деревню, пушу яд во все колодцы, кто из них напьется, тот и захворает: а ты бери на свою семью воду из реки, покуда хворость пройдет, туда я не буду яд пускать.

Посмотрел мужик на старуху, а она черная, страшная, глаза, словно уголья, горят. Ну, думает, хорошо, что сказала, угощу я тебя, старую ведьму. Привез ее к себе, водочки поднес, угостил. Улеглась она на печку, захрапела. Мужик взял топор, подкрался, хватить ее по шее, сразу голову отсек. Смотрит, а она вся начинена пузырьками с ядом. На другой день он с нею в волость. Осмотрели старуху и дали мужику сто рублей награды».

Непосредственная зависимость заболеваний от нечистой силы

Роль нечистой силы в этиологии болезней далеко не исчерпывается участием ее в происхождении лихорадок и повальных болезней. Действие ее гораздо шире и проявляется иногда более непосредственным образом. Вологжане Грязовецкого уезда происхождение многих болезней приписывают тому, что больной перешел след нечистой силы, последняя повстречалась с ним и «опахнула» его своим духом. Костромичи Ветлужск. у. уверены, что болезни, происходящие от перехода через след «большого» (лешего), одни из самых серьез-

²⁵ Жиздринск. у.

ных болезней. Особенно опасны в этом отношении перекрестки дорог, любимое местопребывание «пострела», одного из видов нечистого духа. По мнению орловцев Карачаевского у., такое влияние нечистой силы простирается и на околицы. Вот почему в этих местах надо креститься: иначе заболит спина, ноги или голова. От таких дьявольских проделок нельзя быть гарантированным иногда даже у себя дома. Так, неизбежно случается кашель у того, кто пройдет ночью босиком по полу, по следам домового, имеющего привычку всю ночь бегать по хате и играть со своими детьми (*Орловск. г. и у.*).²⁶

В состоянии нечистая сила причинять болезни и другими способами. Иногда она принимает вид ветра и мчится в виде вихря. Поэтому, многие боятся его, с серьезным убеждением, что это несётся сатана (*Жиздринск. у. Калужск. г.*). От вихря надо бежать, чтобы он не прошел через человека, иначе можно умереть, получить тяжелую болезнь или сойти с ума.

«— Вот, намердись, — рассказывает про такой случай орловская знахарка Марфа, — наш мужик ехал из города, едет, это, с товарищами, глядь, вихрь находит. Мужик-то и скажи: ой, братцы, как бы этот вихрь с меня шапки не снял. — Сказал так-то, вихрь, как налетит, шапку-то ему и сбил. Ну, приехал мужик домой, приехал да и «залежал». Жена его бежит ко мне: «бабушка Марфа, мужик мой залежал, как бы не от глазу? «Ну, я пришла, глянула: «нет, говорю, это вихрь нашел, а не от глазу: от глазу — «коверкает», а тут так, лежит себе, да и все. Ну, я наговорила, и ничего, — полегчало».

Действует нечистая сила иногда и более скрытно, и требуется известная опытность, чтобы уметь разобраться в подобного рода случаях. Орловские, новгородские и вологодские крестьяне многие болезни относят к «подшуту», или «поглуму». Если заболевание произошло ночью, то это, несомненно, указывает, что в данном случае подшутил дворовый хозяин, домовый²⁷.

Чох, насморк, а иногда и водянка бывают у тех, кто напьется ночью воды, не перекрестившись. Вода эта, если она была ничем не закрыта, приобретает вредные свойства оттого, что туда нахаркают и наплюют нечистые духи. Может случиться даже и так, что нечистый, прямо нырнет в ночевашную воду и вызовет заболевание кашлем или произведет какое-нибудь бурное желудочно-кишечное заболевание.

— Это недобрый усжил, — объясняют тогда деревенские бабы урчание в животе — вот, он и рычит, хочет выйти, да не может».

— Встала это я, в полдень, у ручья в наклонку, — рассказывает баба о моменте подобного заболевания, — не перекрестилась, да и пью. Вдруг, как юркнет мне что-то в самую серединку, так вот сразу и вступило» (*Козельск. у. Калуж. г.*).

С нечистой силой нужно соблюдать, поэтому большую осторожность и очень— опасно, например, спать с разинутым ртом или зевать, стоя на молитве (*Болховск. у. Орловск. г.*). Несоблюдение такого правила ведет подчас к очень неприятным последствиям.

— Начала я перед сном молиться Богу, — передает о такой оплошности другая баба, — да три раза и зевнула. Только на четвертый раз рот открыла, слышу, зажужжело что-то с правой стороны, как все равно муха, да прямо в рот и улетело. Я проглотила, вскрикнула и с той-то минуты со мной что-то, как будто, поднялось».

Усиление многих болезненных явлений во время ночи и ночное начало некоторых заболеваний, напр., острого ревматизма суставов, ревматических и алкогольных параличей, почти всегда заставляло крестьян видеть в этих явлениях таинственные и сверхъестествен-

²⁶ В высшей степени замечательно, что такому обыденному и простому факту, связанному с простудным кашлем народ придал сверхъестественное значение.

²⁷ В выражениях «подшут», «поглум», по-видимому, сказывается известная доля благодушия, свойственная характеру нашего народа: только этим свойством народа можно объяснить его представление о нечистой силе, как силе, способной шутить.

ные причины. Выражение «сделалось с ночи» часто и теперь имеет в устах мужика, особенное и многозначительное значение.

К разряду таких таинственных болезней относится и так называемый «ночной щипок», одна из сыпей пустулезного характера. Бывает также особый кашель; который напускает на человека, не перекрестившего свой рот перед отходом ко сну, полуночник, дух, в роде, домового. Полуночник пользуется оплошностью позабывшего закрестить свой рот, захватит его в самую полночь, дунув ему в рот, и с этого момента человек закашляет. Отличительная черта кашля-полуночника та, что он с вечера бывает сильнее, нежели утром или днем. Подобной же причиной объясняются и некоторые другие заболевания. Чахотка, по воззрениям некоторых орловских крестьян, которые вообще отличаются чрезвычайной изобретательностью по части всяких фантастических выдумок, происходит так прямо от того, что домовый «надыхает больному в самый рот». Отсюда является сильный кашель при чахотке, и оттого же иногда заболевает горло.

«Это ему нечистик надыхал, – с видом серьезного убеждения говорят про ребенка – видно, ты положила спать его, постель не закрестила, а он, недобрник, тут как тут» (*Орловск. г. и у.*).

Прибегает нечистый и к другим уловкам, чтобы вызывать заболевания: то под видом лошади отдавит в ночном ногу заспавшемуся парню, то опустит в бочку вина особую, запойную каплю, обладающую удивительным свойством: выпивший ее или запьётся до смерти, или начнёт пить запоем, и только в исключительных случаях, по особой милости Божией, эта капля не приносит вреда и пропадает даром – бутылка с водкой лопаётся. Действует нечистый иногда и более прямо, начистоту: то толкнет кого-нибудь, и тот сломает руку или ногу или отхватит топором палец, то «попутает» нанести удар другому, а иногда причинит и смертельное повреждение. В некоторых же случаях нечистый прямо поселяется на жительство в человеке: от этой именно причины, по мнению многих вологодских новгородских, орловских и др. мужиков, происходит падучая болезнь, сумасшествие, кликушество и некоторые другие болезни.

Некоторые калужане думают при этом даже так, что бес может входить и в отдельные части тела человека: «войдет он в губу – губа вздуется, в руку – рука отнимется, в ногу – отнимется нога» (*Мещовск. уез.*).

Роль духов в происхождении детских заболеваний

Очень интересно, что народ для детских заболеваний изобрел еще особенных духов, которые, не обладая всеми отталкивающими свойствами представителей настоящей чортовой породы, много деликатнее и легче последних. Таковы, напр., «ревун», «вопун» или «щекотун».

Если ребенок сильно плачет и взвизгивает, значит, на него напал один из этих духов²⁸.

Когда ребенок сильно и долго кричит, это в него вселилась «крикса», а если он безпокоится и не спит по ночам, значить, к нему пристала «полуношница», или «полуношник» (*Никольск. у. Вологодск. г., Череповецк. у. Новгородск. г.*).

²⁸ Для лечения этой болезни с ребенком идут к верее и говорят: «верее, вереюшка. тебе стоять, не гнить, здоровой быть, а моему младенцу не вопить, не реветь. Возьми с него щекотун и ревун и дай ему сон и угомон». – Выходить нужно 6 зорь, утром и вечером. Если это не подействует, то нужно 12 зорь носить младенца в овин и, наклонив ребенка к окну, говорить: «батюшка, овин, возьми с моего младенца щекотун и ревун, а ему дай сон и угомон». – Еще берут веник и бьют его на пороге тупым косарем и говорят: «парю вопун, припариваю щекотун, денной, полуденный, ношной и полуночной, минутный, полуминутный, часовой, получасовой. Поди, вопун-щекотун, на пенёк, на болото, ломай пенёк да колоды, а моего младенца не трогай. Аминь». – Это нужно проговорить три раза и веник выбросить за дверь (*Вязниковск. у. Владим. г.*).

Чрезвычайно любопытно лечение этих болезней, рельефно рисующее их олицетворение. Для лечения полуношницы кладут в люльку мальчику игрушечный лучок²⁹, а девочки – маленькую пряслицу (прялку), с наговорами: «вот тебе, полуношница – щебетунья, дело и работа, а ребенка не шевели ни во дни, ни в ночи, ни в какие часы» (*Никольск. у. Волог. г.*).

Полуношника отгоняют в бане. Мать ребенка остается в предбаннике, а знахарка с ребенком входит в самую баню и начинает парить его, приговаривая: «парю, парю».

– Кого ты паришь? – спрашивает из-за двери мать.

– Полуношника, – отвечает бабка.

– Парь его горазже, чтобы прочь отошел, да век не пришел. (*Череповецк. у. Новгородск. г.*).

По своему происхождению, с этими болезнями сходна другая детская болезнь – родимчик (*eclampsia neonatorum*), который в некоторых местах Новгородск. г., в противоположность криксе, зовут «тихонький». При этой болезни больше всего боятся «измешать» ребенка и говорить: пусть «ссыпает»³⁰.

Есть также особый младенчески дух – «тиренький». Если только что родившийся ребенок начинает смеяться, то это означает, что в нем находится тиренький. С таким ребенком нужно обходиться очень осторожно, иначе из него выйдет урод. Чужому человеку такого ребенка нельзя показывать: тиренький этого не любит (*Медынск. у. Калужск. г.*).

Порча

Очень обширным является класс заболеваний, в основа которых лежит порча, произведенная из ненависти или злобы к заболевшему, по просьбе других, за деньги, а то и так себе, из любви к такому искусству со стороны некоторых злых людей. Люди эти – знахари, ворожеи и колдуны, известные у котельничан (*Вятск. г.*) под особенным названием «еретиков»³¹.

Все они могут причинять самые разнообразный болезни: вогнать в человека бесей, произвести сумасшествие и кликушество, нагнать, как говорят вологжане Грязовецкого уезда, «воплъ», отнять силу, иссушить до кости, вызвать икоту, тоску, параличи, родимчик, падучую болезнь и половое бессилие.

Они же иногда являются виновниками повальных болезней и лихорадки, вызывают пьянство у мужчин, производясь «затворение кровей» у женщин, отнимают у них молоко и напускают «безовременное» (неправильные менструации).

Колдуны могут также наводить да человека глухоту, куриную слепоту и отнимать аппетит³².

²⁹ Снаряд, на подобие смычка от скрипки, которым бьют шерсть.

³⁰ Иногда называют «тихоньким» также поясничную ломоту у взрослых и избегают какого бы то ни было лечения потому, что боятся «раздразнить». Эта ломота, по своему происхождению, тождественна с тем видом поясничной ломоты, которая производится «пострелом» (*Зарайск, у. Рязанской губ.*).

³¹ Хотя, в настоящее время, роли колдунов и знахарей нередко смешиваются, но, по первоначальному смыслу и значению слов, между ними существует громадная разница: колдуны, как и еретики, действуют с помощью дьявольской силы, знахари же – это «знатки», знающие люди, и роль их, в громадном большинстве случаев, чисто лечебная. По стародавнему сказанию, первый: знахарь первоначально обладал знанием только одних «добрых» трав, посеянных Богом на пользу человеку. Знахарь этот различал шелест и говор трав, был наделен способностью слышать шепот матери-земли и все тайны природы были для него открыты. Он жил, как праведник, счастливый своим волшебным знанием, и тем добром, которое он приносил людям. Но, сделавшись стариком, под влиянием соблазнов дьявола, захотел вернуть себе молодость и тогда-то узнал «злые травы». Узнав их, стал оказывать на одну помощь людям, а и творить пагубу. Таким-то образом пошли по белу свету знахари, передавая от поколения в поколение те чудесные знания и «вещие слова, которыми владел первый знахарь на Руси. «Народная Русь». – А. А. Коринфский, 1901 г.

³² Большинство сообщений из Орловской, Пензенской, Калужской, Рязанской, Смоленск., Псковск., Вологод-

Иногда они производят совершенно непонятные болезни: напускают на мужчин «бабью муку», «надевают хомут»³³ и даже ухитряются проделывать, преимущественно над бабами, такие непостижимые вещи, что у них, без всякой видимой причины, начинает пучить живот (*Макарьевск. у. Костромск. г.*).

Колдун иногда является в глазах мужика таким всемогущим чародеем, что для него все является возможным. «Я все могу сделать, – бахвалится знахарь: – отнять ноги, отнять руки. Только правую руку, – снисходительно добавляет он, – оставляю для того, чтобы человек крест на себя мог положить». Но чаще всего колдуны славятся тем, что они могут присаживать килы³⁴. «Я те уж насажу кил, так будешь меня знать», – нередко и теперь еще посылает знахарь угрозу своему врагу.

Порча, в виде той или другой из этих болезней, бывает двоякая: временная, на несколько лет, от которой можно и выздороветь, или же навек, до смерти: такая порча неизлечима (*Пензен. г. и у., Тотемск. у. Вологодск. г.*).

Но и в случаях излечимой порчи ничего не может сделать ни врач, ни фельдшер: «порченных» может вылечить только знахарь или колдун, тот же, который испортил, или другой, более сильный. Только они, нашептывая и «пытая от кил», могут снять и килу, и всякий другой «насад».

Чрезвычайно, интересны способы, при посредстве которых производится порча. Всего чаще она пускается по ветру, по воде, примешивается к пище и питью, а иногда достигается и путем заклинания³⁵.

Таким образом, одна из них имеет случайный характер и является более общей, другая же – чисто индивидуальной: порча в виде заклятий и данная в пищу и питье неизменно входит в того, кому «дано», а пущенная по ветру и по воде, на кого попадет. Вероятно, на основании такой случайности, про порченных и говорят иногда, что они «вбрили» (*Скопинск. у. Рязанск. г.*). «Идешь себе, – объясняют крестьяне такой случайный вид порчи, – и вдруг тебе лицо раздует, во, какое» (*Владимирск. г. и у.*). – «Колдун зайдет на ветер, – стараются объяснить порчу другие, – так, чтобы ты стоял под ветром и пустит на тебя ее с этим ветром» (*Малмыжск. у. Вятск. г.*). – «Увидит колдун проходящего мужика, дунет на него – и готово», – еще проще объясняют такую порчу третьи (*Городищенск. у. Пензенск. г.*). При посредстве одного из таких удивительных способов «присаживается и кила». – «На вечерней заре выходит колдун на перекресток, делает из теплого навоза крест, обводит его кругом чертой и посыпает каким-то порошком, что-то нашептывая. Оставшуюся часть порошка кидает по ветру и если хотя одна крупинка этого порошка попадет на человека, то у него через три дня непременно появится кила» (*Пензенск. у. и г.*).

Подобными же трудно объяснимыми способами пускается порча и по воде. Сюда также пускаются какие-то порошки и особенные яды, а иногда нечто совсем необъяснимое. «Заметит колдун, – объясняет такую порчу мужик, – что ты хочешь, примером, купаться, и пустит это свое колдовство по воде» (*Орловск. г. и у.*).

ской и Новгородской гг.

³³ Так называются опоясывающие боли туловища. Крестьяне уверены, что если больного «хомутом» раздеть, то на животе и спин его окажется красная полоса (*Котельнич. и Орловск. уу. Вятск. г.*).

³⁴ Различного происхождения опухоли, в том числе грыжи и абсцессы. Отличительная черта их та, что они бывают на «притошных местах»: на лице, в горле, заднем проходе и на половых органах. Вот как определяет килу один из наших сотрудников: «где-нибудь на теле человека, всего чаще на руке, ноге, на лбу, появляется, без всякой причины, поверхностный нарыв с кровянистым или прозрачным содержимым, который сопровождается невыносимой болью и необъяснимой тоской». (*Ростовск. у. Ярославск. г.*).

³⁵ «Ходит дух грозный по земле, вырывает пенье и коренье, белое камень и суховерховое дерево ломит по земле. Сим заклинаю, чтобы моего недруга и супостата также ломало порчею, во веки веков, аминь» (*Череповецк. у. Новгородск. г.*).

Несколько более понятной является индивидуальная порча. Здесь какие-то неведомые снадобья и напитки подмешиваются к хлебу, кушаньям, квасу, пиву, водке, чаю и т. п.³⁶

Народная фантазия питается многочисленными и самыми разнообразными рассказами, где такая порча и способы ее получения изображаются во всевозможных видах. В одном случае рассказывают, как женщину испортили на лапше и как она, поев лапши, сейчас же «стала кричать на голоса»³⁷, а другую, которой знахарка дала съесть вареное яйцо, «сейчас же стало свертывать в клубок и какая-то невидимая сила начала поднимать так легко вверх, как мячик резиновый подпрыгивает» (*Брянск, и Орлов, уу. Орловск. г.*).

«В квасу дали, родимый, – простодушно объясняет больная, свою болезнь, – так и услышала, как по животу пошло, а перекреститься-то, как стала пить, и не; перекрестилась: вот, ён, супостат-то, и вошел в нутро» (*Мещовск. у. Калужск... г.*).

«– Прихожу к бабке – передает другая женщина, – она как поглядела в воду, так всё и узнала, у тебя, говорит, несчастье случилось, ты сама больна да и муж твой нездоров: вам «поддали» в еду. А перед этим у нас кто-то проткнул кашу в чугуने, должно, соседка по сердцам подделала. Мы всю эту кашу с хозяином и поели. На него напала тоска, хоть со двора долой иди, ничего не мило, а меня лихорадка затрепала совсем».

В случае невозможности испортить человека на пище и питье колдуны, будто бы, ухитряются как-нибудь «наколдовать у одёжи».

«– Измучила меня лихоманка совсем, – жалуется женщина, – с тех пор, как у меня вырезали крест на шубе. Трепет каждый день, да и все. Была и у фельдшера, и у доктора, – никакой помощи нет».

«– А рубахи у них с мужем разрезали и подушку, вот, и заболела, – крайне просто объясняет баба источник происхождения болезни у другой больной.»

«– Ну, так что же? Разве может от этого что-нибудь сделаться?»

«– А как же? Вырезано, значит, было с умыслом: она в теж поры и заболела».

«– Кто же это мог сделать?»

«– А вестимо кто: недобрый человек – сноха девернина, злющая, презлющая баба... И бабка так рассказывала – над ими изделано, говорит: ему-то немного попало, ну а ей, значит, во всю».

Существуют и многие другие способы порчи. С этой целью бросаются на дороги различные заговоренные предметы: стоит поднять такой предмет – и человек уже испорчен (*Скопинск. у. Рязан. г.*). Передают также, что колдуны кидают под ноги намеченного человека какие-то небольшие шарики, скатанные из овечьей шерсти, с примесью кошачьих и человеческих волос (*Грязовецк. у. Вологод. г.*). Достигают колдуны порчи, будто бы, и тем, что замазывают в трубе волосы намеченной жертвы, зашивают их с перьями неизвестных птиц в подушки, а также подкидывают в печь, подкладывают под стену в хате и зарывают под ворота (*Пензенск. г. и у., Карачевск. у. Орловск. г.*).

Способы, при помощи которых колдуны ухитряются причинять порчу, иногда положительно неуловимы и пред объяснением их останавливается даже фантазия русского мужика, склонного верить в возможность существования самых необычайных вещей.

³⁶ Славой производить порчу пользуются, между прочим, большие белые черви, которые заводятся в бочке из-под вина. Доставь червей и подойдя к кабаку, пускают их ползти по земле. Тот червяк, который поползет к кабаку, и есть обладатель вредоносных свойств. Стоить его взять, высушить, перетереть в порошок, подсыпать кому-нибудь в кушанье или питье – и человек этот будет пить запоем (Саран, у. Пенз. г.). Подобными же свойствами обладает и земляной паук. Если его, поймав, высушить и превратив в порошок, запечь в хлеб и дать кому-нибудь поесть, то тот в 3 года исчахнет (Алатырск. у. Симбирск, г.).

³⁷ Сделалась кликушею.

«— Незадолго до смерти Сухорукого³⁸, — рассказывает один из потерпевших от его проделок, — вышел такой случай. Косили Гавриковы луг, вот, я, в обедах, и зашел к ним, пособить и убрать сено. Они поднесли мне водочки. А духота стояла — страсть. И так меня разобало с двух стаканов, что пошел я по кладям, через ручей, да и оступился, клади-то в воду, а за ними — я. Намок я, а Сухорукий стоит на возу, навивает сено, увидел меня, да и кричит — «хоть бы тебе захлебнуться там: все клади разгородил». А я-то, с пьяну: «не мне, а тебе, говорю, ведьме, давно бы пора захлебнуться, а то никак не потонешь, нечистый». Пришел я вечером домой, разостлал свитку, по конику, под святыми, и лег спать. По утру встаю весь мокрый. Что, думаю, за причта, никогда со мною этого не бывало, не только что с трезвым, а и с пьяным. На другую ночь — то же. Я не стал ложиться, перешел на другое место, к печке, а на конику-то легла моя дочь, Наташка. По утру встала и она мокрая. И пошло так изо дня в день. Как только уляжемся спать, а ён, Сухорукий, на Наташку-то — с потолка. Пошли у Наташки по телу волдыри, расхворалась совсем девка. — «Зачем ты, говорить, тятя, Сухорукова обругал? Сходи к нему и попроси у него прощения». Пошел я к нему, захожу, кланяюсь, а он и не глядит на меня».

— Поди, — говорю, — ко мне, дядя Петр, сделай такую милость, посмотри мою Наташку».

— Приду, — пробурчал он».

Я скорее домой, купил бутылку водки и поставил на стол. Пришел Сухорукий, посмотрел Наташку, и никому ничего не говоря, сел за стол, да и выпил всю бутылку.

— Ну, что, дядя, — спрашиваю я, — полегчает Наташке?

— Полегчает, — опять пробурчал он, — тоже, молод ты еще говорить-то со мною: помнишь, чай, покос-то? — И ушел.

Глядь, по утру, Наташка встала сухая, а через два дня и совсем оздоровела. Вот какой был, анахима. Сухорукий, дух его не махни!»

Особенный интерес представляют рассказы о таких случаях, где вхождение беса в человека и его пребывание в нем представляется в виде тех или других животных.

«— Как стала матушка кончаться, — передает про один такой необыкновенный случай дочь, — раздуло в животе у ней, незнамо как, глаза выкатились, стали большие, большие. Поднялась рвота — чёрная-пречёрная, и выблевала она червяка чёрного, лохматого, с четверть длины и в палец толщины. Не успели мы опомниться, а он уполз под печку, и матушка кончилась. Это бес-то, который сидел в ней и мучил, и вышел червяком. Оттого покойница при жизни не могла стоять в церкви, не подходила сама к священнику и причащать ее подвели насильно: это бесу-то не любо было» (*Мещовск. у. Калужск. г.*).

«— Моего мужа, — рассказывает вдова, — испортила невестка. Когда он собрался ехать к венцу, она выхватила помело из-под печки, выскочила на улицу, бросила его под поезд и крикнула — «штоб вам ни пути, ни дороги, чорт под ноги!»

С тех пор и заболел, и вскорости же помер. Перед смертью он стал кричать по-телячьи, все харкал и говорил, што что-то в глотку ему подстывает, почесь душит. Раз мы собирались завтракать, а он захотел приподняться и облегнулся об стол. Чтобы помягче было, я ему под руки завеску подложила и только что отошла в сторону, он как харкнет на всю избу и выхаркнул лягушку. Все видели, лягушка, как ошметок большая, ускакнула под печку и пропала. После, того он положил голову на стол, раздохнул и помер».

«— Меня с хозяйкой, — передает еще один больной, — в свадьбу испортили: бабка тогда узнала, что на вине; нам сделано было. Сперва на меня тоска навалилась, бывало, до того проймет, што прошу мать зарезать меня, а пуще тоски боль в брюхе меня доймала, особливо на полном месяце. Известно, што нечистая сила, ежели есть в человеке, то на исходе месяца и она исходит, а на молодую да на полный месяц и нечистая сила прибывает в человеке и

³⁸ Прозвание колдуна из с. Жидкого (*Болховск. у. Орловск. г.*).

пуще начинает мучить. У меня в брюхе; жила нечистая сила мышью: как зачнет, бывало, она ползать там по кишкам, живот и станет дуться, того гляди, лопнет. Я уж и гашник, и пояс распушу, да без памяти по избе катаюсь. А тоска, во какая бывала: чисто перед смертью. А как зачнет к глотке подползает, так и чую, как в шерсти ворочается, тут, во, – показывает рассказчик на горло. – Кабы не один человек, давно бы меня эта нечисть доконала. Присоветовал он мне коренья пить, от порчи девять их, а самый главный «Адамова голова» прозывается, потому что он прям как голова человечья и образину имеет такую, даже борода есть. Этот корень надуть было напослед всего пить, и дюже тяжело мне сделалось: ни пить, ни есть, а гадина в брюхе еще злее лазить стала. Мать и жена так и думали, что я кончаюсь и за попом послали, причастить меня. Тут, с обеда зачал я блевать и как раз, как попу приехать, еще пуще натошновал и выблевал мышь, мышь как есть, в шерсти, и сразу же легостно стало» (Орловск. г. и у.).

Залом и вынимание следа

Любопытны те виды порчи, которые вызываются при посредстве так называемых «заломов» и «вынимания следа»³⁹. Залом – это завязанный в узел и предварительно запутанный или закрученный пучок колосьев какого-либо еще несжатого хлеба, чаще всего ржи⁴⁰. Иногда он обвязывается лошадиными или женскими волосами, обсыпается углем, золой из печи, землей с кладбища и проч.⁴¹ Всякий, кто срежет такой залом, скоро умрет или получит лихую и продолжительную болезнь: у него отнимаются ноги или сохнет рука и пр. От залома лее часто появляются особенные раны, в которых заводится тонкий, узкий червяк в роде волоса. Этот червяк имеет способность постоянно разъедать рану, не давая ей поджить.

Порча, с места залома, сообщается всей заломной полосе. Вот почему хлеба с таких полос крестьяне не едят, а продают и самую мякину выкидывают. Для нейтрализации силы заломов обыкновенно приглашается знахарь⁴², а иногда священник, служитя молебен и «поднимаются» иконы (Жиздринск. у. Калужск. г., Брянск, у. Орловск. г.). Эта вера в существование заломов и их отдельных видов иногда является удивительно непоколебимой и сильной.

«– И как ты там не говори, что нет заломов, – убежденно говорит орловская крестьянка Р-ва своему собеседнику, – а заломы есть. Ну, ладно, хай нету. А скажи ты мне, отчего у Степаниды Гудихиной, вот другой год, рука отнявшись? Нука-ся, а? Оттого, отнявшись, что она не расслеповала, да залом-то и скрамсолила. А ты говоришь нет: вот тебе и нет!

– Заломы разные бывают, – продолжает она, – на человека, а то – на зерно. Стеха-то, вот, и срезала человеческий залом, видно, на нее подделан был. Она, как разглядела его, так и ахнула: матушка, родимая! Да уж поздно было: срезала, вот, и болит теперь.

– А-то залом на зерно бывает: весом зерно легковесно; набором – не дай, Господи, у соседей столько-то, а у тебя наполовину. В чём не хватись – всё неспорно. А ты говоришь – нетути. Вон, в прошлом году, у нас так-то было подделано, спасибо, углядела я. Скорей за

³⁹ Вера во всевозможные виды порчи показывает, что известная часть народа до сих пор живет миром понятий, которые в допетровскую эпоху составляли удел не его одного, а разделялись всеми классами русского общества, не исключая и придворных сфер. «Сыское дело о колдовстве на Царицын след» (1638 г.) и др. Иван Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. 1901 г.

⁴⁰ Иначе заломье (Пензенск. г. и у.), закрутка (Городищ, у. Иензенск. г.), завиток (Калужск. г. и у.)

⁴¹ Вот как, по рассказам одного крестьянина, производит заломы знахарка из с. Ильинского (Новоладожск. у. С.-Петербургск. г.) А-на: «на вечерней заре она приходит в поле, выбирает нужную ей полосу, становится лицом на запад, наклоняет, с заклинаниями пучок колосьев к земле закручивает, перевязывает суровой ниткой и посыпает его взятой с могилы самоубийцы землей. Чтобы молитвы и благочестие семьи, которой принадлежит полоса, не ослабляли силы заклинаний, А-на становится ногами на образ, обращенный лицом вверх».

⁴² Знахарская процедура уничтожения закрута называется «раскрут».

бабкой, вон, ажно к Кромам ездила. Ну, ничего, слава Богу, отчитала. Посмотрела на воду и прямо сказала: на зерно было сделано. Так-то. И лучше ты не говори, что заломов нету: есть, рука отсохни, есть».

Другой таинственный и загадочный способ производить порчу заключается в вынимании следа.

«— Идешь ты утром, разувши, а твои следы видны на земле. Колдун возьмет да и вынет этот след: вот, и испорчен человек»⁴³.

Земля, вынутая из очертаний следа, сушится на огне, вешается, в мешочке, у чела печки или относится на погост. Испорченный таким способом человек обыкновенно сохнет, а если след бросить в воду, то заболевает водянкой (*Пензенск. г. и у., Мещовск. у. Калужск. г.*).

Порча молодых

Среди всевозможных видов порчи совершенно особенной и наиболее распространенной является порча молодых. Благодаря вере в возможность такой порчи, во многих местах до сих пор сохраняется обычай приглашать на свадьбы колдунов или тех, кто выдает себя за них, чаще всего простых любителей выпивки. Получив такое почетное приглашение и хорошо угостившись, они не только не портят молодых сами, но и предотвращая порчу со стороны других⁴⁴.

Порча молодых производится, большею частью, во время свадебного столования, на различных кушаньях и напитках, но существуют для этой цели и некоторые специальные приемы. Можно испортить молодого и сделать его неспособным к отправлению супружеских обязанностей, воткнув булавку в то место, где он, выйдя на двор, в первую брачную ночь, исполнит свою естественную надобность (*Брянск. у. Орловск. г.*). Рассказывают, что в одном случае невеста едва не была испорчена тем, что какой-то худой человек бросил на нее дубовый листок. Она спаслась только тем, что этот листок вовремя сняла ее сестра. Зато у последней заболела рука и через несколько времени она умерла (*Ростовск. у. Ярославск. г.*). В другом случае свекровь испортила молодую на сорочем сердце. Изловив сороку, убив ее, вынув сердце и настояв его на водке, она дала выпить настоей невестке, и та потеряла способность говорить: стала издавать лишь неопределенные звуки: «защекотала сорокой» (*Севск. у. Орловск. г.*).

Результатом свадебной порчи, кроме полового бессилия, является бесплодие, кликушество, «припадки», а также физическое отвращение молодых одного к другому. «Отворожили друг от друга», — так определяется обыкновенно этот вид порчи (*Шуйск. у. Владим. г.*). В противоположность половому бессилию, бывает иногда и обратного рода порча — приапизм (*Белозерск. у. Новгородск. г.*).

Но такая порча, разумеется, случается крайне редко, наиболее же часто она выражается в форме «нестоихи», «невстаючки». Испробовавши все деревенские, по преимуществу, знахарские средства, как к последней надежде, обращаются в этих случаях к медицинской помощи.

«— Сына по осени женила, — жалуется крестьянка фельдшеру, — да над ним порчу сделали и молодница-то и по сю пору девкой ходит. Ну, вестимо, дело молодое, кровь-то ходит,

⁴³ Многие виды заболеваний, приписываемых этой причине, несомненно, имеют простудное происхождение. Здесь опять обнаруживается удивительная склонность русского человека, вместо естественных причин, искать их суеверного объяснения.

⁴⁴ В виде предохранительной меры против такой порчи, существует обычай подпоясывать жениха сетями и обкалывать подол платья невесты иголками и булавками (*Ростов, у. Ярославск. г.*). В некоторых местах Брянского уезда (*Орлов. губ.*) молодых провожает из церкви до дому священник, с крестом в руке, при чем молодые идут в венцах.

охота берёт, а ему непомогут. Да и соседки-молодицы разговоры поведут с ней насчёт этого, а ей и ответ нельзя дать: еще ничего не было».

– Нет ли средства? – просит и кланяется баба: – говорят, капли какие-то бывают?» (*Карачевск. у. Орловск. г.*).

Гораздо чаще в таких случаях фигурирует и, кажется, часто не без пользы, знахарь.

Еще уходя с брачного пира и прощаясь с молодым, хорошо угощенный и опытный знахарь, в ободрение его, говорит:

– Ты, малый, если что будет неладно, завтра пришли за мной: мы это дело живо обкомандуем».

В случае неудачи, молодой посылает за знахарем, тот приходит.

– Ну, как дела? – спрашивает.

– Плохо, дядюшка. Нельзя ли помочь? Век не забуду твоей милости».

– Помогнем, не бойся.

Знахаря сейчас же сажают за стол и начинают усиленно угощать. Достаточно угостившись, он требует ведро воды и приказывает всем выйти из дому, ведет жениха на двор, становится около ворот, подле пятной верей, делает наговор над водой и обливает молодого с головы до ног. При этом дует, плюёт, топает ногами и кривляется на разные манеры. Прделавши все это, говорит молодому: «ну, теперь кончено, теперь ничего не бойся, лучшим манером справишь свое дело» (*Орловск. г. и у.*).

Прикосновение и взгляд

Народное представление о различных видах и способах порчи было бы не полно, если бы мы не упомянули о том, что ее возникновение приписывается иногда прикосновению и взгляду.

В некоторых местах Ростовского у. (*Ярославск. г.*) мнение, что худые люди портят, главным образом, через прикосновение, является, по-видимому, даже преобладающим. В Котельническом уезде; (*Вятск. губ.*) допускается, что порча может быть передана человеку при ударе рукою. Из Пензенского у. сообщают о том, как колдун, будучи сердит на одну женщину, схватил ее за плечо и та с этого момента заболела. При встречах он постоянно окликал ее, и та падала тотчас на землю и начинала биться. Даже дружеское прикосновение худых людей является в некоторых случаях источником порчи.

В д. Талызиной (*Орловск. г. и у.*) знахарка испортила молодую женщину тем, что, как бы в шутку, потрепала ее по плечу. В другом случае, в д. Машковой, мнимая колдунья, давая яйцо на Пасху, ударила дружески бабу по плечу два раза: «ту сейчас же и подрало, словно кто под кожу влез». Вера в порчу от прикосновения настолько распространена, что в некоторых местах крестьянки, при встречи с колдуном, предусмотрительно не позволяют ему касаться их плеча (*Меленковск. у. Владимирск. г.*). Подобное же значение приписывается часто и взгляду. По мнению некоторых егорьевских крестьян (*Рязанск. г.*), есть такие колдуны, которые одним взглядом могут иссушить человека или свести его с ума. Такого же мнения придерживаются и дорогобужские крестьяне (*Смоленск, г.*), допуская, что люди худеют и заболевают одного взгляда колдуна. «Стоит только колдуну моргнуть своим глазом на человека и последний тотчас же почувствует себя дурно», – так думают и многие грязовецко-вологодские крестьяне⁴⁵.

⁴⁵ Против чародейской силы колдунов народная практика выработала свои меры. При свидании с колдуном, чтобы он не мог причинить вреда, нужно: упереться безымянным пальцем о сучок, где бы он ни был, а при споре или ссоре с колдуном следуем, плюнуть ему в лицо и смотреть в глаза: тогда он на время лишается своей силы. Теряет он эту силу и в том случае, если «вышибить» из него кровь. При этом необходимо пользоваться осиновой или вязовой палкой, а если нужно совсем убить колдуна, то этого ничем другим нельзя сделать, как только осью из летней

В некоторых местах (*Болховск. у. Орловск. г.*) эта способность производить порчу и вред взглядом приписывается особенной разновидности колдунов, так называемым «виритникам».

Виритник имеет такой ядовитый взгляд, что если задумает кого-нибудь сглазить, может в одну минуту сглазить так, что тот в один час отправится на тот свет, если только не примет энергичных мер к разрушению взгляда виритника. Поэтому, он внушает к себе гораздо больше страха, чем самый сильный колдун или ведьма. Последних можно в сердцах и побить, виритника же никогда: его взгляд разрушает все такие попытки. В таких случаях он, отойдя на три шага, устремляет, будто бы, такой взгляд на противников, что те тотчас же начинают кричать: «прости нас! Не будем тебя бить, только вынь свой яд». В эту минуту они ощущают ломоту во всем теле, у них начинает кружиться голова, появляется боль в сердце, а руки каменеют так, что не только бить, но и кверху их поднять нельзя. По народному мнению, если виритник рассердится на целую деревню и пожелает ее извести, то может в течение одного месяца истребить всю, со всем скотом и всей живущей в ней тварью. Даже птицы, которые в это время будут пролетать через деревню, и те попадают на землю мертвыми: вот какова сила ядовитого взгляда виритника (*Орловск. г. и у.*). Весьма интересно, что такое же свойство во многих местах приписывается глазу св. Кассиана (*29-го февраля*). Если он взглянет на людей – начинается мор, на скотину – появляется падёж, на хлеба – они пропадают (*Скопин. у. Рязанск. г.*).

Сглаз, оговор и испуг

К числу таких же темных и загадочных болезней, как предыдущая, относятся те, в основе которых лежит сглаз, оговор и испуг. При сглазе порча происходит не по злой воле человека, а от врожденной способности известного лица причинять вред всему, на что бы он ни посмотрел, далее без какой-либо предвзятой мысли: таково печальное и непонятное свойство некоторых людей. Хотя в прямом смысле и это есть порча, но в таких случаях уже не говорят – «испортила», а говорят лишь – «сглазили», или «приключилось» с глазу.

Иногда глазу приписывается лишь легкое недомогание – головная боль, соединенная с зевотой, а иногда все болезни внезапные, особенно сопровождающиеся тяжелым общим чувством и жаром (*Керенск., Городищенск. и Саранск, уу. Пензенск. г.*).

Сглазу нее приписываются параличи и другие заболевания, причина которых является для крестьянина неясной и темной (*Масальск. у. Калужск. г., Пошехонск. у. Ярославск. г.*). Особенно восприимчивостью к глазу отличаются дети, имеющие способность заболевать не только от порицания, но даже от похвалы, после того, как ими любовались (*Сарапульск. у. Вятской губ., Ливенск. у. Орловск. г., Хвалынск, у. Саратовск. г.*). В виду той опасности, которую представляет для детей сглаз, их во многих местностях избегают даже показывать посторонним, незнакомым людям. Недобрыми глазами чаще всего считаются черные, большие, блестящие и глубоко впавшие⁴⁶.

повозки (*Грязовецк. у. Вологодск. г.*). Орловцы, для того, чтобы пустить колдуну кровь, прямо рекомендую «бить его по носу, разбить ему губы или зубы, а в более легких случаях – ударить его наотмашь в сказать: «чур меня». Те же орловцы, для обезвреживания колдуна, поят его чистым дегтем, смешанным с лошадиными испражнениями, и прокалывают левое ухо, но иногда пользуются и более невинными средствами. Хорошо, оказывается, пробить тень колдуна осиновым колом и пользоваться палкой с прожженным концом. Такой палкой, при встрече с колдуном, следует сделать круг на земле и встать на его середине: тогда колдун ничего не может сделать.

⁴⁶ По Афанасьеву, вера в призор или сглаз, общая всем индоевропейским народам, связана с древним культом солнца и грозы: то, что прежде говорилось о небесных очах (засухи, неурожай, болезни и пожары, в зависимости от знойного блеска солнечного ока и сверкающих взоров Перуна), впоследствии было понято буквально и перенесено человеком на самого себя. Даль эту веру объясняет действительным влиянием какой-то скрытой и необъяснимой силы человека: «бесспорно, есть люди, – говорит он, – одаренные какой-то темной, непостижимой для нас силой и

Такое же значение, как глазу, приписывается действию дурных или сказанных «не в час» слов и смеха. Действующая в этих случаях причина называется в некоторых местах «обурочиванием» или «изурочением», а происходящие от этой причины болезни определяются словом «уроки». Сделается у кого-нибудь лихорадка, заболит голова или занает нога, это больного «взяли уроки»; или его кто-нибудь «обурочил» (*Никольск. у. Вологодск. г.*). К урокам же относят тошноту и тяжесть в области желудка и решают: «должно быть, изурочили» (*Сарапульск. у. Вятск. г.*). Особенно неблагоприятные последствия имеют слова, сказанные в худой час. У каждого человека, в течение суток, есть свой худой час. Этот час всякий может подметить, если будет внимательно следить за своею жизнью: все несчастья и неприятности случаются с человеком в этот определенный час (*Козельск. у. Калужск. г.*).

Болезни, происходящие от оговора, иногда носят специальное название – «озык». От озыка происходят многие внутренние и нервные болезни, в особенности ему приписываются, по-видимому, некоторые формы неврастения.

По мнению народа, находящейся в озыке, собственно, ничем не болен, однако, не помогает, но только потому, что его «озыкнули», т. е. признали больным другие люди, а ему подумалось, что он и в самом деле болен: вот, «от думы» ему и приключилось (*Кадниковск. у. Волог. г.*).

«Сглазили», «оговорили» – очень частое происхождение болезней, в особенности соединенных с исхуданием заболевшего. Если ребенок, молодая девушка или парень будут бледнеть, худеть и сохнуть, причина лежит непременно в чьем-нибудь глазе или оговоре, всегда найдется человек, который это сделал и подыщется случай, когда это произошло. С глазу и оговору может пропасть молоко у женщин после родов, приключиться всякая другая болезнь и кончиться далее смертью больного.

«— Это они, значит, с ребятами поехали в ночное лошадей стеречь, — объясняет мать потерю сына, — а вы сустретились с ними, глянули на моего-то, засмеялись это промеж себя, да и говорите: вишь, малый-то какой, на кукушечку похож. Ён тем же вечером воротился: в ночном, значит, его взяло, вступило ему в голову, в животе начало гореть, денечка четыре промаялся, а там Богу душу отдал».

— Что же, ты лечила его?»

— И, да, што там лечить: люди не присудили, потому, говорят, это у него с оговору, все одно, никакое лекарство не поможет».

Одной из довольно частых причин заболеваний считается в деревне также испуг. Словами «заболел с испугу, испужан, измешан» всего чаще определяется происхождение таких страданий, которые относятся к идиотизму, умопомешательству, истерии, эпилепсии и кликушеству. Представляя часто совпадение и случайность, простое *post hoc, ergo propter hoc*⁴⁷, испуг в некоторых случаях, коренясь на почве крайних суеверий народа, является действительно ближайшим причинным моментом некоторых нервных заболеваний и играет в таких случаях роль как бы самовнушения. Некоторые калужские, пензенские, орловские и другие крестьяне до сих пор не потеряли веры в «насыльного» беса, который может принять вид какого-нибудь животного или птицы и, появившись неожиданно перед жертвой, произвести то или другое заболевание. При суеверно настроенном воображении самые простые случаи в состоянии производить потрясающее впечатление и создавать непоколебимую уверенность в неизбежности такого заболевания. «Сидим это мы, прядем, — передает баба, — а на дворе ночь тёмная-претёмная. Вдруг, будто курица заклохтала, а они у нас в сенцах, на перемете

властью поражать приковыванием или даже одним взглядом своим другое, в известном отношении подчиненное, слабейшее существо, действовать на весь состав его, на душу и тело благотворным или разрушительным образом или, по крайней мере, обнаруживать на него временно, явно какое-либо действие. Ученые называют это магнетизмом, а народ сглазом». Даль. «О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа». 1881 г.

⁴⁷ «После этого, значит вследствие этого» (*лат.*). (*Прим. ред.*).

сидели, – я и говорю: «поди-ка, Наська, глянь-ка, что это там с курами поднялось?» А она только, это, за крюк взялась, как шаркнет ей под ноги кошка, я это скорей к дверям, запираю, а девка-то, глянь под лавку, а там уж не кошка, а курица рябая: это он так обернулся. Вот, с той поры в девку и вступило».

Есть еще очень загадочная деревенская болезнь «притка». К притке относится все то, что случается с человеком внезапно. Если кто оступится и захромает – это притка, если делается удар и отнимется рука, нога или язык – это тоже притка.

«Вот попритчилось ему что-то – говорят про больного: —надысь шёл с гумна, вдруг, в бок кольнёт, так с того времени и слёг, словно в дурное место ступил» (*Керенск. у. Пензенск. г.*).

Порча и сглаз, как внушение

Без сомнения, многие виды порчи, как она рисуется народным представлением, в действительности обнимают собою болезненные случаи, развитие которых стоит в зависимости от физических и некоторых других агентов и факторов здоровья. В особенности это относится к порче, пущенной по ветру, по воде и примешанной к пище и питью. Имея в большинстве случаев более чем слабое представление о сущности и происхождении заболеваний и столь же мало понимая значение для здоровья недоброкачественной воды и пищи, немудрено, что наш народ все подобные заболевания относить по преимуществу к порче.

Если, таким образом, в известном, притом значительном ряде случаев, народная вера в порчу является исключительно результатом невежества и недостатка положительных знаний в нашем народе, – источник этой веры в отношении происхождения многих нервных, а также некоторых психических заболеваний, напротив, имеет за собой достаточно реальную основу.

В настоящее время, когда, внушение приобрело, до известной степени, научные основания, едва ли можно к народной вере в порчу относиться с тою пренебрежительностью, с какой к ней относились еще очень недавно, и едва ли можно считать натяжкой утверждение, что сущность и происхождение многих случаев порчи заключается не в чем ином, как во внушении. Это последнее понятие и народное понятие о порче, применительно в известной группе заболеваний, без сомнения, могут считаться между собою тождественными. Замечательно, что наш народ название «порченных» дает почти исключительно нервным больным и применяет его к случаям деревенской истерии – кликушества, истеро-эпилепсии, неврастении, психической импотенции новобрачных, к некоторым случаям душевных заболеваний и т. п. То предрасположение, которое требуется для внушения, создается в нашем народе, главным образом, той глубокой верой в порчу, которая так крепко укоренилась в нем. Помимо этой общей: причины, в отдельных случаях получает известное значение и чисто индивидуальное предрасположение, а также личное настроение, создаваемое исключительными жизненными моментами. Такую восприимчивую и благодарную почву для всякого рода внушения представляет, например, повышенное нервное настроение новобрачных или боязнь заболевания, доходящая до паники и охватывающая деревенское население при появлении в деревне одного или нескольких случаев, а иногда и целой эпидемии кликушества. При подобных условиях, одного из тех моментов, из которых, по народным понятиям, складывается порча, достаточно для того, чтобы вызвать действительное заболевание. В этих случаях, в виде внушения и самовнушения, одинаково могут действовать как взгляд и прикосновение, так и сказанное с умыслом или без умысла слово, простая встреча с известным лицом, получение из рук его какой-нибудь вещи, питья, пищи и т. п.

Говоря об этих видах порчи, как о внушении, мы не можем не отметить, что чуткая и непосредственная душа народа уловила то влияние духа на дух и тот цикл явлений, который

до сих пор отвергались наукой и только в самое последнее время начали укладываться в рамки «внушения» (Брайд, Шарко, Льебо, Бернгейм)⁴⁸.

При этом замечательным является соответствие между указанием Шарко и его школы относительно значения личности экспериментатора при гипнотическом, внушении и той верой, которая связывается народом с порчей: снять ее может только тот же колдун, который причинил порчу, или же колдун, гораздо более сильнейший.

Без сомнения, в народном учении о порче, грубые предрассудки и суеверия должны быть отделены от того, что составляет факты верного наблюдения. С этой стороны, народные верования в порчу представляют широкое и благодарное поле для исследования со стороны земских врачей. Эти исследования представят интерес не только в бытовом отношении, но они выработают и те своеобразные методы, которые должны быть положены в основу лечения этих видов заболеваний⁴⁹.

Не разрешая вопроса о порче во всей полноте, его значения и ограничиваясь объективной задачей изображения воззрений народа на порчу, лишь только как на одну из болезнетворных причин, мы, с чисто бытовой точки зрения, отметим в чем, по понятиям народа, заключается специфичность той силы, при посредстве которой производится порча, или, что одно и то же, внушение. Порча есть не только сознательный акт и выражение злой воли человека, но почти всегда есть результат проявления дьявольской силы: злой человек, причиняющий порчу, есть только фактор этой последней силы. Таким образом, тому несомненному влиянию, которое, при известных условиях один человек в состоянии оказывать на другого и которое подтверждается целым рядом фактов народного наблюдения, народ придал демонологический характер, отдав этим дань тому мировоззрению во власти которого он находился и находится до настоящего времени.

Передача болезней и действие не одухотворенных причин

Помимо порчи, болезнь можно иногда получить через передачу ее кем-нибудь другим, через «подброс» и «относ». Таким образом передаются, напр., бородавки, насморк, лихорадка, собачья старость, или седун (английская болезнь). Эта передача совершается или через какие-нибудь наговоренные предметы, которые бросаются на дороге, меже и т. п., или через платье, снятое с больного и где-нибудь оставленное. Во всех этих случаях болезнь переходит на того, кто поднимет или возьмет эти предметы⁵⁰.

Вот почему поднять какую-нибудь вещь на меже или на перекрестке крестьяне всегда опасаются. Поднявший должен отнести вещь на прежнее место и там три раза плюнуть на

⁴⁸ Не говоря об оккультизме, течении, очень распространенном во Франции и поддерживаемом такими научными представителями, как Ш. Ришэ (физиолог и психолог) и Фламарион, уже «внушением», как точно установленной научной системой, без особенной натяжки, может быть объяснена некоторая часть далее таких явлений, которые приписываются народной верой взгляду и сглазу. В настоящее время признается особый вид внушения без сна, достигаемый посредством фиксации глаз и называемый Гиршем состоянием бодрствования с повышенной внушаемостью (Captivation). Вне всяких сомнений стоит также парализующее действие взгляда крупных змей и хищных животных на животных меньшей величины и такое же действие на животных взгляда укротителей зверей (очарование). D-r Loewenfeld. «Der Hyphotismus». Wiebaden. 1901. По сообщению Лафонтена, такое оцепенение может иногда кончаться даже смертельным параличом: взятая в руки жаба издыхает в несколько минут, под влиянием устремленного на нее упорного и пронизывающего взгляда. Ch Lafontaine. «L'art de magnetiser». Paris. 1886.

⁴⁹ Земские врачи, мало индивидуализируя, с народной точки зрения, подобного рода заболевания, применяют к ним почти исключительно лекарственную терапию. Лишь в самое последнее время начинают появляться попытки такой индивидуализации, с применением приемов лечебного внушения. «Порча, кликуши и бесноватые, как явления русской народной жизни». Д-ра мед. Н. В. Краинского, с предисловием академика В. М. Бехтерева. 1900 г.

⁵⁰ Способы, которыми передаются болезни, более подробно будут указаны в отделе «Суеверные средства лечения». В основе, этого верования, без сомнения, лежит подмеченный народом факт распространения некоторых болезней, инфекционного характера, через вещи, бывшие в соприкосновении с больным.

сторону (*Масальск. у. Калужск. г., Чембарск. у. Пензенск. г.*). За несоблюдение необходимой осторожности в таких случаях можно жестоко поплатиться.

«— Еду я однажды, — рассказывает крестьянка С-ва, — гляжу, узелочек... Я, вестимо, бабье дело, и подняла. Поглядела: рубаха, крест, пояс, щепочка и угольки. Положила в сани, еду. На возвратном пути нагоняю старуху Мышину, прозвище ей такое, посадила ее и рассказала про находку. Старый-то человек не то, што мы, глупые, как ахнет, руками-то всплеснет, да и закричит — «неси скорей туда, где подняла: это, баба, на дурное!» Отнесла, но с той поры я не баба стала: тоска, еды лишилась, ни дети, ни двор не милы. С год мучилась, пока на человека не попала, который наговорил и снял. А другая наша сельчанка яйцо у колодца подняла и с той же поры на голоса зачала кричать, дотоль кричала, поколь на тот свет не пошла» (*Карачевск. у. Орлов, г.*).

В других случаях виновником болезни является сам больной: некоторые сыпи, напр., ветреница, или летучий огонь (*herpes labialis*) происходят от «подуму» и человек заболевает ими, глядя на больного с другой сыпью. Иногда, впрочем, сыпь привязывается и с ветру (*Череповец., у. Новг. г.*).

Вообще, область таинственного в деле происхождения болезней чрезвычайно велика и разнообразна.

Болезни часто могут вызывать и неодоухотворенные причины и иногда они так пусты и ничтожны, что, кажется, если не та, то другая болезнь сторожит каждый шаг и каждое неосторожное действие крестьянина. Обнаруживается полная скудость разумных взглядов на причины заболеваемости и открывается широкое господство суеверий. В Новгородской г. существует у детей болезнь «щетка», «щекотун». Причина этой болезни в высшей степени проста: если беременная женщина толкнет случайно или нарочно поросенка, то родившийся младенец заболевает щеткой, т. е. будет плакать дни и ночи, не давая никому покоя, от раздражения щетками, которые появляются на поверхности его тела. Интересен способ распознавания этой болезни, необходимый для целей ее лечения. Для определения, точно ли у ребенка щетка, мать трет своею щекою о спинку дитяти, или же, взяв его на печь, «выстрекивает» молоко на спинку ребенка и начинает поглаживать ладонью. Если у ребенка точно щетка, то сначала появляются на спине, будто бы, черные точки, а затем и волосики.

Интересна также болезнь, известная в Орловской губ. под названием «круги». Круги — сыпи, имеющие круговидное расположение, появляются непременно и всякий раз у тех, кто переходит через каталища — места, где катались лошади, всегда обозначаемые очертаниями нескольких кругов. Чтобы не заболеть кругами, орловские крестьяне избегают переходить такие каталища или, в предупреждение заболевания, плюют три, а то и девять раз на землю.

«— Ты, стало быть, ослеп, што шел прямо на каталище? — журит один мужик другого — я думаю, можно рассмотреть. Если уж ты не рассматриваешь, где ходишь, то, когда пройдешь по каталищу, обратись назад и 9 раз плюнь, тада ничаво не будет. Лошадиное каталище еще можно вылечить у знахарки, а, помилуй Бог, ступить на собачье каталище, вот, тада, узнаешь: все тело будет в кругах, што нельзя будет ни сесть, ни лечь, а выговором собачье каталище не возьмешь: не берёт!».

Подобным же образом происходит письяк (ячмень). Причина этой болезни — собака, пёс: если человек ест что-нибудь и не даст собаке, которая глядит ему в глаза, то непременно сядет письяк (*Орловск., Новгородск., Вологодск. и др. гг.*). Кто съест кусок хлеба, мяса или обгложет кость, предназначенную собаке, у того под мышками появятся «сучьи сиськи»⁵¹.

⁵¹ Воспаление подмышечных лимфатических желез (*Юхновск. у. Смоленск, г.*).

Если через ребячью пеленку перебежит собака, в ребенка «увяжется сушец», или собачья старость⁵².

Вообще, многим непонятным, отступающим от нормы явлениям дается чисто суеверное объяснение: родится ребенок с обмотанной во круг шеи несколько раз пуповиной, значит, мать, когда была беременна, мотала нитки на святках, по вечерам; идут роды медленно и затягиваются на больший промежуток времени, чем следует, значит, она, будучи беременной, оступалась, переходила через оглобли или перешагнула через помело (*Болховск. у. Орловск. г., Яранск. у. Вятск. г., Макарьевск. у. Костромск. г.*).

Едва ли есть какая-либо надобность разбирать и проводить разницу между действительными причинами заболеваний деревни и теми воображаемыми, как их представляет себе народ: разница между ними так же велика, как между голой и неприглядной действительностью и самой крайней, несбыточной фантазией.

Если взять эти последние причины в том виде, как они вырисовываются народными воззрениями, и исключить три действительно болезнетворных фактора, допускаемых народом – простуду, тяжелую работу и старость, присоединив сюда и дурную кровищу, в представлении о которой видны зачатки кое-каких физиологических и рациональных понятий, то окажется, что вся остальная народная теория о причинах возникновения болезней почти сплошь обоснована на суевериях.

Сравнивая первую группу этих воззрений со второй, чисто и всецело суеверной, мы увидим, что последняя заключает в себе гораздо больше определенности, глубже исчерпывает предмет и является не только более обширной, но и более детально разработанной. Суеверные воззрения народа часто обнимают собою и касаются таких мелочей, что, будь они направлены в разумную сторону, они не свидетельствовали бы только о бесплодной пытливости ума, а делали бы большую честь народной наблюдательности.

Все эти воззрения стары, как стар народ, и ни время, ни новизна некоторых условий народной жизни не могли сделать их более разумными. Мы будем иметь потом возможность показать, что земская медицина, несмотря на краткость своего существования сравнительно с тысячелетней жизнью народа, оказала на него неоспоримое влияние, изменив взгляды на лечение, больницы, и некоторые заразные болезни, но она не повлияла на выработку народом общих разумных воззрений на здоровье, требующих для своего образования всегда и больше времени и опыта, и большей суммы и определенности тех подготовительных понятий, из которых формируются общие. Вот почему все те воззрения народа на заболеваемость, которые с известным правом можно отнести к разряду рациональных в разумных, почти так же древни, как и чисто суеверные, слишком односторонни и бедны, и обнаруживают до нельзя малую наблюдательность народа относительно всего того, что фактически касается его здоровья. Нельзя не удивляться тому обстоятельству, что лишь в виде исключений встречаются указания, свидетельствующая о сознании народом чистоты, как фактора здоровья и как хотя бы до известной степени сложившегося гигиенического понятия. Если это понятие и существует у народа, то скорее, как религиозное: известно, что наш крестьянин чистится и моется почти исключительно перед праздниками. Слишком мало также указаний, которые бы говорили о сознании и значении для здоровья неудобоваримой пищи и недоброкачественной воды и которые бы связывали появление желудочно-кишечных расстройств с этими факторами здоровья. Такого сознания почти нет, как по отношению к взрослым, так и детям, и причины непомерно высокой детской смертности великорусских губерний, как мы видели это выше, лежат именно в отсутствии такого сознания.

Желудочно-кишечные заболевания как детей, так и взрослых, крестьянин припишет чему угодно – простуде, пупу, грызи, порче и т. п., но только не свяжет их ни с пищей, ни с

⁵² Рахит.

питьем и разве только при массовых заболеваниях, напр., при холере, когда связь употребления воды с развитием болезни становится ясной до очевидности, решит, что воду «не иначе, как отравляют», и подчас припишет эту отраву докторам.

Уже одно это нелепое убеждение, значительно распространенное, указывает, насколько далеко стоит наш народ от истинного понимания значения для здоровья вредных свойств воды: свойства эти вода может, по его понятиям, приобретать только путем намеренного внесения в нее отравы, яда.

Таким образом, у народа отсутствуют одни из самых элементарных понятий о здоровье, они не привились ни школой, ни институтом земской медицины и не выработались наблюдением.

Глава II. Знахарство

Почва знахарства в современной деревне. – Лечебные приемы знахарей. – Знахарская диагностика. – Виды знахарей-заговорщиков. – Значение заговорной терапии знахарей. – Зависимость лечебных приемов знахарей от народных воззрений на болезни. – Знахари-лекари и их специализация. – Знахари-шарлатаны. Почва знахарства в современной деревне

Века, в течение которых народ, в деле врачевания, был предоставлен самому себе, и весьма слабое развитие среди него истинных понятий о сущности заболеваний создали, настолько прочные условия для процветания знахарства, что знахарь, этот единственный врачеватель народа, почти до самого последнего времени, нередко и в настоящее время представляет из себя в деревне силу, с которой приходится считаться.

Хотя земская медицина, за время своего 35-летнего существования, нанесла знахарству тяжелый удар, но этот удар лишь пробил, а не разрушил той стены, которая, в силу вековых условий, должна отделять научную медицину от народа: 35 лет слишком небольшой срок для того, чтобы народ, в течение этого промежутка времени, мог коренным образом изменить свой взгляд на существо и причины болезней и отрешиться от тех способов врачевания, которые он выработал в течение целого ряда веков.

Медицина – не всемогуща и в лучшем случае она могла бы функционировать и приносить свои плоды среди народа в такой же мере, как среди наших образованных и обеспеченных классов. Но самые лучшие стремления убежденных и преданных делу земских врачей всегда разбивались о трудность, а иногда и прямую невозможность, во многих случаях, применить научную медицину к практике деревенской действительности. Многие условия, среди которых приходится работать деревенскому врачу, действительно неодолимы: врач очень часто должен лечить желудочно-кишечные заболевания при полном отсутствии какой бы то ни было возможности для крестьянина соблюдать хотя бы самую элементарную диету; он должен лечить массу кожных болезней, разного рода нагноительные процессы, раны, язвы и пр., при грязи, которой покрыто тело, пропитана одежда и которой полна изба крестьянина; при той же обстановке и часто в избе, переполненной, сверх членов семьи, еще четвероногими жильцами, врач должен нередко вести борьбу с инфекционными заболеваниями, разного рода тифами, скарлатиной, дифтеритом и т. п. Громадность расстояний, с которой должен считаться врач, случайность и мимолетность появления его у крестьянина, или крестьянина у него, и невозможность постоянного наблюдения за постепенным ходом болезни деревенских пациентов увеличивают трудность положения врача. Если к этому прибавить, что крестьянин, по всему складу своих понятий о существе болезней, стоит далеко от рациональной медицины и что он, в большинстве случаев, и не придает значения для здоровья ни чистоте, ни пище, ни питью, что, в силу роковых и трудно устранимых условий, он будет, напр., пить воду из колодца, зараженную испражнениями заболевшего брюшным тифом его соседа или родственника из одной с ним семьи, – нужна совокупность благоприятных моментов и случайностей для того, чтобы, при подобных условиях, какая-либо начавшаяся эпидемия не имела распространения, какой-нибудь отдельный больной выздоровел или получил облегчение. На такой почве создается, с одной стороны, очень много условий для развития скептического отношения народа к медицине, а с другой – развивается не разумное доверие народа к врачу, а во многих случаях лишь простая вера во врача,

такая же вера, какую прежде питал крестьянин к знахарю, так как оценить и понять, отчего получился успех лечения в одном случае, и отчего бесплодным осталось лечение в другом, он не в состоянии.

Выздоровел больной – и во врача создается вера, умер или не получил больной облегчения – и вера во врача пропадает.

Что же удивительного в том, если при подобных условиях наш крестьянин, по старой, протоптанной дорожке, идет нередко к своему старинному знакомому – знахарю, верить в которого он привык гораздо раньше, чем во врача?

Поэтому многие напрасно думают, что знахарство уже совсем отжило свое время, не имеет под собою почвы и, как система и профессия, не существует.

Знахарство – старое предание, но для многих мест нашего отечества оно все еще ново и ему приходится верить и теперь⁵³.

Обращение крестьянина к знахарю, с его точки зрения, во многих случаях, совершенно логично и последовательно. Раз известное заболевание произошло не по той или иной физической причине, а случилось от вмешательства нечистой силы, порчи, напуска по сердцам, глаза, слова и т. п., то и средства лечения должны соответствовать причинам заболевания и должны быть им равносильны: эта вера народа в существование каких-то таинственных сил, прекращающих болезни, есть лишь следствие его веры в такие же силы, которые производят болезни.

В основе этой веры и в существе знахарства лежит, таким образом, своего рода принцип: «*similia similibus curantur*»⁵⁴.

Помимо этих основных условий, существуют и некоторые другие, частичные причины, поддерживающие знахарство в народе. Говоря о них, один из сотрудников, г-н Сахаров⁵⁵, обращает внимание на следующую сторону вопроса: «если, – говорит он, – знахари и не достигают прямой цели помочь больному, то они разными механическими действиями, употребляемыми при заговорах – поглаживаниями, постукиваниями и нашептываниями значительно успокаивают нервы больного. Известная обстановка и таинственность, запах каких-то трав, окуриванье – все это, так или иначе, действует на психическую сторону больного, и в особенности крестьянина, верующего и в силу чорта, и могущество колдуна. Достаточно больному крестьянину небольшого подъема духа, чтобы улучшение состояния болезни было приписано таинственной воле чародея. Многие деревенские знахари, начав свою профессию шарлатанством, настолько убедились в своей силе и вошли в роль, что даже под клятвой говорят, что они что-то знают. Естественно, что такая самоуверенность знахаря передается и больному. Как одно и то же лекарство, но прописанное различными докторами, способно оказать большую пользу в том случае, когда оно назначено доктором, внушающим к себе больше доверия, так и простая вода способна оказать чудеса при вере в знахаря.

Успех знахарей и бабок, – продолжает далее он, – я еще объясняю тем, что крестьяне очень любят поговорить про свою болезнь или, как они выражаются, – «отвести душу». Между тем, врачи часто обрывают их на полуслове, не дав высказаться. Уходя от врача с лекарством, но в скверном настроении духа, крестьяне думают: «вот, путем и не расспросил меня, а тоже лекарство дал; должно больше, чтобы отвязаться». Если же при этом дано еще и безвкусное лекарство, тогда вера в доктора потеряна уже окончательно: «дал воды». Другое дело у знахарки. Знахарка постарается уверить его в большой пользе от ее лекарства и приведет много случаев исцеления при помощи его. От знахарки крестьянин возвращается

⁵³ Этой веры в знахарство, судя по успехам Гачковского, барона Вревского и в последнее время Бадмаева в Петербурге, не лишена известная часть даже нашего образованного общества.

⁵⁴ Подобное излечивается подобным (лат.). (Прим. ред).

⁵⁵ Болховск. у. Орловск. г.

в хорошем расположении духа, да притом и лекарство ее очень горько и имеет цвет, что, по мнению крестьян, очень важно. Это не то, что у доктора, лекарство которого и бесцветно, и безвкусно, да и порция почтенна у знахарки: по целой кружке пить приказала, а доктор только по ложке. «Вот снадобье, – говорил мне один сифилитик-крестьянин, лечившийся у знахарки, – как выпьешь – небо с овчинку покажется, так **вомарёк** и водит, места себе не найдешь, а доктор что? Дает так, что ни то, ни се». Лекарство врача состояло из йодистого калия, а лекарство знахарки – из сулемы, квасцов и купороса».

Нельзя не согласиться с г. Сахаровым в том, что взаимного понимания гораздо больше между знахарем и крестьянином, чем между последним и врачом. Как бы ни был хорош врач и как бы сердечно не относился к крестьянину, он отдален от него и своим строем понятий, и всем складом жизни; он хоть и не чиновник, и не барин, все же для крестьянина чужой человек, не свой брат, как знахарь.

Заставляют крестьянина обращаться к знахарю и другие побуждения. Известно, что наш крестьянин, по натуре большой практик, очень не любит лежать в болезни, работает до последней возможности и, заболев, ищет средств вылечиться как можно скорее. Не имея даже приблизительного понятия о ходе физиологических процессов, и крепко веря, что против каждой болезни существует свое особенное лекарство, которое действует чуть ли не магически, и надо только уметь найти его, он часто идет к знахарю, в погоне за таким средством.

Г-жа С – ва⁵⁶ сообщает об одном типичном случае, где лечение больной, получившей тяжелые ожоги, из рук врача и г-жи С., делавшей больной перевязки, перешло к знахарке. Больная стала уже поправляться и успех лечения признавался и самой больной и ее семейными, но все они были недовольны медленностью лечения и стали поговаривать, что если все тем же пользоваться больную, так она, пожалуй, и через месяц не выздоровеет.

«– Есть другие средства, что скорее помогают, – заявляют они.

– Какие же это средства?

– Да мы того не знаем, а да бают, что ожог скорее проходит коли его другим чем лечить. Вон, в Салтыках есть женщина: она хошь и не очень старая, а знает всякие средства, от всяких болей, а от ожогов человек пятнадцать уж пользовала.

– Ну, хоть она и знает всякие средства, а все не больше доктора.

– Ни, матушка! Доктора-то больше над больными валандаются. Коли их слушать, так и сама-то заморишься, за больными ходючи, да и снадобья-то их не больно способно потреблять.

«Приехав на другой день, – продолжает рассказчица, – я нашла в хате больной нестарую еще бабу с хитрым лицом; она что-то старательно терла и месила в грязной, сальной черепушке».

– Ну, что Матрёна, как себя чувствуешь?

– Слава Тебе Создателю, матушка, много легче стало.

– Теперь, сударыня, – вмешалась дочь больной, Дунька, – мы скоро и совсем вылечим мать. Вот, салтыковская бабочка пришла, берется за семь дней все раны заживить.

На все доводы, что менять лекарство, которое, очевидно, помогает, на неизвестное, не следует, мне отвечали уверенно, что бабка вылечит гораздо скорее.

– Ну, а если мать помрёт? – спрашиваю я.

– Как можно, матушка, да разве она, бабка-то, неведомо чем лечить? Ведь мы же видим, какое она снадобье делает: вот, взяла семь яиц, да сварила их круто-прекруто, вынула из них желтки да поставила их топить, а кады вытопится из них масло, всыпать в него порошок и будет этою мазью ожоги мазать.

⁵⁶ Орловск. г. и у.

- А порошок-то какой?
- Вестимо, целебный.
- Да из чего он сделан-то?
- Известно, из трав.
- Да из каких трав-то?
- И чего вы сумлеваетесь? – вмешивается сама лекарка: – рази я какая неизвестная?

Меня все тут знают: уж не одного, этта, я вылечила, а уж коли где, обгорят, то завсегда за мной посылают. Вот, за прошлый год у нас, мальчонка обгорел, так даже до кости где пригорело, и то я его лечила, и много ему полегчало.

Я снова попыталась уговорить Дуньку не слушаться советов бабки, убеждала также Матрёну, но она качала только головой и приговаривала:

- Ох-! матушка, их воля. Что хотят, то пусть и делают, а мне, калеке, что же гуторить?

За нее стала возражать старая бабка, тётка больной, пользующаяся не только в семье, но и во всей деревне большим авторитетом. Ее маленькие глаза злобно смотрели на меня из-под надвинутого на лоб чёрного платка, скрюченные корявые руки чуть не касались моего лица, когда она жестикулировала, беззубый, шамкающий рот, ее брызгами слюны, издавал хриплые, прерывающиеся звуки.

– Чего это ты, сударыня, так на нашу лекарку-то напустилась? – заговорила она, – кажись, не зла она нам желает. Мы, ведь, не хулим ваших докторов, говорим только, что они над больными долго валандаются. Оно, конечно, господам-то хорошо по пуховикам нежиться, а нам работать надо: вот и выходить, что наша лекарка нам скорее потрафит, коли в семь дён бабу подымет».

Настоять на своем не было возможности и сотрудница предпочла удалиться.

Через пять дней Дунька приносит забытые у них ножницы.

«– Ну, что Матрена?

– Померла, сударыня, вчера схоронили.

– Ну, вот, видишь, не говорила ли я, что бабка ее уморить?

– Ни, сударыня, да разве же бабка тут при чём?

– Как же не причём, когда мать поправляться стала да и умерла от лекарских снадобий?

– Как усеж от снадобий? От них-то у матери раны позатынуло, а потом изнутри что-то стало краснеть да утечь, да потом точно гнить, дух от всей пошел такой нехороший.

– Да это у ней от вашего лечения Антонов огонь сделался.

– Огонь, огонь, матушка, это точно, только он изнутри шёл, бабка говорит – перед кончиной всегда так-то бывает. Ну, вестимо, против всяких лихих болестей она снадобья знает, а противу часа смертного она не вольна, потому он – от Господа».

Самым интересным в рассказанном эпизоде; является то, что, в конце концов, не вышло ни малейшего недоразумения между знахаркой и домашними умершей больной, чего, наверно, не случилось бы, если бы лечение перешло, наоборот, от знахарки к врачу: такова сила обоюдного понимания.

Наконец, в известном ряде случаев крестьянин идёт к знахарю по необходимости, будучи лишен возможности получить другую, более разумную помощь. Такое безвыходное положение крестьянина всего лучше выражается пословицей: «нечего на зубы положить, так имёшь ворожить»⁵⁷.

⁵⁷ Относительно того, что в исключительных, случаях обращение к знахарям и вера в них могут основываться и на некоторых действительных их знаниях, Анненков, весьма добросовестный и беспристрастный исследователь народной медицины, говорит следующее: «Сомневаться в невежестве знахарей нет никакой возможности, но нельзя также отрицать и того, что между нашими простолюдинами могли образоваться такие субъекты, которые, отличающиеся врожденной любознательностью, обладая должной степенью наблюдательности и имея случай соприкасаться с людьми, знающими врачебные свойства растений, могли ознакомиться с пользой их в медицине. Присоединим

Лечебные приемы знахарей

Знахари, прежде всего – специалисты по части заговоров. Хотя знание заговоров на те или другие, более простые случаи жизни, довольно распространено среди народа и знанием их, особенно из лиц женского пола, обладают многие опытные и достаточно пожившие на свете люди и не носящие громкого названия знахарей, но репертуаром заговоров на все случаи жизни и умением разобраться в применении их к более сложным заболеваниям владеют только настоящие знахари и знахарки, бабы-угадки, лечейки, ведуньи, шептухи и ворожеи.

Замечателен остаток седой старины в некоторых местах Новгородской г., где лекарство называется «вешти, вешетинье», а само слово лечиться заменяется словом ворожиться: «уж чем, чем не ворожился, – жалуется заболевший мужик, – а Господь не прощает грехов, не дает здоровья».

Контингент профессиональных знахарей составляется большею частью из ловких бобылей и бобылок, которые занимаются этим ремеслом иногда из нужды, имея в некоторых случаях хороший заработок и получая вознаграждение деньгами или натурой, иногда же делаются такими по своего рода признанию. Это – почти всегда люди почтенного возраста: ведь старость, своею опытностью, всегда внушает больше доверия. Редко знахарь обладает заговорами от всех болезней, большею же частью знахарем избирается какая-нибудь одна заговорная специальность, благодаря которой он особенно становится известным в округе – одни превосходно заговаривают зубы и головную боль, другие – кровь, третьи – от укуса змеи и пр.

Наиболее частым и необходимейшим элементом при всех заговорах и знахарских манипуляциях является вода. Будучи наговорена, она получает чудодейственную силу и способность снимать всякую болезнь. Для того – следует ее дать внутрь, а снаружи вспрыснуть, «умыть» больного – операция, которая совершается особыми специалистами этого дела, «умывальницами», и до сих пор еще имеющимися почти в каждой деревне. Лечебное значение такой воды еще более увеличивается, если «спустить» ее с креста или иконы, иначе говоря, облить их этой водой и собрать потом в подставленную чашку. Можно, впрочем, сообщить воде целебную силу и другими способами. Для этого следует «пропустить» воду через дверную скобу и, кстати, самое умывание больного произвести в таком случае на пороги избы (*Масальск. у. Калужск. г., Судогод. у. Владим. г., Чембарск. у. Пензенской г.*). Необыкновенные свойства воде можно сообщить также, опустив в нее комок глины, камешек или камень, иногда самый обыкновенный, а иногда принесенный с Афона или Гроба Господня. Но всего лучше действует та наговорная вода, в которой была окунута «громовая стрела»⁵⁸, одна из тех таинственных стрел, которыми стреляет с неба в чертей Бог, во время грозы (*Зубцовский у. Тверск. г.*). Хотя в отдельных местностях такие стрелы понимаются различно, но в знахарской заговорной гидротерапии они ценятся вполне одинаково. Там, где это – простые лучинки с дерева, в которое ударила молния, для умывания больного их берется 9 штук. Знахарка зажигает такие «стрелы» и, набрав в рот воды, брызжет через них на больного с такой силой, что лучинки тушатся (*Зарайск. у. Рязанск. г.*).

В виду редкости таких предметов, всего чаще заменяю их простые угольки из печи. Стоит только уголек, с наговором, опустить в стакан с водой – это уже будет вода с совсем другими свойствами⁵⁹. Вот как «спускает с уголька» воду орловская знахарка. А – на. Придя

к этому чудесные, целебные силы многих растений и мы окончательно убедимся, что могли существовать случаи удачного врачевания, укрепившие первоначально веру в знахарей и удержавшие ее исторически впоследствии».

⁵⁸ Сплавленный ударом молнии песок (Даль).

⁵⁹ Вероятно, вера в целебные свойства углей явилась результатом веры в целебные свойства огня, распростра-

в дом больного полечить от глазу, она стелет на стол скатерть, ставит чашку с водою и кладет три уголька, а у икон зажигает чисто-четверговую свечу⁶⁰. Сделав эти приготовления и прочитав заговор, знахарка берет в руку один уголек, другою обмывает его в воде, потом то же делает со вторым и с третьим угольком и этой водой поит больного.

Несколько других приемов с углями придерживается саратовская знахарка П – ва. Всякий, кто тянется, зевает и чувствует себя изломанным, идет к ней лечиться от глазу. Знахарка нажмет в печке углей, зачерпнет ковш непитой воды и, читая заговор, кидает в него приготовленные угли. Если они потонуть, то она говорит, что больному «подбилося с глазу». Водой этой П – ва умывает больного, а оставшуюся воду, с угольками выливает под пятаку двери (д. Осиповка, Балашовского у.).

Иногда для увеличения силы действия, к уголькам присоединяется хлеб, соль и др. предметы. При посредстве такого комбинированного способа производится (в Нижнеломовском и Керенском уу. Пензен. г.) умывальницами «смывание глаза». Старуха-знахарка берет небольшую чашку, наполняет водою и сыплет в нее несколько соли. Затем, перекрестившись, подходит к печке, берет из гарнушки горячий уголь, опускает его в воду и начинает, смотря в печку, что-то нашептывать. При этом сама, подергивая плечами и раскачиваясь, сильно и часто зевает, отплеивается в стороны и приговаривает: «тьфу, тьфу, пропасть, Ишь ты, окаянный, ишь ты, негодный, ну, и глаз! на-ко, кормилец, выпей, да перекрестись, перекрестись прежде», – наставляет она больного. Затем, дав три глотка воды, умывальница опрыскивает ему голову, лицо и шею, руки и ноги, спину и грудь: «ну, теперь усни, голубчик, постой, я тебя одну, вот так, покрепче», – говорит старуха, укутывая больного с головой.

Несколько иначе снимается специалистками этого дела «переполох» (испуг). Знахарка берет лучину, щепает спичек, зажигает их и опускает в чашку с водой. Потом идет к тому месту, где, по предположениям, случился переполох, и там говорит: «двенадцать недугов, двенадцать переполохов, денные, полуденные, ношные, полунощные, во имя Отца, и Сына, и св. Духа, аминь». Воду дает больному выпить.

При «криксе» ворожея берет блюдо с водой, шейный крест, два угля и, держа на руках ребенка, нашептывает воду и молится, ломая угли и опуская их на блюдо с водой. После этого погружает туда крестик и этой водой спрыскивает ребенка (Инсарск., Городищ, и Чембарск. уу. Пензенск. г.).

Довольно своеобразный прием применяется знахарями при лечении от «обурочения» (Никольский у. Вологодск. г.). Секрет здесь заключается в том, чтобы получить воду, черпая ее, бураком, не против, а вниз по течению реки. Зачерпнув и придерживая края бурака руками, знахарь наклоняется над ним и читает молитву. Наговоренной водой поит и умывает больного, спускает «капелек десяток за пазуху, на сердце», а затем велит немного соснуть.

Другим общим приемом знахарской терапии является «прикалывание» больного. Оно применяется значительно реже, чем умывание и совершается при помощи каких-нибудь остроконечных предметов – иголки, гвоздя, лучинки и т. п., а иногда шейного креста. Подобно тому, как при первом способе производится «смывание» болезни, здесь, при посредстве уколов больного места, достигается ее изгнание.

Помимо таких общих, существуют и некоторые специальные приемы. Один из них, при испуге, употребляется некоторыми курскими знахарками для «выливания страха».

«Как же это ему страх-то выливали? – спрашивают про ребенка, подвергшегося такой знахарской манипуляции.

– Да повели мы его к бабке, а она поставила ему блюдо, на голову, с водою, льет туда воск да приговаривает. Целых 15 коп. отдала ей, а всё не помогает. Потом мы пошли к Т-

ненной среди всех первобытных народов.

⁶⁰ Свеча, с которой стоят в церкви, на Страстной неделе, во время чтения 12 евангелий.

не, – она тоже, говорят, помогает. Т-на-то взяла клинушек, обвела нм круг, поставила моего малого посредине круга., а клинушек-то и забила в землю, супротив ног. Та уже с нас ничего не взяла: дело, говорить, Божеское, за что тут брать? Ну, вот, моему малому полегчало было после того, а потом опять за прежнее взялось» (*Обоянский у.*).

Несколько другого, также не совсем обыкновенного способа придерживается, при лечении от испуга, балашовская знахарка Н-ва: она над испуганными «сливает жир». Сажает больного на порог, дает ему чашку с непитой водой, а сама берет сковороду с растопленным салом, выливает его в чашку и прочитывает: «прошу Матушку-кормилицу, Пречистую, Пресвятую Богородицу, со всеми Твоими ангелами и со святыми апостолами и мучениками, помощи и пособи рабу Божию (имя)». Так она сливает несколько раз, рассматривая, будто бы, вылившееся чудовище, которого испугался больной. Сало, которое сливается в воду, сжигает в печке, а воду выливает наотмашь.

При лечении зубищ⁶¹, знахарка в д. Мешковой (*Орловск. г. и у.*) начинает с того, что прежде убеждается, точно ли у ребенка зубищи. Для этого она пальцами лезет ребенку в рот и ищет зубов. Нашупав, говорит: «ох, девушка ты моя, смотри, какие зубищи большие выросли, а голова-то как горит: словно ты из котла его вытащила». Берет ребенка на руки, находит в стене сук и начинает вокруг его водить пальцем и приговариват: «сук, сучище, возьми свои зубища, от младенца Ивана, крещеного, пороженного». Совершив эту манипуляцию трижды, знахарка, каждый раз лезет с пальцами снова в рот ребенку и надавливает зубы.

Знахарская диагностика

Подобно тому, как для врача первой задачей является определение болезни больного, так иногда и знахарь, являясь к нему, начинает дело с того, что производит осмотр и ставить свою знахарскую диагностику: болезнь от испуга, от дурного ветра, от глаза или порчи. Для определения характера болезни знахарь нередко гадает, смотрит в воду, в зеркало, топить воск, раскидывает карты и т. п. При такой диагностике получает иногда большое значение позевота: если, при произнесены заговора, знахарю сильно зеваётся, значит, у больного «большие уроки». Если он, зевнет пять раз, значить, обурочила баба, а если больше – мужчина (*Вельский и Никольск. уу. Вологодск. г.*).

В других случаях, при умывании больного с угольков или камешков, загадывают имя человека, на которого падает подозрение, что сглазил он. Если камни, падая в воду, зашипят, а угли упадут на дно, значит, сглазил человек, имя которого задумано. Такая физическая проба на угли, предпринимаемая с диагностической целью, производится иногда при очень торжественной обстановке. Знахарка берет ковш холодной воды, кладет в него соли, горячих угольев и при этом приговаривает, кладя первый уголек: «с мужичья глаза», второй – «с бабья глаза». Если тонет первый уголек, значить, болезнь приключилась с мужичья глаза, а если второй – «с лиха бабья глаза». Старуха возвещает о результате исследования больной или больному, проклинает врага – супостата и, совместно с родными и больным, как бы *ex consilio*, делает предположение на знакомых, кто сглазил. Затем уже следует самое умываше (*Зарайск, у. Рязанск. г., Городищ. у. Пензенск. г.*).

Некоторые знахарки вносят в эту пробу еще ту разницу, что берут не два, а три горячих угля и последний уголь намечают «девичьим», воду же, в которую погружают угли, солят и мешают ножом (*Краснослободск. и Инсарск. уу. Пензенск. г.*).

⁶¹ Все детские болезни, являющиеся осложнением прорезывания зубов.

Узнать, кто сглазил, дело относительно легкое. Гораздо труднее знахарю разобраться и определить вид заболевания. Излечить многие из таких заболеваний труднее, и лечение их бывает разное.

«— Хлопотливое это дело, — разъясняет важность такой правильной диагностики знахарка, — хорошо, если сглаз, а если от худого часу, а нет — порча: тогда, ведь, лечить много труднее. Сглаз всего три зари надо отчитывать, а от худого часу и от порчи целых двенадцать зорь. Ну, да мы сейчас узнаем, что ей, сглаз или другое что».

Начинает знахарка читать молитвы, почитает немного, а сама плюнет, начитается — и опять плюнет. Глянет в кувшин с водой и опять плюнет. Кончив, она говорит: «когда принесешь эту воду, все ваши должны поглядеться в нее, может, не сглазил ли кто из своих? За чужих я гляделась в кувшине, не знаю, не подходит, чтобы был сглаз. Если бы сглаз, я бы зевала, а то ни разу не зевнула. Все-таки, попробуй. Если не полегчает, опять приходи ко мне: придется лечить от худого часу и от порчи» (с. Сергиевское, Орловск. г. и у.).

Виды знахарей-заговорщиков

В некоторых случаях знахарь, несомненно, является сознательным надувателем своего брата-мужика, иногда украшает свою обстановку даже атрибутами знахарства — змеиными головами, костями лягушек (*Дорогобужск. у. Смоленск. г.*), у него на виду сидит и кот большой, стоит и ступа, и толкач, кочерга, котел и кадка с водой (*Болховск. у. Орловск. г.*), а у некоторых имеются и кости человеческие, «разрыв-трава» и пр. (*Карач. у. Орловск. г.*). Такой знахарь напускает на себя особую ловкость и беззастенчиво приписывает себе силу, способную не только причинить и отогнать болезнь, но и поднять мертвого: «захочу — и мертвого подниму этой (наговорной) водой, — бахвалится знахарь из ряда таких, — только у вас состояния не хватит со мной расплатиться».

Заговоры, которыми владеют этого сорта знахари, по большей части, неизвестны: они обыкновенно уверяют своих пациентов, что если сказать кому-нибудь слова заговора, то он потеряет через это силу. Заговоры эти передаются знахарями и знахарками, по убеждению крестьян, только на смертном одре, кому-либо из близких родственников, наедине, в строгой тайне, и те, в свою очередь, блюдут тайну заговора до своей смерти.

Таких крестьянин побаивается, у себя дома принимает со страхом и трепетом и, чтобы задобрить, угощает водкой. Это в особенности относится к тем «знаткам, которые при заговорах не употребляют имени Божия и Святых, к порченникам⁶² и ясновидцам»⁶³. Такое же почтительное и подобострастное отношение, в местах с татарским населением, проявляется к знахарям и ворожеям из татар. Вероятно, на этом основании татарские ворожеи считаются даже искуснее и сильнее русских. Такой славой, например, пользуются ворожеи татарской дер. Чудовки (*Керенск. у. Пензенск. г.*), куда возят для лечения русских порченных. — «Уж чем мы ее (порченную) не лечили, нередко приходилось слышать от пензенских баб: — ко всем ворожеям возили, татарский наговор пила, ничего не помогло, видно, так Богу угодно».

Обращаясь в крайности к знахарям-нехристям и к тем, которые, при лечении, по мнению мужика, пользуются услугами нечистой силы, он все же прежде всего пойдет к тем из знахарей, которые врачуют именем Бога.

Знахари этого сорта, в большинстве случаев, простые, иногда благодушные и почти всегда действительно верующие люди. Заговаривают они всегда с крестом и молитвою, призывая св. угодников, Спасителя, Божью Матерь и апостолов. Эта черта проходит характерною нитью через большинство заговоров и манипуляций знахарей, и эта религиозная

⁶² Знахари, способные, кроме лечения, причинять и порчу.

⁶³ Лица, способные видеть в воде, как зеркале, того, кто испортил (*Кадниковск. у. Водогодск. г.*).

сторона знахарской терапии заслуживаете нашего особенного внимания. Правда, вера эта иногда детски наивна, перемешана с суевериями и даже остатками язычества, но она несомненна. Это обстоятельство, сообщая лишь большую живучесть и устойчивость знахарству, вполне понятно: если сущность болезней, в громадном большинстве случаев, заключается, в смысле ли прямого или косвенного участия, в нечистой силе, то единственным и могущественным орудием против нее может служить только молитва и крест. Поэтому-то, наговаривает ли знахарь воду, которой опрыскивает, «умываешь» больного, наговариваешь ли он пиво или водку, которыми поит, и масло, которым мажет больных, производит ли свои нашептывания над водой, хлебом, солью, ладаном и проч., все это он совершает под знаменем креста: натирая ноги больного суконкою, он чертишь на ней мелом крест и крестом же, прикалывая или применяя массаж, он растирает ушибленное место. Тот же крест держит над чашкой с водой далее знахарь-шарлатан, произнося над ней заговор от порчи и говоря больной, что он видит на дне этой чашки лицо того, кто ее испортил. Большинство самих заговоров неизменно начинаются словами: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа». И многие знахари, по-видимому, действительно убеждены, что шепчут и заговаривают они во имя Божие.

«— Как же ты, бабушка, лечить начала? — спрашивают орловскую знахарку М-фу, умную, бойкую и энергичную старуху.

— Да как начала? — осталась я от мужа вдовой с шестью детенками, так надо же было чем ни на есть пропитаться.

— Все же училась у кого-нибудь лечить то?

— А это мне от Бога.

— Так сразу и лечить стала?

— Как можно сразу? Я помаленьку. Приводилось и самой лечиться, и других видела, как лечили, — ну, я и присматривалась, а там и сама зачала: от людей научилась.

— Чем же ты лечишь, травами?»

— и травами, и наговором, и водой наговорной умываю.

— А можешь ты сказать кому-нибудь эти наговоры?

— Отчего же не сказать? Тут греха нету. Это мне от Бога. Я, вот, по богомольям-то ходила, так спрашивала, не грех ли, мол, лечить-то? Ну, старцы сказывали — ничего, не грех. Да, вот, в Оптиной отец Амбросий тоже говорил. И сон мне такой был. Это как зачали ко мне ходить лечиться-то, я и думаю: ой, не грех ли? А тут мне сон и приснись. Снится, это, мне комната, и входит в эту комнату девушка, в одной руке у ней книжечка, а в другой — кувшинчик махонький. Идет, это, она и спрашивает, будто про себя: а не грех ли ходить к М-ф лечиться? Заглянет в кувшинчик, а потом в книжку посмотрит: нет, скажет, не грех ходить к М-ф лечиться, да... Так до трех раз. Я отца Амбросия спрашивала про сон-то, а он и говорит: ничего, говорить, это тебе, значить, так от Бога дадено. Ну, и другие монахи, самые божественные, тоже, ничего, позволяли.

— Что же ты многим помогаешь?

— А как же? Дам испить, умыться — и полегчает. Иные приказывают умываться-то скрозь скобку, ну, а я так — и ничего, — помогает».

Не менее простодушно рассказывает про свое лечение другая орловская знахарка, Н-лья.

«— Ведь я тоже бабка, — сообщает она, — и помогаю, как могу: умываю я. С глазу приключится что, с недоброго слова, либо еще с чего, умою — и как рукой снимет. Матушка-покойница научила меня. Не колдовство это какое, дочка, говорила она мне, а Божеское дело, потому с молитвой творится. Дала она мне махонький образок Божией Матери, Сиропитательница называется, и велела спускать крещенскую воду и умыть той-то водой. Ну, вода-то у меня всегда есть, как годов пять стоит, бережешь так-то и для себя, и для добрых людей. Умою так-то и поможет. По осени нонча кум мой Д-с крышу крыл да и упал оттуда. Повре-

дил руку, разнесло ему ее, как подушку. Пришел ко мне и говорит: – помоги, кума, Христа ради. Будто и упал-то легко, так катом и скатился, ан вот что! – Давай поворожу, – смеюсь я ему. Спустила водицы, дала ему руку мочить, да велела на другой день приходить. Приходит на другой день веселый такой: ну, кума, рука-то лучше, говорить. – Лучше? и слава Богу, куманек, – говорю я. Пришел так до трех раз – и прошла боль».

С такой же верой лечит от глазу и от «подею» бабушка М-на из д. Яклива, Орловск. г. «Приходит к бабушке и старый, и малый полечиться от глазу, или другое што подеется. Бабушка наливает воды в чашку, ставит ее на стол, на уголь, который к порогу ближе, встает перед иконами, молится вслух Богу и всех угодников скликает: Божия Мать Казанская, помощница, похрани и помилуй раба или рабу такую-то, Скорбящая Божия Мать, Треруца Божия Мать, Нечаянная, Тихвинская Божия Мать и все Киевские угодники, похраните и помилуйте раба или рабу Божию. Спаситель, Миколай-угодник. Сергей-чудотворец, Михаила-архангел, Петры-Павла, Тихон святой, преподобный, спасите и сохраните раба, или рабу Божию; садитесь на Сионские горы, подумайте думу о рабе таком-то; сядьте к нему на правое плечико, дуньте в ушко, выдуньте всю хворь и боль из жил, из костей, из буйной головы⁶⁴». – После этого она подходит к чашке, кладет в землю три поклона, дует крест накрест в чашку, опять кладет в землю три поклона, опять дует на воду крест-накрест, третий раз кладет три поклона, опять дует в чашку и каждый, раз говорить: «чёрный глаз, лопни раз, серый глаз, ненавистник! Похрани, Господи, рабу на всякий день, на всякий час, от чёрного глаза, от ненавистного глаза, от радостного глаза. Откутает бабушка печку, сажает этого человека на зажётку, взбрызгивает его с ног до головы, а остальную воду льет в бутылку и говорит: «Штобы три раза умывались этой водой, а если этой водицы останется от женщины или мушины, вылей, ты, говорит, в печку, за правое скуло»⁶⁵.

При лечении лихорадки-варагуши, совершается целое священнодействие. Придя в дом больного, знахарка требует три кувшина с водой, выгоняет всех вон из избы, ставит кувшин на вышке, под святыми, и начинает наговаривать в них воду: сначала читает «Отчу», а потом специальный заговор от варагуши⁶⁶. Прочитав заговор раз, знахарка дует на один кувшин; потом опять читает заговор и «Отчу» и дует на второй. Затем проделывает то же самое с третьим, берет из первого кувшина немного в рот водицы и брызжет на голову больного, водой из другого кувшина обрызгнет грудь и руки, а из третьего – ноги и живот. Потом, призвав семейных больного, отдает приказ, чтобы они три раза в день обрызгивали больного и столько же раз давали ему пить – из одного кувшина утром, из второго вечером, а из третьего перед обедом. Знахарка ходит к больному до девяти раз (Орловск. г. и у.).

Не менее сложными ритуалом сопровождается лечение разных болезней знахарками в Коротоякском у. (Воронежской г.). Бабка-повитуха берёт в особый деревянный сосуд, из которого не пьют и не едят, чистой, свежей воды, кладет в нее уголь, ладан и соль, читает над этим составом троичную, а иногда Богородичную молитву, кладет несколько поклонов перед святыми иконами и, помолившись, начинает вспрыскивать больного с приговором, после произнесения которого дует на больного трижды, со словами: «аминь, аминь» (с. Архангельское).

⁶⁴ Этот заговор в извлечении приводится как образец религиозных заговоров знахарей. Впечатление однообразия и чувство утомленности, которые испытываются при его чтении, и есть необходимые элементы действия, как это мы увидим потом, всех заговоров вообще.

⁶⁵ Углубление с правой стороны печки, там, где находился древний очаг: место непопираемое, в некотором роде, святое.

⁶⁶ См. VII гл.

Значение заговорной терапии знахарей

При всем разнообразии приведенных приемов и средств, в них есть одно общее – стремление оказать воздействие на психику больного, которое должно быть тем сильнее и глубже, чем сложнее и таинственнее эти приемы, чем содержательнее, с точки зрения крестьянина, произносимый при этом заговор и чем больше он может тронуть его душу. Таковы, в особенности, заговоры и приемы чисто религиозного свойства, носящие характер как бы домашнего богослужения.

Эта основная черта знахарской терапии, считающаяся с духом больного и всецело проникнутая стремлением внести в него успокоение, при всей иногда уродливости ее практического применения, неизмеримо выше того бездушного взгляда на больного, которым отмечена средневековая западноевропейская медицина, с ее поистине чудовищным господством кровопусканий, процветанием каленого железа, обливанием ран кипящей смолой или варом, с ее моксами, фонтанелями, заволоками и проч.⁶⁷ Но, что не менее важно, в этой черте еще яснее сказалась идея того «влияния духа на дух», которая выразилась в народном учении о порче. Только влияние это направлено здесь не во вред, а на пользу человеку. Идея эта настолько ясна, что теперь уже невозможно не признать, что сила и значение заговорных приемов и средств заключается не в чем другом, как в лечебном виде внушения.

Элементы внушения можно усматривать как в самом способе произношения заговоров, – шепотом, монотонным и размеренным тоном, так и в их содержании, в этом многочисленном перечислении целого ряда святых и угодников, большинство имен которых так много говорит сердцу простого русского человека, в тавтологии, свойственной некоторым заговорам и, наконец, в самих приемах, которыми сопровождается их произнесение: в требовании тишины в избе, в таинственных манипуляциях с предметами наговоров и в заключительном приеме сбрызгивать и дуть на больного. Религиозный характер многих заговоров и заговорных приемов, при обоюдной вере в их силу и знахаря, и пациента, в некоторых случаях должен еще более усиливать значение заговоров, создавая, быть может, особый род внушения – религиозного.

Приняв такой взгляд на заговоры, нельзя будет отказать в известном значении даже простому нашептыванию, тем заговорам без слов, которыми, большей частью, пользуются знахари-шарлатаны: нужды нет, что содержание таких заговоров остается неизвестным для больного – ведь он уверен, что именно это незнание заговора и обуславливает его силу. С этой точки зрения, «нашептывание» является очень ловким и, вместе с тем, сильным психологическим маневром.

Хотя, таким образом, элемент внушения, а также самовнушения, можно усматривать во всех заговорах вообще, некоторые из заговорных приемов знахарей носят на себе неоспоримый характер внушения.

Один череповецкий знахарь лечил зубную боль таким образом: усаживал больного на стул, спрашивал его имя, потом становился от больного шагах в 5-ти и пристально смотрел ему в глаза, что-то про себя нашептывая⁶⁸. После этого он удалялся в чулан и оттуда, через несколько времени, выносил маленькую полоску бумаги, свернутую в клочок. Пере-

⁶⁷ Взглядом на больного, лишь как на «материал», западноевропейская научная медицина, в известной степени, проникнута и до сих пор.

⁶⁸ Без сомнения, прием этот, так напоминающий приемы врачебного внушения, вполне самостоятельный и независимый от влияния современной медицины. Лечебное внушение до сих пор еще составляет удел лишь немногих врачей и не выходит за пределы крупных научных центров. Создание этого метода народом может быть объяснено той наблюдательностью, которою отличается наш народ относительно всего, что касается духовной стороны человека.

давая бумажку больному, он строгим голосом наказывал: «вот, как будешь ложиться спать, положи эту бумажку на больной зуб, а разворачивать ее и смотреть ни под каким видом не моги. Ночью эта бумажка исчезнет, а зубы к утру заживут». И действительно, зубы у многих заживали. Одному больному, не особенно доварившему знахарю, захотелось посмотреть, что такое заключается в таинственной грамотке. Придя домов, он развернуть бумажку и на ней оказалось три слова: «комуна, амуна, мамуна».

Очень интересными приемами пользуется знаменитый лекарь болезни «жаба» в д. Ватланове, близ Вологды, Сол-н, 67-летний старик. Лечиться к нему от этой болезни приходят за 50 и более верст. Очень редко крестьяне этого края обращаются с этою болезнью даже к врачу. Лечение болезни состоит в следующем: пришедшего больного С-н садить спиною к бревенчатой, ничем не оклеенной стене, где есть сучок, который бы приходился на уровне верхушки головы, прижимает последнюю крепко к стене и зажигает три лучники, воткнутые неподалеку, в щель стены. Потом, три раза крестит этот сучок, при каждом крестном знамении произнося вполголоса: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас», и после этого прикладывает к сучку толстый конец веретена, со словами: «как сучок сей иссох, так иссохнет жабка сия». После этого он прикладывает к больному месту слегка накалившее над зажженными лучинками железо, а потом прикасается нагретым над этими же лучинками двойным прутком, от выпаренного в бане, веника, и сделанным на подобие вилочки. В заключение всего, он дает больному пить, вместо чая, листья сухого березового веника: «этим средством, – говорит он, – я исцеляю сотни больных каждую зиму».

Таким же приемом пользуется при лечении зубов 60-летний старик, крестьянин д. Дубовой⁶⁹, Г. А-н, который в секрет этого приема посвятил одного из наших сотрудников и сообщил способ, как и когда его применять.

«Если у тебя заболят зубы, – наставляет он, – возьми ты крупинку соли⁷⁰, а нет – воску, можно и кусочек хлеба, а всего лучше соли, – заверни в чистенькую тряпочку, обмотай ее три раза ниткой и завяжи три узелка, потом, лучше рано утром, натошак, положи тряпочку в рот, на зубы, и до девяти раз, не пропуская ни одного слова, говори: «первый царь – сон-месяц. второй царь – камень-лад, третий царь – на синем мор зелен дуб. Чтобы этим трем царям не сходиться, так раба Божья Василья зубам – не шуметь, не болеть. Стой сия сторона. – из-под третьей горе плывут, vyplывают три акарента: на этих трех акарентах стоят три престола, на этих трех престолах сидит Пречистая Мати, а с ней безвестница Мати. И так, рабу божьему Василию зубы залечити и его червяка, заморити».

«После этих слов зубы у тебя непременно пройдут. Только перед тем, как делать это, не нужно сношения иметь с бабой, должно быть чистому и белее надеть свежее; себе ли, другому ли будешь заговаривать, непременно в зубах держи, што я сказал, а то заговор твой не подействует. Ежли-ча захочешь передать заговор кому – передавай одному, чтобы никого больше не было и передавая такому, который млаже тебя, а старше никому нельзя сказывать, потому твой заговор не будет уж после действия иметь».

Интересным является то, что большинство этих народных приемов внушения относятся к зубной боли и касаются, очевидно, случаев, когда эта боль носить чисто-нервный характер, т. е. таких, в которых пользуется внушением и современная невропатология.

Приняв взгляд на заговоры, как на, внушение, мы с полным правом, можем признать известное терапевтическое значение и за теми из них, которые относятся к притке, порче, глазу, озыку, в действительности же часто касаются заболеваний чисто нервного характера, каковы истерия, неврастения и др. То же можно сказать про заговорный способ лечения

⁶⁹ Орловск. г. и у.

⁷⁰ С солью заговаривает зубы также крестьянин дер. Мостовой (Сарапуль. у. Вятск. г.), Ч-в. Заговаривает он на год, на два и, прибавляет сотрудник, зубы, действительно, не болят.

пьянства. Что же касается применения заговоров для остановки кровотечений, то оно и здесь, несмотря на свою видимую нелепость, получает достаточные основания. Известно, что паренхиматозные и венозные кровотечения, а также кровотечения из мелкого калибра артерий останавливаются сами собою, путем образования кровяного сгустка, механически закупоривающего просвет кровоточащих сосудов. При обычной равномерной деятельности сердца образование такого сгустка происходит довольно скоро, но в тех случаях, когда под влиянием испуга и возбуждения, деятельность сердца повышается, образование сгустка замедляется и кровотечение будет тем продолжительнее и сильнее, чем испуг и страх больного перед кровотечением больше. Заговор, внося успокоение, понижает и делает более равномерной возбужденную и повышенную работу сердца, и тем содействует образованию сгустка и остановке кровотечения.

Известный смысл получают заговоры даже в тех случаях, когда они применяются к некоторым, травматическим, повреждениям детским и другим заболеваниям. В первом случае, под влиянием заговорного внушения, возможно уменьшение и ослабление боли, а во втором получает значение то успокоение матери и семьи, которое на уход за больным и на направление дальнейшей терапии, часто в высшей степени нелепой и вредной, оказывает громадное влияние.

Во всяком случае, заговор, несмотря даже на бесполезность его применения во многих случаях, является одним из наиболее невинных средств, как в знахарской, так и домашней терапии крестьянина.

Зависимость лечебных приемов знахарей от народных воззрений на болезни

Если, таким образом, в некоторых, из только что изложенных приемов, без особой натяжки, можно усматривать разумные основания, по своему внутреннему смыслу и содержанию допустимые с точки зрения и современной медицины, в большинстве остальных часто трудно было бы искать простого, здравого смысла.

Но и относительно этих приемов нужно сказать, что большинство из них находится в логическом, соответствии с теми представлениями, какие имеет народ о возникновении болезней. Этой чертой последовательности отмечены, как мы видели выше, религиозные заговоры и эта же самая черта, лежит на тех заговорах и приемах знахарей, к которым мы сейчас перейдем. Народное воззрение, между прочим, допускает возможность заболевания «с ветру», путем «насада», через передачу болезни кем-нибудь другим, и, вот, является целая система испытанных приемов и методов, имеющих целью, так или иначе, отделаться от болезни – пустить ее, в свою очередь, на ветер, самым простым образом «снять» с больного, перевести на животных, растения, подкинуть или передать от себя кому-нибудь другому и проч.⁷¹

Иногда болезнь пускается с больного как бы в пространство. При крике у детей, непременно на заре, приносят ребенка к ворожее. Та берет его на руки, делает крестное знамение и до трех раз говорит на зорю: «зоря Марья, зоря Дарья, зоря Марианна, возьми крик с младенца денной, полуденный, часовой, полчасовой, унеси ты в темны леса, в круты горы»⁷². При

⁷¹ В этом последнем представлении, как мы заметили раньше, можно усматривать зародыш развивающегося понятия о заразительности некоторых болезней: странным является только то, что, по этому представлению, передавший болезнь – сам освобождается от нее.

⁷² Несомненно, многие из заговоров, заключающее в себе обращение к небу, светилам, заре, грому, ветрам, и т. п., первоначально были молитвами к стихийным божествам. В эпоху христианства эти древнейшие воззвания были подновлены вставками имен Спасителя, Божьей Матери, апостолов и разных угодников. Многие заговоры были до такой степени переделаны сообразно с новым вероучением, что вошли в состав требников XV–XVII ст. под именем

этом, держа ребенка на руках, знахарка кланяется на зорю, а иногда, подкрепляет лечение обращением к печке, говоря: «матушка-печурка, тебе на стоянье, а ангельской душеньке на здоровье. Во веки веков, аминь» (*Керенск. у. Пензенск. г.*).

При ознобе, ощущение холода изгоняется знахарями так: «мороз ты, мороз, не стой за спиной, гуляй ты по лугам и долам, по лесам и рощам, обсыпай морозом деревья, а не людей, выйди на простор, в чисто поле».

С болью поясницы поступают еще более просто, приказывая ей: «боль, выйди вон, в лошадиные копыта, в бараньи рога, тут тебе не стоянье, тут не житье тебе».

Детей, у которых от ползания по грязному и неровному полу, появляются на коленках ссадины и язвы, знахарь избавляет от страдания заговором: «войдите вы, раны, в лесные охораны, нападите на хищных зверей и на их детей». При этом знахарь плюет на раны и размазывает слюну (*Орловск. г. и у.*).

Также незамысловато лечатся сыпи и коросты у детей. «Сойди, нечистота, – обращается знахарь к коростам, – отвались, ты скорлупа, в широкое море, сядь ты на дно морское, сядь, не подымайся и к детям не прививайся» (*Медынск. у. Калужск. г.*).

Освобождение от болезни не всегда носит такой неопределенный и общий характер, а иногда имеет в виду вполне определенно обозначаемый объект и принимает характер непосредственной передачи. При этом, подобно происхождению болезни от действия какой-нибудь неодухотворенной причины, и передать ее можно иногда любому неодушевленному предмету. В Волог – ой г. знахари чрезвычайно просто передают «скрыпун» притвору двери. Для этого защемляют больную кисть руки в притвор двери или ворот, произносят три раза – «притвор, ты, притвор, возьми свой скрыпун», – тут же моют больному руки мылом и говорят: «как у мертвого мертвеца ничего не болит, не щемить, не слышно ни тоски, ни болезни, так бы и у раба Божия (такого-то) ничего не болело, не щемило, и не слышал бы он ни тоски, ни болезни» (*Никольск. у. Вологодск. г.*).

Не менее просто передаются болезни птицам и животным. «Когда ребенок, – рассказывает про такую передачу одна карачевская знахарка, – выходит у кого-нибудь из кожанки криком, мать бьется, бьется, приходит ко мне; и просит полечить ребенка от криксы. Я беру его в полу, в правую, и иду под нашеств, под куриную, прочту Вотчу и говорю я курам: куры рябья и куры чёрная, куры красная и куры белая, возьмите вы Иванову криксу и дайте покой рабу Ивану и денной, и ночной, и полунощный. И до трёх раз так-то выговариваешь и три раза плюнешь».

Несколько иначе передает «крик» курам хвалы некая знахарка Д-я. Она берет кружку воды, ведет больного в «курник» и начинает брызгать водой сонного петуха, место которого, где сел, заметила засветло. Когда петух, проснувшись, закричит, Д-я приговаривает: «петух-хрип, возьми с младенца Ивана хрип, а ему дай сон».

Очень любопытен способ передачи собачьей старости щенку, практикующийся в некоторых местах Керен – го у. (*Пензенск. г.*). Топят баню и несут туда ребенка и маленького щенка. Знахарка моет в корыте сначала щенка, а потом, в той же воде ребенка и кончает лечение тем, что парит их вместе на полке, ударив веником по ребенку раз, а по щенку два.

Иногда для передачи собачьей хили с ребенка на щенка, применяется совершенно другой прием. Их привязывают вместе к хлебной лопате, всовывают в горячую печь и бьют прутом, попеременно ребенка и щенка, чтобы хиль перешла с первого на последнего (*Городищ, у. Пензенск. г.*).

Это сажание в печь ребенка при собачьей хили представляет в некоторых местах⁷³ совершенно самостоятельный прием лечения и носит название «перепекания младенца».

молитв (Афанасьев, т. I).

⁷³ Алатырск. у. Симбирск, г., Васильсурск. у. Нижегород. г., Р.-Борисоглебск. у. Яросл. г., Варнав, и Ветлуж. уу.

Основанием для этой операции считается то, что, будто бы, такой ребенок не допёкся в утробе матери. Соединение этого последнего приема с только что рассмотренным, основанным на принципе передачи болезни, создает в высшей степени оригинальный и сложный прием, который чаще всего совершается следующим образом.

Утром, когда затопят печку, призывают бабу-знахарку. Она берет ребенка, кладет пли сажает его на хлебную лепешку и до трех раз подносит лопату с ребенком к устью печки, а мать ребенка идёт в сенцы, смотрит в дверь и говорит:

«— Бабка, бабка, что делаешь?

— Перепекаю младенца Алексея.

— На что?

— Выгоняю из него собачью старость.

— Перепекай же и выгоняй собачью старость, чтобы не было отрыжки».

Знахарка, еще не снимавши ребенка с лопаты, приказываешь поймать щенка и посадить его под плетуху, сзади знахарки. Когда это сделают, тогда знахарка говорит: «Перепекла младенца. Алексей, выпекла из него собачью старость. На собачью старость дую и плюю, а младенца Алексея целую». Потом, обратясь задом к младенцу, начинает плевать и дуть на щенка, а затем три раза целует ребенка. После этого, на плетухе, под которой лежит щенок, купают ребенка в теплой воде, настоенной на соломе, поднятой с перекрестка дорог. Выкупав ребенка, щенка выгоняют из избы, приговаривая: «иди, ты, собака, и разноси свою собачью старость от младенца Алексея по буграм, по лугам, по буеракам, по пашням, по лесам, по садам, по кустам и прочим местам, чтобы твоя старость не сушила младенца Алексея и не крушила его отца с матерью». На младенца надевают свежее платье, а старое сжигают в печке и золу развевают по воздуху, воду же, которая осталась от купанья, выливают под печку. Потом бабка берет младенца на руки, подносит его к печке, поднимает три раза вверх, приговаривая: «будь теперь, мой внучек, со столб вышины, с печь толщины», передает младенца матери и лечение кончается.

В некоторых местах Владимирской губ. такое перепекание производится не только над больными детьми, но в видах профилактики, над каждым ребенком, для чего, тотчас по окончании родов, нарочно затопляется печь. При запекании ребенок или просто кладется на лопату во что-нибудь завернутый, или, как в некоторых местах Костромской г., обертывается тестом.

Очень остроумное видоизменение этого способа составляет так называемое перерождение ребенка, предпринимаемое в тех случаях, когда он рождается недоношенным и слабым. Для этой операции мать с ребенком идет к знахарке. Та берет ребенка, кладет на пол и покрывает корытом, в котором стирают белье. Затем она выбирает какой-нибудь хрупкий камень и изо всей силы ударяет им по дну корыта, так что камень весь рассыпается вдребезги. Сделав это, вынимает ребенка из-под корыта и приказывает матери снять с себя верхнее платье и остаться в одной рубашке. Раздевает также донага ребенка и продевает его сверху вниз, через ворот рубашки матери (д. Мал. Новинка, Тихвинск. у., Новгородск. г.). Иногда перерождение совершается при посредстве мешка. Для этого берут мешок, распарывают на нижнем конце его шов и трижды продевают ребенка, из конца в конец, через середину мешка (д. Званка, Тихвинского у., Новгородск. г.).

Как ни просты все эти лечебные способы, есть еще более простой способ избавиться от болезни — это напугать болезнь⁷⁴. В Череповецком у. существует даже особое слово «запуги», для обозначения тех суеверных приемов, которые употребляются для этой цели.

Костромс. г. Городищ., Керенск. ц Писарев, уу. Пензенск. г., Хвалыинск, у. Саратов. г., Орловск. и Волховск. уу. Орловск губ.

⁷⁴ Подобное представление, очевидно, создалось под влиянием воззрения, что в свою очередь, некоторые болезни происходят от испуга.

Такие запуги, в некоторых случаях, сопровождаются выполнением довольно-таки грозной операции.

Вот как в Новгородск., Вологодск. и Орловск. гг. лечится «запугом» поясничная боль (утин). Больной ложится на пороге избы с обнаженной поясницей. Производящей операции знахарь становится по одну сторону, с топором в руках, свидетель по другую, первый замахивается топором и прикасается его острием к пояснице больного, второй спрашивает: «что ты делаешь?» – «утин рублю». От свидетеля получается приказание: «руби его больше, чтобы и близко не было» – и тот начинает махать топором над поясницей. В Юхновском у. (Смоленск. г.) операция эта для верности действия, совершается непременно на трех порогах, а в Сарапульском у. (Вятск. г.) ее могут производить только первенцы и последыши в семье.

Видоизменение этого способа в некоторых местах заключается и в том, что знахарка кладет больного ничком на лавку и начинает кусать поясницу: «грызи, грызи, – поощряет знахарку больной, – чтобы не было отрыжки».

В одном из таких приемов, где также видно стремление передать и вместе «запугать» болезнь, обнаруживается замечательная дикость и бессердечие. Для лечения «грызи» у детей некоторые орловцы ловят полевую мышь и привязывают к задней ноге ее нитку. Раздев ребенка, сажают его на стол и дразнят пойманную мышь, чтобы она укусила ребенка за больное место. После того, как укусит, мыши прокалывают иглой глаза, протаскивают через них суровую нитку и подпоясывают ею ребенка, а мышь пускают в нол, приговаривая: «неси ты, мышь, Андрееву грызь. Зато тебе прокололи глаза, чтобы не воротилась с грызью назад».

В зависимости от представления о «волосатике», как причине кариезного поражения «костей», существуют особого рода хитрецы, специальность которых «гнать волос». Гонять они волос следующим образом: в горшок или кадку, на дно, кладут песок, наливают теплой воды, после чего знахарь «наговаривает». Больной опускает руку или ногу в воду и накрывается одеждой. Гной, вытекающей из свища, располагается в воде и на песке нитями и хлопьями. Это дает повод знахарю указать больному: «посмотри, дескать, сколько у тебя волосу-то вышло, так и свернулся клубками».

Курская знахарка Н-я К-ва, большая специалистка по части выливания волоса, прямо уверяет своих пациентов, что при вскрытии нарыва, вместе с материей, вылезают волосы, либо седые, либо черные, смотря по тому, на что выливать волос – на рожь или на нехворощу⁷⁵. Операцию выливания волоса, при ногтоде она начинает с того, что обводит острием иглы вокруг ногтя, вскрывая таким приемом абсцесс, кладет на больной палец нехворощи, выливает на больное место 30 горстей теплой воды и читает соответствующий заговор.

В других случаях, для выливания волоса, готовят в кадке особого рода щелок, опуская в него 12 накаливаемых камней, взятых с 12-ти разных полей. Когда щелок остынет, погружают туда больную часть тела, соблюдая строгую тишину в доме: волосатик боится шуму и не пойдет из тела в щелок.

Иногда приемы знахарей и содержание заговоров так же необычайны, бессмысленны и фантастичны, как необычайны и не оправдываются никаким здравым смыслом воззрения народа на причины болезней. В Черепов – м у., для снятия «кил», знахарь кладет дрожжей в какой-нибудь маленький сосуд и, заставив больного наклониться над печным шестком, приказывает три раза проговорить: «от кил каменных, чугунных, железных, стеклянных и деревянных, от мертвых, сонных и живых», – и всякий раз плюнуть в сосуд. Потом знахарь мажет этими дрожжами килу и она «присыхает».

В Саратовской г., от кил, одна балашовская знахарка наговаривает на вино. Взяв полбутылки вина и прочтя заговор, она обводит вокруг бутылки лошадиной костью и дует в сосуд.

⁷⁵ *Artemisia campestris*.

Водку эту больной пьет по зорям. Магические свойства кости знахарка сообщает очень простым и несложным способом: найдя кость, она обводит кругом нее безымянным пальцем и прочитывает по три раза «Отче наш» и «Богородицу».

По словам крестьян, очень удачно лечит килы знахарь Л-в, из дер. Заречья, Черепов – го у. Система его лечения заключается в том, что он берет кусочек глины из устья печки, обращенной на восток, опускает в деревянное масло или водку и произносит: «во имя Отца... не от килы мозга, не от камня плода, не от петуха яйца, во веки веков, аминь», а затем читает молитву «Отче наш». Слова заговора и молитву произносит трижды и наговоренным маслом или вином смазывает килу, которая сейчас же, будто бы, прорывается и проходит.

При хрипоте у ребенка, вследствие сильного бронхита или коклюша, а по соображениям некоторых крестьян, оттого, что в нем «младенчик стоит», знахарки ставят мать этого ребенка против солнца, вертят на левой пятке, берут из-под нее землю и растирают ею ребенка (Псковск. и Орловск. гг.). Совершенно непонятные также приемы проделывают знахарки при лечении от «стыя»⁷⁶. Когда взрослый человек или дитя «сохнет», знахарки выбирают из него «стеню».

Знахарка ставит больного к стене, измеряет его рост ниткой и завязывает узелок, меряет суставы ног и рук больного и опять делает на нитке узелки. Сделав такие измерения, ставит посреди избы скамейку, с дырой посредине, подкладывает под нее черепок с горящими углями и сажит на скамейку больного. После этого из каждого угла избы берет по щепотке мху, метет пол против «матицы» и собранный сор, вместе с вынутым мхом и ниткой, кладет в черепок и сжигает.

Если больной кашляет в это время, будет здоров, а если нет – останется больным или умрет.

Знахари-лекари и их специализация

Молитвословия, заговоры и соединенные с ними суеверные приемы составляют далеко не единственные средства, которыми пользуются знахари при лечении болезней. Некоторые из них, кроме заговоров, применяют также физические и механические приемы лечения, а также употребляют лекарственные вещества, по преимуществу из мира растительного. В этой роли народных врачей выступают нередко коновалы, кузнецы, пастухи, мельники, бывшие больничные служители из солдат, а также наша «бродячая Русь» – странники и странницы, который, придя на ночевку в деревню, рассыпают врачебные советы направо и налево. Так как одному человеку трудно удовлетворить все запросы, касающиеся человеческих недугов, то почти каждым таким знахарем избирается какая-нибудь отдельная врачебная манипуляция, в производстве которой он приобретает особый навык и благодаря которой делается известным среди окрестного населения. Таким образом, появляется своего рода специализация знахарей. Между такими специалистами есть особые «знатки» по внутренним болезням⁷⁷, дающие для питья больным разные травы – сухой зверобой, мяту, ромашку, смородиновые или березовые почки и т. п.; такие вещества, как деготь, скипидар, купорос, «бель» (сулему) или окуривающие больных киноварью и травами. Эти же «знатки» нередко останавливают кровотечение, засыпая раны сажей, золой, табаком, толченым сахаром, чертовым пальцем, или лечат нарывы, прикладывая к ним собственного изделия пластыри из красного воска и серы, муки с медом, творога, с тестом и т. п. Под влиянием разви-

⁷⁶ Исхудание, сухота, иногда то же, что собачья старость. (Духовщинск. у. Смоленск, г.).

⁷⁷ К числу таких «знатков» в Самарской г. принадлежал знаменитый Кузьмич, приобретший в 80 годах всероссийскую известность лечением всевозможных болезней эфедрой. Контингент пациентов Кузьмича, как известно, состоял далеко не из одного простонародья.

тия земской медицины, число таких «знатков», по сравнению с прежним, в настоящее время, бесспорно, значительно сократилось и большой известности достигают теперь из них только очень редкие.

К одной такой старухе-лечейке, в Сойгенском приходе; (*Сольвычегодск. у. Волог. г.*), крестьяне бредут нередко за 60–70 в. Такие же знаменитости проживают в г. Тихвине (*знахарь С-въ*) и в дд. Якимовой и Лебедянке, (*Пошехонск. у. Ярослав. г.*).

Один пошехонских знахарей пользуется славой, как необыкновенный специалист по лечению запоя. В д. Кузнецях (*Егорьевск. у. Рязанск. г.*) проживает несколько знахарей, известных далеко за пределами своей округи. К числу таких же известностей принадлежит знахарь с. Городища (*Орловск. г. и у.*). Все болезни он лечит травами, собирая их раз в год, в день Ивана Купалы. Еще до восхода солнца он отправляется на телеге в лес, берет с собой несколько человек рвать траву, которую укажет, набирает этой травы целый воз, привозит домой, вывешивает, делает настои и раздает его больным большими бутылками. Из Калининской волости, Вологодск. г., сообщают о другом таком специалисте, который все свои познания получил через чтение медицинских книг и лечит по «цветнику». Практика его в волости очень обширная и доверие чрезвычайно велико. Лечит он бесплатно.

Вот как рассказывает о своей практике один из таких «знатков», представитель знания, теперь все более и более глоснущего и очень распространенного когда-то на старой Руси.

«— Я ни колдовством, ни заговором не займывался, — рассказывает он, — а были у меня корни разные, дюже пользительные, от всех болезней, а больше всего от порчи. Приезжало ко мне лечиться народу столько, что, бывало, подвод более десятка каждый день подле двора стояло. Про меня вся округа знала: из-под Малоархангельска, из-под Кром, и из-под Орла, бываючи, едут, даже купцы и те не брезгали. Раз привезли ко мне молодайку одну из Кошелева. Вся распухши она была: нутро боолело у ей, и лицо, как железо, синее стало. Чего-чего с ней не было, три месяца она болела и на голоса тоже кричала. Четыре холста пролечили свекры на нее, и по докторам, и по бабкам ездили — ничем не изняли. Как привезли ко мне, сотворил я молитву, посмотрел по своей книге, што дать, взял, натопил кореньев, про такой случай у меня всегда вода горячая в печке держалась и два чайника железных было у меня — дал ей пить я рассказал, сколько дней принимать надоть. После приезжали они ко мне, недель через пять, и благодарили, што я ее на ноги поставил. Тут-то я не признал эту молодайку — личность совсем переменилась: такая здоровая да румяная она стала. За лечение я не брал много, а сколько кто даст. Конечно, ково воспользуешь, так тот и сам хорошо заплатить: сколько раз бумажек по пяти и больше давали. Нашлись у меня завистники и донесли на меня попу и уряднику, што я чернокнижией занимаюсь. Я ничево не знаю, сижу дома. Глядь, ко мне в хату приходит поп с урядником, а избу понятые окружили. Наперво поп обратился ко мне, и говорит:

— Ты, Михайло, сказывают, лечишь народ по книжкам от всяких болезней, так покажи нам свои книги».

Я ему наоборотно говорю:

— Лечу, батюшка, это правда, и у меня разные корни и травы есть, да и книга тоже есть. По ей разбираю, каких кореньев от какой хвори дать, и с молитвою творю это, а вреда никакого не делал людям. Я, говорю, хоша при вас, какую угодно, траву оттоплю в сам попробую, и больным даю.

Урядник как крикнет на меня: «ты не разговаривай с нами, а подавай свои книги и корни, а мы их становому представим. Загонит он тебя в Сибирь за это лечение».

Я не спужался, открыл укладочку, где книга моя лежала и корни. «Извольте, говорю, брать укладку, тут все лечение мое, только, прошу я вас, не растеряйте листиков из книги, да корешков не трусите, дюже трудно собирать их».

Урядник отвез укладочку мою к становому, ён и книгу, и коренья к доктору в Яковлев отправил, а доктор посмотрел на мою книгу и сказал: «это безвредная книга, «Травник» называется.

Так всё и отдали мне назад. В тот же год случился пожар, и укладочка моя сгорела. Теперича, какие по памяти знаю травки, те и собираю каждый год, а лечить совсем мало стал».

Большинство знахарей, применяющих при лечении травы, обыкновенно знания свои тщательно скрывают от непосвященных, расспросы о способах лечения редко достигают своей цели и узнать от них что-либо положительное бывает очень трудно. Между тем, по словам некоторых сотрудников, лечение их иногда останавливает на себе внимание и невольно создает в них веру. Г-н Корвин-Круковской (Васильсурск. у. Нижег. г.) передает даже о таком случае, где больной, искусанный бешеной собакой, был вылечен знахарем, поившим его настоем какой-то неизвестной травы. Факт, что собака была действительно бешеной, по словам Корвин-Круковского, был установлен, будто бы, неопровержимо, у больного наблюдалась неодолимая тоска, потеря аппетита и проч. и его положение было признано безнадежным со стороны врача. «Несомненно, – заканчивает, описание этого случая г-н, Корвин-Круковской, – некоторым знахарям известны целебные травы, неизвестные еще науке»⁷⁸.

Другой класс специалистов – костоправы, между которыми встречаются часто и лица женского пола, так называемый «баушки». Они, будто бы, вправляют вывихи и помогают при переломах костей, накладывая самые примитивные повязки. Хотя в редких случаях некоторые из знахарей, по-видимому, обладают искусством различать вывихи и вправлять некоторые из них, напр., вывих плеча, но в большинстве случаев они принимают за вывихи растяжения связок, простые ушибы суставов или переломы суставных концов костей: устранив их смещение и, положив повязку, говорят, что вывих вправлен. Вообще же, уменьшая различать вывихи, по их признакам и каких-либо выработанных приемов вправлять их, даже между присяжными костоправами, по-видимому, совершенно не существует.

Из многочисленного ряда сообщений корреспондентов имеется только одно (с. *Борисоглебское, Ярослав. г.*), в котором содержится намек на технические приемы при вправлении вывихов: «при вывихах обыкновенно встряхивают вывихнутую конечность, стараясь придать ей естественное положение и растирают ушибленное место, моют, как говорят». В большинстве же случаев костоправы, имея дело с вывихом, определяют его выражением – «хребеток расшибен» и лечат, как ушиб, примочками, припарками из трав и даже заговорами⁷⁹.

Не лучше обстоит у костоправов дело с переломами. Повязки при переломах из лубков, бересты, и т. и. накладываются костоправами далеко не во всех случаях, и большинство переломов, особенно верхних конечностей, срастаются без всяких повязок. В некоторых случаях знахарь обещается, что кость срастет без всякой помощи, по одному его наговору (*Краснинск. у. Смоленск, г., Карачевск. у. Орловск. г.*). Результатами такой хирургической терапии костоправов являются застарелые вывихи и неправильно сросшиеся переломы, с которыми потом приходится иметь дело врачу. Какого-либо значения покою при всех таких повреждениях, а равно при простых ушибах, по-видимому, не придается. Не совсем также исчезли в деревек, такие специалисты, как «рудометы и рудометки». Из них одни открывают кровь «жилную», другие кидают, мечут и бросают кровь «баночную или роговую»⁸⁰. (*Новгородск., Волог. и Псков, гг.*). Рудометы научаются своему искусству но преемству и пере-

⁷⁸ Этот случай имел место лет 14 тому назад, когда пастеровский способ лечения бешенства только что начал применяться и относится, вероятно, к разряду врачебных ошибок.

⁷⁹ См. VII гл., заговоры 160 и 161-й.

⁸⁰ Кровь, извлекаемая банками или рожками.

дают его от отца к сыну. Мечут кровь и женщины, но преимущественно пожилые. Рудометов и рудометок также зовут знахарями и ворожеями, хотя бы они заговоров и суеверных приемов при кровопускании и не употребляли.

В известных случаях больной, когда, по его соображениям, необходимо пустить кровь, призывает такого знахаря или ворожею и говорит: «выпусти ты мне, кормилец, Бога ради, дурную кровь, много ее накопилось, тяжело стало»! «Верно, верно, – говорит знахарь, – много у тебя дурной крови, давно надо выпустить. Беда, – высказывает он свои соображения, – когда накопится много крови: тяжело человеку».

Это убеждение, что человеку может быть тяжело от крови, заставляет некоторых кидание крови повторять ежегодно, обыкновенно весной, а то и несколько раз в год. «Как худую кровь выпущу, – объясняет крестьянин, – опять человеком сделаюсь, сколько хоть работал. А ты говоришь, что крови бросать не нужно. Да ты посмотри-ка, какая она черная, как деготь, худая. Вон ее надоть, потому она только тяжелит человека» (с. Покровское, Новгород. г.).

Знахарь перочинным ножом или старой бритвой делает на спине, возле лопатки, продольный разрез, настолько глубокий, чтобы кровь шла струей, и выпускает ее, приблизительно, с чайную чашку. Когда, по мнению знахаря, дурная кровь вся вышла, он прикладывает к ране тряпку, намоченную в холодной воде... Если кровь не идет струей, а только едва просачивается, знахарь ее высасывает и сплевывает. В некоторых местах пускают кровь из «сокола»⁸¹. Знахарь наставляет долото на месте нахождения этой вены между сухожилиями разгибателей большого пальца и ударом кулака пересекает вену.

Чаще всего кровь пускается «рожками». Для этого берется коровий рог, широкий конец которого ровно обрезан, чтобы плотно прилегал к спине, а на узком конце сделана небольшая дырочка, закрывающаяся снаружи клапаном. Знахарь, сделав на спине небольшой разрез, закрывает его широким концом рожка, а через узкий вытягивает воздух: рожок закрывается клапаном и наполняется кровью.

Между этого рода специалистами есть и такие, которые клещами извлекают зубы и производят даже другие мелкие хирургические операции – вскрывают нарывы, вырезают мелкие кожные опухоли, по преимуществу на ножках. ампутруют пальцы и т. д.

Есть также особые «правильщики» и «правильщицы». Они направляют пуп, который оказывается сорванным от тяжелой работы, подъема, или просто от того, что человек оступится или сделает неловкое или резкое движение. Достигается это всего чаще накидыванием горшка. При этой операции знахарка кладет больного, намазывает ему живот гущею или мылом, берет горшок, зажигает немного льну, бросает его в горшок и опрокидывает на живот больному. Горшок играет роль, таким образом большой сухой банки. Эта операция иногда бывает настолько мучительна, что больной кричит от боли и требует немедленного удаления горшка, но сделать это бывает не всегда легко: часто живот так сильно втягивается в горшок, что последний приходится иногда разбивать. Знахарка проделывает это раза два, три, всегда натошак, а когда операция кончена, дает больному выпить вина с солью или сажей (Орловск., Смоленск., Новгородск., Вологодск. и Вятск. гг.). Накидывание горшков предпринимается также с целью разогнать дурную кровь, но едва ли не чаще всего производится теперь у женщин для производства выкидыша, и у маленьких детей от грыжи, при чем горшок заменяется стаканом. В Череповецком уезде, где, по-видимому, наиболее распространена теория пупных болезней, стараются сделать так, чтобы при «накидывании» горшка пупок находился в его центре; когда живот втягивается в горшок, то этим вполне обеспечивается собирание рассыпавшегося пупа в одно место. Там же существуют и другие способы лечения знаха-

⁸¹ Вена на тыле большого пальца, собирающая кровь с этого пальца и переходящая в головную вену (V. саерhаlіса). Название «соколок» имеет связь с соколиной охотой в старой Руси: у ловчих, которые держали соколов, при вытянутом положении большого пальца, у его основания, она выступала всего резче.

рями «пупных болезней». При одном из таких способов рвут пуп пальцами, т. е. большим и серединой согнутого указательного пальца захватывают складку кожи и поднимают ее, стараясь перекрутить складку. Иногда щипание кожи пальцами производится по всему животу и представляет вид массажа. Употребляется также «завёртывание пупа» палкой: берут коротенькую палку, середину ее кладут на пупок и начинают производить круговые движения палки по животу, с целью закрепить сорванный пуп. В тех случаях, когда «катает пупом»⁸², производится операция «сдёргивания пупа». Больной, с обнаженной спиной, ложится вниз животом на лавку, а приглашенный знахарь, согнув у себя на руках по три пальца и оставив свободными остальные два, указательные кладет поперек спины больного, а большими захватывает кожу на спине и сильно тянет до тех пор, пока в спине «что-то не щёлкнет»: это пуп сдёрнулся с того места, на котором ему быть не следует, и попал опять на своё.

Аналогичная операция в Вельском у. (*Волог. г.*) называется «защипыванием пупа». Эта операция применяется здесь к тем случаям поясничной ломоты, когда она является результатом «срывания пупа». Больной также ложится спиной вверх, и знахарка защипывает пуп, забрав кожу на спине, против пупа, в складку и вытягивая ее до тех пор, пока не послышится хрустенье: это опять, значит, пуп попал на свое место.

В Сарап – м у. (*Вятск. г.*), при «наджаде», когда пупок встал не на место, правят брюхо и пуп бабушки-повитухи или сам больной. Для этого он ложится вниз животом, стараясь возможно больше выгнуть спину и положив под живот какой-нибудь предмет.

В Саратов – ой г. (*с. Бобылевка, Балашов, у.*), когда появятся боли в животе, бабки говорят, что он «отбит или надорван». Для лечения, больного кладут, с согнутыми ногами, на спину и начинают обеими руками поглаживать живот снизу вверх, причитывая: «во имя Отца, и Сына, и св. Духа». Потом берут больного за ноги и, встряхнув раза три, велят немного полежать и дают стакан водки. Когда заболит шея и бывает нельзя повернуть голову, бабка говорит, что она «развилась». Для исправления, больного берут за голову обеими руками, поворачивают ее то на ту сторону, то на другую, приказывая не задерживать поворачивания, и вдруг производят такое повёртывание, что, по словам больных, «затрещит шея». Когда заболит от работы спина, бабушки также говорят, что она «развилась»: велят больному сложить руки по мёртвому, лечь вверх спиной и надавливают ее ногой.

Особые специалисты лечат также глухоту и вытягивают серу из ушей. Промыв уши водою, кладут в них маленькие кусочки камфары, завернутой в вату или тоненькую тряпочку, с листиками душистой герани. Потом, свернувши из лоскутка бумаги, пропитанной воском, трубочку, вставляют один конец в ухо, а другой зажигают. Операция эта считается самой действенной против глухоты: вся сера, которая закладывает уши, если она далее копилась годами, «выгорит» или её вытянет огнём на бумагу (*Черепов, у. Новгородск. г.*).

Особый специалисты-трихи (массажистки) или парилыщицы занимаются исключительно растиранием больных в пару, т. е. в печах и банях. Натирание производится редькою, деревянным маслом, керосином, вином, красным медом и проч. и длится продолжительное время. Свои манипуляции они нередко сопровождают произнесением молитв и заговоров, а некоторые из них усиленно при этом втягивают в себя воздух: вдыхают и уничтожают болезнь (*Макарьевск. у. Костромск. г.*). Некоторые из трих, при поносе, у детей, правят «пердячью» (копчиковую) косточку. В зависимости от представления, что некоторые виды детских поносов развиваются от свертывания копчиковой кости наружу, такие трихи, намылив палец и введя в задний проход ребенка, производят поглаживающие движения, надавливая и выгибая изнутри эту косточку (*Саранск, у. Пензенск. г.*).

Подобные же специалистки ломают глаз при «переломе» (язвах роговицы), т. е. растирают, через закрытые веки, глазное яблоко. Особого рода треск, который слышится при

⁸² Сильные боли в животе.

этой манипуляции в глазу больными, очевидно, и дал повод назвать это глазное применение массажа «ломанием глаза». Такие же специалистки, при попадании инородных тел в глаза, часто случающемся, особенно во время молотьбы и веяния хлеба, вывертывают глаз на кольцо и достают соринку руками или вылизывают ее языком. Лизание языком пускается ими в ход и при других глазных болезнях, а иногда и при нарывах (*Волог. и Орловск. гг.*). Один из наших сотрудников сообщил нам о случае, где такое высасывание гноя из полости нарыва было произведено при флюсе. (*Васильсурск. у. Нижег. г.*). Некоторые из сотрудников сообщают даже о таких искусницах, которые высасывают ртом, при задержании, мочу у младенцев (*Черепов, у.*).

Знахари-шарлатаны

Совершенно особенное место занимают знахари-шарлатаны. По нашим данным, таких знахарей, по сравнению, так сказать, с идейными, убежденными знахарями, значительное меньшинство, это обстоятельство, конечно, может быть объяснено отчасти тем, что такие знахари более тщательно, чем первые, скрывают от постороннего, не мужицкого глаза свою профессию, почему получить от них какие бы то ни было сведения в высшей степени трудно. Но, с другой стороны, нельзя не признать того, что трудно и держаться такому знахарю, очень долго, в деревне, так как его деятельность на виду однодеревенцев, а наш мужик, несмотря на все свое суеверие, практический обман разгадывает очень быстро⁸³. Вероятно, успех большинства из них основывается на некоторых действительных знаниях, которыми они очень ловко умеют пользоваться. В с. Новотроицком (*Инсарск. у. Пензенск. г.*) население, несмотря на свою развитость, грамотность и, будучи, вообще, почти или очень мало суеверным, упорно верит в заговор от сибирской язвы. Сибирская язва, в этом селе, до некоторой степени, профессиональная болезнь, так как многие жители его занимаются выделкою дубленых овчин, который попадают иногда с животных, павших, от сибирской язвы. Относясь со страхом ко всяким операциям и к больнице, где сибирскую язву выжигают и вырезают, больше стараются обойтись своими средствами. Этим обстоятельством воспользовались местные шарлатаны, уверив и распустив молву, что они знают от сибирки заговоры, от которых ее, как рукой, снимает. И, как это ни удивительно, некоторые из них очень бойко практикуют, и даже стяжали себе громкую известность.

Весь секрет успеха их заключается в том, что настоящая заболевания сибирской язвой случаются относительно редко, а крестьяне, не зная ее отличительных признаков, всякую воспалительную опухоль, нарыв и даже какой-нибудь прыщ принимают за сибирку и спешат скорее к знахарю. Тот, конечно, подтверждает распознавание, за известную плату заговаривает – и мнимая сибирка проходит.

Когда же к такому шарлатану явится действительно заболевший сибирской язвой, то он старается отделаться от больного, заявляет, что болезнь устарела, что заговор уже не подействует, или же говорит, что эта сибирка совсем не та, которую он заговаривает, что такую сибирку заговаривает-де другой знахарь, живущий в соседнем селе, и советует ехать за ним.

Такой именно случай произошел в этом селе в 1898 г. У крестьянина С. Б-ва заболел сибирской язвой сын. Обращаются к местному знахарю М. С-ву. Тот осмотрел больного и, увидев, что у парня настоящая сибирская язва, от заговора уклонился и посоветовал как можно скорее ехать в с. Николаевку, за тамошним знахарем г-ном Н-м: он знает-де больше в этом деле и непременно заговорит ату сибирку.

^{83 1)} Из некоторых мест (*Васильсурск. у. Нижегор. г.*) сообщают о существовании целых шарлатанских деревень. Такова, напр... приволжская дер. Шепели, жители которой чуть ли не сплошь занимаются таким шарлатанским ремеслом, одурачивают окрестных крестьян и эксплуатируют доверчивых пациентов.

Б-в приезжает к этому знахарю.

– К твоей милости, Григорий Васильевич.

– Что скажешь?

– Да парень захворал.

– Это кой?

– Большакъ.

– Нигоже. А што с ним?

– Известно што – язва, вот, и приехал за тобой.

– Да у вас ведь есть свой, Максим?

– Он-то и послал.

– Што, видно, в цене не сошлись, он, чать, пятнашку ломит?»

– Нет, он ничего не просит, говорит, что ничего не может сделать, а можешь сделать только ты, я уж в цене не постою, только поедем».

Польщенный таким вниманием коллеги, знахарь согласился и поехал, взяв за свой визит четыре рубля. Больной, конечно, умер. Результатом такого неуместного вмешательства было то, что слава последнего знахаря окончательно померкла, а первого еще более упрочилась.

Несомненно, современные условия деревни, с ее новыми влияниями, не только ведут, мало-помалу, к вытеснению знахаря из обихода деревенской жизни, но и меняют самый его тип. Нынешний знахарь часто далеко не во всем похож на прежнего, он сумел приспособиться к новым понятиям и изменившимся требованиям и очень хорошо знает, за что и как браться. Вот как знахарь этой новой формации, Гр. Шабара, аттестует свою антагонистку по профессии и вот что он рассказывает о себе.

«– Есть туг, в нашем уезде (Новоладожск. у. С.-Петерб. г.), в с. Ильинском, старуха одна, А – на, тоже по нашей части промышляет. Она, вот, и в церковь ходит, и с попадьями дружна, а для чего? Только, чтобы за ней не доглядывали. А ее дело – только портить людей, всякое зло варганить, а чтобы помочь кому-нибудь в беде, на это у ней смысла не хватает. Докторов она нахрап ненавидит и распускает о них всякую худую славу, чтобы только у них не лечились. От больницы отбивает и говорит, будто доктора все подкуплены немцами и нарочно морят мужиков, чтобы после этого всю нашу землю выбрать себе. А без докторов нельзя, они по своей науке знают всё тело человека: сломал ли кость, вывихнул ли руку, разрезал ли где ногу – это их дело. И прочие недуги тоже знают. Бывает, что в человеке боли не видно, а он тает, как свеча, лекарства не помогают, а от слова, сказанного знающим человеком, легче проходить. Я уговариваю, ежели болезни не знаю, сперва сходить к доктору, а от него к себе велю зайти, расспросить у больного, что надо, потом и дам своего лекарства, на прибавок к докторскому, и наставлю, как надобно мое снадобье принимать. Много раз случалось, что выздоровевшие приходили благодарить за помощь, сказывали, что только одно мое снадобье принимали, а докторское цело лежит. Доктора, которые из поляков или из немцев, те нашего брата, мужика, недолюбливают, ну, а который наш брат, русский – тот простой, того не опасайся: если где и на промысле застанет, много, много, что посмеется. От немца я видал страсть. Сын одного богатея захворал тут, в городе. Болезнь такая, что лечиться у докторов стыдно, вот я его и пользовал. Чтобы скорее поправиться, он принял лекарства столько, что чуть язык не высунул. Позвали доктора, немца, он и прижал больного: где взял снадобье? Спасибо, удержался парень, не объявил, а то притянули бы меня к ответу. Опасливее стал, не даю теперь с собою крепких снадобьев».

Про очень интересный случай, относящейся к последнему холерному году, рассказывает тот же Шабара. Совершенно случайно ему пришлось очутиться в положении, сходном с

тем, в какое попал убитый в г. Хвалынске врач Молчанов⁸⁴. Шабара избег опасности, только благодаря своему чутью, верной оценке своего положения и хорошему пониманию своего брата-мужика.

«— Много тогда, — рассказывает Шабара, — умирало народу от этой самой холеры. Пришлось мне идти, по своему делу в Залесье, и пока я проживал три дня в Казарева, умерло от холеры в этой деревне пять человек. Какой-то дурак и пусти молву, будто, он видел, как я портил в колодцах воду. До прихода, Шабары, говорят, пили из колодцев и не помирали, а теперь помирать стали: надо, дескать, поучить его. Дело было около Ильина дня, время стояло, страсть, какое жаркое. В полдень хоть на улицу на выходи, солнце, как огнем, обжигало. Я с вечера сказал хозяевам, что пойду от них до солнышка, чтобы по холодку дойти до Волхова, поспеть к отходящему от деревни Дубовиков пароходу. Из дома пошел я не деревней, а задворками, для того, чтобы через ближний лесок скорее дойти до прямой дороги. Вовремя добрался до реки, вовремя переехал к паровой пристани. Сажу на пароход. Просвистал третий свисток, вижу, на том берегу, откуда я переехал, куча народа. Кричать, шумят, машут руками на пароход, а колья, косы так и сверкают на солнце. Я уж догадался, в чем дело. Три человека, с косами, кинулись на лодку и поехали было наперерез отваливавшему от пристани пароходу, но пароход опередил их. Я своими ушами слышал, как они кричали: убить Шабару надо! Народ чужестранный сидел тут, на палубе. Я и виду не подал, что эти слова касаются до меня, а шкипер-то смекнул, да смолчал. Уж после я узнал, что эти дураки, как не удалось им надо мной потешиться, воротились в деревню и положили: вычерпать по сорока ведер воды из каждого колодца, вылить ее на зарезанного над, колодцем петуха, принесенного из того дома, где я ночевал. Однако и после того у них умерли два человека». Характеризуя врачебно-знахарскую деятельность Шабары, наш сотрудник говорит: «некоторые душевные болезни он излечивает превосходно, за детские болезни берется редко. Его заговоры от кровотечения, разного рода болей, укушения змей с употреблением перевязок, втираний и тому подобных средств, всегда удачны».

Судя по сообщениям наших сотрудников, крестьяне редко лечатся у знахарей от всех или от большинства болезней и гораздо чаще от известной группы их: истерии, эпилепсии, помешательства, импотенции, «волоса», детских, женских и разного рода затяжных болезней. Все это такие болезни, причиной которых, по понятиям мужика, являются порча, подшут, сглаз и которых быстро и скоро, как то надобно мужику, не в состоянии вылечить врач. На степень приверженности к знахарству всего больше влияет возраст, причем люди зрелого возраста и старики склоняются больше в пользу знахарей, молодое же поколение тяготеет чаще к врачам, наличность или отсутствие грамотности и большая или меньшая доступность врачебной помощи. В местах, расположенных вблизи и около врачебных пунктов, предпочтительно лечатся у врачей, в местах же отдаленных и глухих по преимуществу у знахарей⁸⁵. Немаловажную роль, судя по некоторым сообщениям, играет также пол, так как женщины иногда являются более яркими адептами знахарства, чем мужчины. Это обстоятельство получает тем большее значение, что веря в знахарей сами, женщины тащат к ним и своих детей.

Суммируя все полученные на этот счет заявления, можно было бы сделать вывод, что, в общем, крестьяне почти в одинаковой степени лечатся и у врачей, и у знахарей: сначала сходят к врачу или фельдшеру и, если лекарство не помогает, идут к знахарю, или, наоборот, обращаются к врачу или фельдшеру, предварительно побывав у знахаря. Заявлений, в которых изображается полное предпочтение знахарей врачам и совершенное отрицание науч-

⁸⁴ См. IV гл.

⁸⁵ По свидетельству большинства сотрудников, знахари, отчасти тайные или явные и, отчасти, не как профессионалы, а лишь как знающее и опытные советники, есть почти в каждой деревне.

ной медицины, значительное меньшинство, хотя, с другой стороны, не особенно велико и количество заявлений, чтобы знахарство, в той или другой форме, не признавалось совсем, а признавалась лишь одна научная медицина, в лице ее представителей, земских врачей⁸⁶.

Окидывая взглядом средства и приёмы знахарей и исключая чисто лекарственную терапию, с современной точки зрения, мы можем признать имеющими значение только те из них, в основе которых лежат внушение и применение массажа. Достоин удивления, что эти два метода лечения сделались достоянием научной медицины лишь в самое последнее время, тогда как в медицине народной они практиковались и существовали целые столетия. Поразительно также то, что методы эти пришли к нам с запада, когда столь давно были у нас, можно сказать, под руками: таковы результаты пренебрежительного отношения и недооценка изучения народа.

Что же касается остальных знахарских средств и приемов, по большей части суеверных, то нельзя не признать обстоятельство, на которое мы указали раньше, — что в громадном большинстве случаев они находятся в строгой и иногда поразительной зависимости от тех воззрений на болезни, какие имеет о них народ: терапия знахарей построена на народной теории о болезнях и есть только следствие и вывод из нее. Логика народа здесь не делает ошибки и, если вывод неверен, то единственно потому, что неверна та посылка, на основании которой он сделан.

В приёмах этих, далее, поражает их ритуальная разработанность. Нам кажется, что это обстоятельство имеет существенное и немаловажное значение: все то, что существует не в виде лишь общей, неопределенной идеи и представления, а выражается в тщательно выполняемых и сохраняемых мелочах, то всегда бывает внедрено и связано с жизнью, как отдельного лица, так и целого народа самым тесным и органическим образом и не скоро, и не легко может быть утрачено. Одно то, что эти мелочи существуют и не забываются, говорит за жизненность явления. В случаях же, когда народное верование начинает утрачивать свою силу и значение, оно, прежде всего, освобождается от этих мелочей и потом только, по мере постепенной утраты их, остается, так сказать, один остов верования, свободный от всяких внешних форм.

Обращает на себя внимание также распространенность и общность многих из этих приёмов в таких несходных по условиям и отдаленных друг от друга громадными расстояниями местностях, каковы, напр., Вологодская и Саратовская, Псковская и Орловская или Вятская гг. Трудно допустить, чтобы явления эти были совершенно случайны, а не имели бы одной общей причины и не были бы связаны между собою какими-то невидимыми нитями. Эта, причина и это связующее звено заключается в мировоззрении народа, какое остается одинаковыми, как у вологодского и саратовского, так и псковского, орловского и вятского мужика.

Необыкновенная стойкость этого мировоззрения составляет третью и его основную черту.

⁸⁶ О предпочтительном отношении к врачам пред знахарями всего больше поступило заявлений: из Демян., Тихв. и Череп. уу. Новгородской г., Кадник., Грязовец. и Яренск. уу. Волог. г., Котельнич. у. Вятск. г., Пошех. и Романово-борисоглебского уу. Яросл. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Алатыр. у. Симб. г., Саранскаго у. Пенз. г., Карач. у. Орлов. г., Сычев. и Юхнов. уу. Смол. г., Суздальск. и Юрьевск. уу. Владим. г., Балаш. у. Сарат. г. Наиболее многочисленные и категоричные заявления о предпочтении, по тем или другим причинам, знахарской помощи получены из Орлов. и Волхов. уу. Орловской г., Скопинского у. Рязанск. г., Зубцов. у. Тверской г., Меленк. у. Владим. г., Ростов. у. Яросл. г., Спасск. у. Каз. г., Ветлуж. у. Костр. г., Великоустюжск., Сольвыч. и Тотем. уу. Волог. г., Орлов. у. Вятск. г. (*Шалеговская вол.*), Череп. у. Новгор. г. (*Шухтовск. вол.*), Вытегор. у. Олон. г... Городищ. у. Пенз. г., Дорогобуж. и Гжатск. уу. Смол. г. Среди них, по нашим сообщениям, занимают: Галич. у. Костр. г., Васильсур. у. Нижегород. г., Тульск. г. и у., Жиздринск. у. Калуж. г., Смоленск. г. и у. и др.

Теряясь своим началом в отдаленнейших временах, оно прошло неизменным через века истории и, в своих существенных чертах, остается и до наших дней все таким же, каким было много сотен лет тому назад.

Говорят иногда о быстрой эволюции народных представлений и понятий. Бесспорно, известная степень такой эволюции существует, но едва ли она не касается только самых внешних и поверхностных форм и проявлений народной жизни. Все же то, что связано с жизнью и бытом народа, в его практическом значении, более тесно, то изменяется в высшей степени медленно и удерживается народом необыкновенно стойко. Поразительным является факт, что группы русских людей, заброшенных назад тому несколько веков в отдаленнейшие места нашего отечества, имеют почти тождественные верования с жителями губернии центральных⁸⁷. Удивительно не то, что эти верования сохранились в таких глухих и отдаленных углах, но то, что они не изменились и не отклонились от своего первоисточника, по своему происхождению общего для тех и других мест, в этих последних губерниях, несмотря на влияние земской медицины, школы, проведение железных дорог и пр. Это обстоятельство, напротив, указывает, до какой степени слабо проникают в наш народ век культурные начинания, в том виде, как они применяются к народной жизни и до какой степени народ наш в своей массе является недвижимым.

Вот почему нам кажется, что знахарство не ость выдохшаяся, мертвая формула, а оно глубже, чем это кажется с первого взгляда, проникает в жизнь народа и коренится в народном мировоззрении и вот почему, с нашей стороны, едва ли будет ошибкой допустить, что и топографическая область распространения знахарства в той или иной его форме не уже, а шире той, которая определяется нашими сообщениями и выводами.

Как совмещается в народе приверженность его к знахарству с потребностью в научной медицине и каковы отношения народа к представителям этой, последней, к земским врачам, вопрос этот составляет предмета рассмотрения следующей главы.

⁸⁷ «Народная медицина в Сургутском крае». Неклепаев. 1900 г. Сургутский округ (*Тобольской губ.*) расположен по среднему течению р. Оби. на границе с Томской губ., и колонизация этого края относится к первым временам заселения Сибири.

Глава III. Научная медицина

Старая и новая Русь. – Земские врачи и отношение к ним народа. – Скептики в медицине. – Отношение к больницам и операциям. – Частная медицинская помощь в деревне Старая и новая Русь

До сих пор была пред нами старая Русь или остатки той отдаленной Руси, когда на ней существовали еще кудесники и волхвы, колдуны и вещие люди.

Распространение христианства не разрушило вполне языческого мировоззрения народа, а во многом сохранило его, сообщив ему только христианскую сущность и удержав многие языческие черты. Отчего бы не зависело подобное явление, перед нами тот несомненный факт, что мировоззрение народа, поскольку оно выразилось в представлении его о сущности болезней и тех способах врачевания их, которые мы только что рассмотрели и которые нам еще предстоит рассмотреть, во многих своих чертах является языческо-христианским.

Это определение «языческий», с нашей точки зрения, обнимает собою не только прямые следы язычества, так, как они обнаружались пред нами в предшествовавших главах, но включают в себе, также и многочисленный класс суеверий: несомненно, что эта вера в порчу, напуск, глаз и пр. и многочисленные суеверные приемы знахарей, при лечении различных болезней, сложились на Руси еще в дохристианскую эпоху, подобно тому, как вера в домовых и леших создавалась задолго до того, как наш народ узнал о дьяволе из христианского вероучения. Но большинство деталей и сущность рассматриваемого мировоззрения являются бесспорно христианскими, и этот последний элемент является доминирующим не только над элементом языческим, но он почти всецело подавляет собою и факты опыта, и наблюдения, всегда примитивного и по своему происхождению восходящего также к самым отдаленным временам.

В той реальной области, к которой относится это мировоззрение, в области болезней и здоровья, подобное явление, бесспорно, должно казаться удивительным, но оно в значительной мере объясняется тем высоким нравственным влиянием и могущественным авторитетом, который приобрели и которым пользовались первоначальные просветители Русской земли в самых разнообразных сторонах и проявлениях государственной и народной жизни, а также тем обстоятельством, что они, будучи учителями народа, были в то же время и его врачами, и целителями. Христианские миссионеры-подвижники, по необходимости, из религиозных побуждений или ради привлечения к новой религии народа, берут в свои руки дело врачевания и имена многих из них сохраняются историей и народной памятью, как необыкновенно искусных и славных народных врачевателей: преп. Антония, свв. Дамияна, Олимпия, Агапита печерских, Пимена Постника и др. Таким образом, древние русские монастыри являются не только центрами религиозной жизни и очагами просвещения, но получают и врачебное значение. Переяславский архиепископ Ефрем приказывает, в 1091 г. . . . строить при монастырях больницы для приходящих больных, и в «Кормчей книге», помимо встречающегося названия— «монастыреве-больницы», прямо упоминается в числе церковных людей «лечец».

Черпая свои познания по преимуществу из греческой медицины, врачи-монахи являются авторами многочисленных рукописных травников, лечебников, зелейников, которые потом во множестве списков распространяются в народе и, кроме народных русских, содер-

жат описание средств, имеющих большое сходство с древней греческой, арабской и римской медициной⁸⁸.

В некоторых из этих лечебников, помимо буквального перевода, сохраняются даже греческие названия многих врачебных средств и заключаются предисловия духовного или богословского содержания, что делает несомненным византийский источник происхождения этих медицинских сочинений и принадлежность их авторов к лицам духовного сословия⁸⁹.

В XIII–XV вв. под влиянием усобиц князей, татарского разорения и совершившегося падения Византии, гаснет и заглушается начавшаяся образованность, почти прерываются сношения с иностранным миром и медицинские познания, заимствованные от греков, вытесняются суевериями и предрассудками. Начало новой образованности кладется только Петром Великим, но эта образованность не проникает в народ и появляющиеся вскоре врачи служат или только интересам высших сословий или удовлетворяют целям чисто государственным. Такой-то Русь оставалась почти до самого последнего времени.

Теперь перед нами новая Русь, начало которой положили реформы Императора Александра II.

Через институт земских врачей, вызванный к жизни этими реформами, должны были начать вливаться в народную жизнь совершенно новые начала науки, выработанные чуждой этой жизни культурой и не имеющие ничего общего с существовавшим доселе мировоззрением. Земские врачи выступили на исполнение этой миссии при полной неподготовленности народа, к восприятию этих новых начал и при таких условиях должны были не только лечить народ, приохотить его к медицине, но и насаждать рациональные понятия о самом происхождении болезней.

Земская медицина когда-нибудь дождетсЯ своего историка, который развернет любопытные страницы внутренней борьбы этих двух во многом совершенно несходных и противоположных миров – мира воззрений, на которых до сих пор покоилась народная медицина, и начала, на которых зиждется медицина научная.

При всем их несходстве, между ними было только одно небольшое общее и только одна точка соприкосновения – это существование и в медицине народной ряда некоторых рациональных средств, в виде, главным образом, трав. Но и самые травы народ употреблял не в силу тех или других их физиологических свойств, напр., потогонного, мочегонного или слабительного действия, а потому, что наделял их специфическими чудесными свойствами против данной болезни и верил в дававшего эти травы знахаря.

В нашу задачу не входит изображение хода этой борьбы и того духовного процесса, которым совершился и совершается переход отвлеченного мировоззрения народа к реальному признанию значения современной научной медицины: мы имеем в виду только рассмотреть вопрос – как относится народ к земской медицине в настоящий момент и какую степень влияния она оказала на него?

Перед земскими врачами, когда они выступали на поприще новой и неизвестной до сих пор на Руси деятельности, было два пути: или, не задаваясь никакими побочными целями, просто начать лечить народ, или, и то же время, стараться изменять мировоззрение народа, приближать его к усвоению начал научной медицины. Неизвестно, как поступили бы земские врачи и какое направление приняла земская медицина, если бы сама жизнь не указала,

⁸⁸ Поэтому, нельзя не признать ошибочным мнение Рихтера (Richter. «Geschichte der Medicin in Russland». 1814), который считает первый рукописный лечебник за перевод с польского. Польское влияние было позднейшим и касалось только некоторых частей северо-запада и юго-запада России.

⁸⁹ В предисловии одного лечебника из Соловецкого монастыря (библиотека Казанской духовной академии) прямо указано, что он сочинен из дохтурских наук преосвящ. Кир Афанасием, архиепископом Холмогорским и Важеским (Флоринский. «Русские простонародные травники и лечебники». Казань. 1879 г.).

как поступить в данном случае. Редкость врачебных пунктов на первых порах, громадность расстояний и масса больных, с которыми, с самого же начала, пришлось иметь дело земским врачам и которая явилась результатом полной беспомощности народа в медицинском отношении, сразу определили направление их деятельности, лишив ее предвзятых стремлений и значения педагогической миссии. Избрав этот второй путь и оставив в стороне исполнение непосильной, для них задачи – изменение мировоззрения народа, земские врачи избрали путь вполне научный, своей деятельностью как бы сказав народу: «нам нет дела до того, как ты думаешь и веришь, но, вот, перед тобою факты», и предъявили ему такое количество этих фактов, что не признать и не считаться с ними народ был не в состоянии.

А факты были для него иногда поразительные. Врачи давали больному хинин, который в несколько дней излечивал его от лихорадки, салициловый натр, который оказывал разительное действие при ревматизме, иодистый калий и ртуть, которые так магически действовали при сифилисе, *paracotica*, которые быстро и верно унимали разного рода боли и пр. Не менее, если не более, поразительной для народа была деятельность врачей в области хирургии, начиная с простых разрезов при гнойных воспалениях, удаления камней из мочевого пузыря, вырезывания больших опухолей из полости живота и кончая глазными операциями, возвращавшими слепым зрение.

Земские врачи и отношение к ним народа

Все эти и подобные им факты впервые предстали пред сознанием народа со времени введения земской медицины, так как до нее они могли существовать и быть известными народу лишь в виде крайне редких исключений. И хотя с первых же пор существования земской медицины жизнь выдвинула целый ряд неблагоприятных условий, тормозивших ее развитие и содействовавших скептическому отношению к ней, последняя мало-помалу входит в сознание народа и уже приобрела среди него значительное число безусловно верных и стойких адептов. С внешней стороны успех и признание земской медицины рельефно выразились ежегодно увеличивающимся количеством врачебных пунктов и цифрой обращающихся к земским врачам больных⁹⁰.

Сообщения наших сотрудников, касающиеся рассматриваемого вопроса и относящиеся к той части населения, среди которого успело выработаться безусловное и крепкое доверие к медицине, в разных словах и выражениях, говорят об одном и том же: крестьяне начинают сознавать значение и необходимость медицины, с каждым годом оказывают врачам все больше и больше доверия и с охотой идут за помощью в больницы и врачебные пункты. По совету врачей, они охотно ложатся в больницы, находя, что там и уход лучше и лечение идет правильнее, а «харчи и чистота такие, – говорят некоторые мужики, – что не хошь, да поправишься». Не говоря о молодом, грамотном поколении, в больницы и к врачам одинаково охотно идут и женщины, и мужчины, как при тяжелых, так и при легких заболеваниях, в некоторых же случаях, напр., при заболевании тифом, скарлатиной и дифтеритом, не прибегая ни к какой другой помощи, немедленно обращаются к врачу. Иногда это отношение определяется высоким коэффициентом, который не всегда приложим и к образованным классам, и характеризуется выражением «чрезвычайного доверия к медицине». Крестьяне доверчиво открывают врачам свои интимные и семейные тайны, не стесняются прибегать к ним в щекотливых случаях, касающихся первой брачной ночи, охотно прибегают к хирур-

⁹⁰ По данным мед. деп. М. В. Д... в 1900 г., на 73 мил. населения всех земских губерний, число больных, обратившихся за медицинской помощью, достигло цифры 34 мил., т. е. один больной приходился на 2 чел. населения, а если иметь в виду только сельское население, то на 2 1/2—3 чел. этого населения. («Медико-статистич. сведения». Вестник общ. гигиены, судебн. и практич. мед – ны. 1902 г.).

гической помощи и иногда, решаясь на серьезную и тяжелую операцию, всецело отдаются на волю врача, говоря – «ты лучше знаешь».

Среди всех таких положительных данных, замечательным является факт благоприветного отношения народа к лечению дифтерита и водобоязни впрыскиванием сыворотки. В большинстве случаев, на него смотрят, как на верно и скоро помогающий способ лечения и подвергаются ему охотно (*Кадниковск. у. Волог. г., Зарайск. у. Рязан. г.*). Веря в него безусловно и считая его благодеянием, многие не только прибегают к нему сами, но являются сознательными пропагандистами впрыскиваний и, видя пользу от него, нередко просят его повторить (*Суздальск. у. Влад. г.*). Укушенные бешеными животными охотно едут на земский счет в Москву и отказы от такой поездки народом не одобряются. (*Жиздринск. у. Калуж. г.*). Популярность противодифтеритной сыворотки до того велика, что являющиеся в больницу с детьми, при тех или других заболеваниях горла, прямо просят впрыснуть детям сыворотки (*Васильсурск. у. Нижегород. г.*). Многие крестьяне к лечению дифтерита сывороткой относятся как к умнейшей выдумке докторов, и верят, что впрыскивание всегда спасает от почти верной смерти (*Спаский у. Казанск. г.*). В других местах относятся к этому средству даже с некоторым удивлением: «поди ты, нашли же средство да еще какое!». (*Зубцовск. у. Тверск. г.*). Даже в местностях со старо-обрядческим населением, которое отнеслось сначала к такому лечению с недоверием и усмотрело в нем печать антихриста, лечение это начинает пользоваться довольно широким доверием, после того, как население увидало, что сыворотку не «прививают, а впрыскивают» (*Хвалынский, у. Саратов. г.*).

Из некоторых мест сообщают о том, как народ в том или другом случае являлся инициатором устройства больниц или хлопотал об устройстве врачебных пунктов. Все эти и подобные им факты убедительно показывают, насколько крепко у известной части населения, успело привиться доверие к медицине и во многих из таких случаев приходится говорить не только лишь о вере в медицину, но и о ясном и разумном сознании значения ее. Любопытно, что многие из этих сообщений касаются и таких уездов (*напр., Орловской г.*), население которых, по сведениям сотрудников из других мест этих уездов, отличается наибольшей привязанностью к знахарству. На разницу во взглядах на научную медицину всего более влияют близость врачебного пункта и продолжительность его существования, степень грамотности, развития и достатка населения, а также личные качества врачебного персонала. Из этих качеств, прежде всего, высоко ценится народом доступность врача и его внимательность к больным⁹¹.

«Уж такой барин-то хорошей и не брезгливый, – хвалит баба такого врача, – всю меня просмотрел и обо всем порасспросил: который тебе год, сколько у тебя детей, какая еда и какая боль раньше была? Всякого он выслушает, обо всем поговорит, лекарство даст и растолкует, как его принимать надо: чисто с маленьким ребенком водится».

Особенным успехом и уважением крестьян пользуются врачи, которые терпеливо выслушивают пространные объяснения мужика и если и остановить ненужную болтовню, то сделают это мягко, не сердясь. Напротив, очень не любят таких, которые без причины сердятся и покрикивают на мужика и обходятся с ним свысока и строго. Таких крестьяне, в особенности бабы, побаиваются, идут к ним неохотно и чаще предпочитают помощь фельдшера (*Тульск. г. и у., Волхов, у. Орловск. г., Спаск. у. Каз. г.*). Изредка ценится мужиком во враче его аккуратность и точность, но гораздо чаще его знания и опытность⁹². – «Вот, это доктор, – говорят про такого, – насквозь видит всё твоё нутро: вот это у тебя болит, это болит –

⁹¹ Великоустюж... Кадниковск. и Яренск. уу. Волог. г., Тихвинск. у. Новгор. г., Смоленск., Сычевск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г., Галич, у. Костромской г., Котельнич. и Орловск. уу. Вятск. г., Пошехонск. у. Ярославск. г., Рубцовск. у. Тверск. г.

⁹² Алатыр. у. Симбирск. г., Вытегор. у. Олонецк. г., Жиздрин. у. Калуж. г., Зарайск, у. Рязанск. г., Демянск, у. Новгородск. губ.

всё равно, как по писаному читает» (*Черепов, у. Новг. г.*). Но едва ли не больше всего ценится во враче его простота, сердечность и приветливость. – «Будь в деревне, – говорит один из сотрудников, – профессор, знаток своего дела и живи по соседству самый обыкновенный врач, но с теплой душой и обращай со своими пациентами просто и сердечно, и, наверно можно сказать, последний будет пользоваться большей популярностью, чем первый». Долго потом вспоминают крестьяне такого врача, когда он уйдет от них в другое место. – «Нет, далеко наш Н. Н., – говорят про такого врача крестьяне, – больше, видно, не увидим его, нашего кормильца и благодетеля: батюшка говорил, что он в Х – ской губ.». Ценят также крестьяне, когда врач понимает мужика, когда врачу известны все условия жизни деревни и он знает, как и в каком случае повлиять на крестьянина. К таким врачам крестьяне относятся с полным доверием и следуют их советам и указаниям (*Орловск. у. Витбск, г.*).

Те же личные качества, по-видимому, влияют, главным образом, на склад отношений народа и к женщинам-врачам и создают им своих горячих приверженцев, и антагонистов. Несомненно, что некоторые из них, обладая сердечностью, столь свойственной русской женщине, и отличаясь, таким образом, той чертой, которая всего больше ценится крестьянином во враче, завоевывают себе глубокие и прочные симпатии деревни (*Кадник. у. Вологодск. г., Черепов, и Тихвинск. уу. Новгородск. г.*). В нашем уезде, – сообщает один из череповецких сотрудников, – долгое время служили, одна после другой, две женщины-врачи и приобрели себе истинную любовь народа, особенно женщин из ближайших к городу деревень. Одну из них, М. П – ну, служившую в земстве около 15 лет, знали почти все крестьяне уезда. – «Вот, хорошо бы попасть к М. П – не, – говорили они, едуци на прием в больницу». Во время бывшей в с. Богородском холеры больных лечили врач-мужчина и М. П-на – и вот что рассказывают богородские мужики. Как приедет доктор, выйдет из тарантаса, так и качнет сейчас же опрыскиваться да руки мыть, с полчаса душится да моется: какой уж это доктор, коли сам боится? А как приедет М. П – на, так та немного окошеливается и прямо из тарантаса да в избу. За то, коих М. П – на пользовала, половина выздоровела, а коих доктор – почесть, все, перемёрли». Некоторые из сотрудников, говоря об уместности женской врачебной помощи в деревне указывают на создавшуюся исторически и не исчезнувшую до сих пор привычку народа обращаться с своими недугами к местным барыням-помещицам (*Васильсурск. у. Нижегород. г.*). Указание это имеет, без сомнения, свои основания, в особенности в отношении к женской и детской половине деревенского населения. Сомневающимся в способности женщин-врачей лечить женские и детские болезни, по-видимому, не так много, и деревенские антагонисты женщин-врачей возражают больше против уместности лечения ими мужчин. – «Как к ней с хворобой пойти? – рассуждают скептики-мужики, – всякая хворь бывает и как бабе про нее говорить будешь? Срамно сказать, не только что показать: не бабье это дело и смелости у них настоящей не может быть». Другие ограничиваются более общими соображениями: «не за свое дело берутся», «бабам щи варить, да ребят родить, а не лечить?», «баба, как она есть, так и будет бабой, а то. ишь, куда лезет» и т. п.⁹³

В общем, очень верно понята народом роль фельдшеров в деревне, как вспомогательного элемента при враче. В противоположность купцам и мещанам города, крестьянин почти всегда предпочитает докторскую помощь помощи фельдшера. «Фельдшер меньше доктора знает, у него образованность не та и он – в роде как бы подмастерья у доктора, врач же в большинстве случаев является в глазах мужика представителем книжной учености и не даром он «все что-то такое непонятное говорит, а фельдшер только головой поматывает да лекарство готовит». Если мужик и обращается иногда к фельдшеру одинаково, как к врачу, то в громадном большинстве случаев к такому, который, по его мнению, не меньше доктора знает, и

⁹³ Карач. у. Орловск. г. Тульск. г. и у. Зубцовск. у. Тверск. г., Зарайск. у. Рязанск. г., Ростовск. у. Ярославск. г. Котельнич. у. Вятск. г.

опытность и знания которого мужик уже испытал на деле. Хотя некоторые из фельдшеров и приобретают громадную популярность в деревне, но все это по большей части сметливые, добросовестные и практические люди, очень хорошо понимающие условия жизни и быта мужика и сообразно с этим имеющие возможность дать ему наиболее практически полезный и верный совет. Иногда фельдшер подкупает крестьянина тем, чего подчас не достает врачу – своей отзывчивостью, простотой, близостью к народу и способностью понимать мужицкие интересы и входит в своеобразную психологию мужика. К такому фельдшеру, по простоте душевной, мужик прямо может обратиться с просьбой, недопустимой, с точки зрения того же мужика, перед врачом: «а дал бы ты мне, батюшка, вон той желтой водицы, что давал такому-то, больно уж она, бают, пользительна». Такой уважительный и испытанный фельдшер покажется мужику подчас даже авторитетнее доктора, особенно из молодых, не вполне уверенных в себе и еще не обжившихся в деревне. – «А лучше бы ты, П – л И – ч, поглядел меня», – останавливается мужик, в присутствии врача, около фельдшера, кланяясь ему и почесывая свой затылок. – «Погляди-ка, ладно ли, будет ли польза та?» – просит такого фельдшера баба, показывая написанный доктором рецепт. Но допуская такие оплошности, мужик почти всегда различает, с кем он имеет дело: доктор доктору и фельдшер фельдшеру – рознь. Тот же мужик плохо признает и «обегают» фельдшеров из военных, особенно из местных крестьян. «Какой он фельдшер, когда его в солдатах выучили только банки ставить да горчицу лепить? Заправский фельдшер – другое дело».

В нашу задачу не входит очерчивать вполне длительность земско-врачебного персонала и роль земских врачей: деятельность их признана и известна, насчет нее существует множество печатных источников и материалов, рассеянных в земских отчетах, в специальной и общей прессе и пр., и потому мы намечаем только общие штрихи их деятельности и их положительного влияния на народ. Мы имеем в виду исследование явлений, относительно меньше известных, ускользающих от обычных способов наблюдения жизни и быта деревни, не исчерпанных в печати и известных только лицам, близко соприкасающимся с духовной сущностью и жизнью крестьянина. Поэтому мы, оставив рассмотрение вопроса о безусловном признании медицины народом и благоприятном отношении его к врачам, перейдем к другим видам этих отношений, как они вырисовываются нашими сообщениями.

Следующий ряд сообщений касается тех случаев, когда крестьяне при легких заболеваниях перемогаются, «отлеживаются», или, напротив, «расхаживаются», терпеливо ждут, облегают болезни, пользуются домашними средствами, иногда прибегают и к услугам знахарей, но при серьезных и тяжелых заболеваниях, большей частью тогда, «когда болезнь разыграется», принимает упорный характер, грозит опасностью жизни больного или причиняет сильные физические страдания, обращаются к доктору⁹⁴. «И так пройдет», – обыкновенно надеется на первых порах заболевания крестьянина – «Ей покорись только, – рассуждает он о болезни, – живо с ног сшибёт». – «На живот (на жизнь), – думает он, – так и сам выстоишь (поправишься), а на смерть, так не спасут никакие доктора». Относясь к заболеваниям таким образом, крестьяне нередко простые и легкие случаи превращают в серьезные. Обрубит или порежет крестьянин руку или ногу, полечится сначала своими средствами, и потом уже, когда нога распухнет, а в других случаях образуется и гангрена, идёт к доктору. Попадеи в палец иголка, прежде чем идти к врачу, он поковыряет, попробует прежде вытащить иголку сам или предоставит попытаться сделать это другим и доводит дело до воспаления. Во всех таких случаях, когда благоприятный момент лечения пропущен и оно становится более трудным, затягивается или оканчивается смертью, в конце концов обви-

⁹⁴ Большинство сообщений из Волог., Сольвычегодск. и Тотемск. уу. Вологодск. г., Вытегорск. у. Олонецк. г., Скопинск. у. Рязанск. г., Черепов. у. Новгородск. г., Орловск. г., Вятск. г., Спасск. у. Казанск. г., Ростовск. у. Ярослав. г., Зубцовск. у. Тверск. г., Орловск. и Болховск. уу. Орловск. г... Городищ., Инсарск., Саранск, и Чембарск. уу. Пензенск. г., Вяземск. и Дорогобужск. уу. Смоленск. г.

няют врача или фельдшера, что те плохо лечат, не стоит-де к ним обращаться: вот, как бы не лечился по докторам, может, и был бы жив» (*Сольвычегодск. у. Волог. г., Спасск. у. Казанск. г.*).

Часто крестьяне обращаются к врачам лишь по настоянию и убеждению образованных людей.

Вот как описывает ход дела в таких случаях один из наших сотрудников, которому часто приходится давать советы мужикам в указанном направлении.

«При тяжких заболеваниях испробуют сначала домашние средства, напоят больного мятой, навалят на печку и укроют шубами или в пару натрут редькой; обратятся также к знахарю и выполнят его нелепые предписания, и уже если и это не поможет, пойдут за советом к соседнему помещику, священнику, учителю и лишь в крайнем случае, по большей части, по настоятельному совету кого-нибудь из упомянутых лиц, повезут больного в земскую больницу. Когда ко мне обращаются за советом, при более или менее серьезном заболевании, я всегда стараюсь домашним сильно увеличить опасность болезни и этой хитростью заставляю крестьян иногда прибегнуть к медицинской помощи, хотя эта хитрость далеко не каждый раз удается. Обыкновенно крестьянин соглашается, что помощь врача нужна больному и что больного необходимо свезти в больницу, но тут же представить и свои соображения против этого: лошаденка-то, вишь, пахать или ехать куда нужна, да и как его свезешь, этакого? чего, Боже сохрани, умрет дорогой, – куда с ним денешься? да и дело наше крестьянское, ехать-то некому, работать надоть и т. д. Разобьешь его доводы – и с этим согласится, но в больницу все-таки не поедет» (*Власов. Черепов, у. Новго-родск. г.*).

Причинами такого отношения крестьян к легким заболеваниям или таким, который они считают легкими, наичаще выставляется пассивность крестьянина в болезни, надежда на Бога и всего чаще, отдаленность врачебных пунктов. В этих последних случаях, особенно летом, в страдную пору, когда нужны рабочие руки и лошади, и когда «дюже начестисто ездить к доктору, нередко и серьезный больной остается без медицинской помощи и терпеливо ждет смерти.

Замечательно, что в других местах наблюдается совершенно обратное явление: народ охотнее обращается к врачу при легких заболеваниях – в случаях порезов, ушибов, зубной боли, чесотки и пр. (*Шуйск. у. Владим. г.*). Стоит фельдшеру приехать в какую-нибудь деревню, сообщают нам из Вельского у. (*Вологодск. г.*), как чуть ли не половина обитателей ее объявляет себя больной. У фельдшера выпрашивают себе лекарств от всевозможных болезней, в большинстве случаев незначительных.

Обращаются в таких случаях иногда не одни больные, но и совершенно здоровые, желая предупредить болезнь. – «Ты даешь хорошее лекарство от живота, дай и мне, как бы у меня не заболел», – просит лекарства одна баба. – «Наши сядут за стол, только подавай, а я и каши не хочу, а молоко в одну руку (без хлеба) хлебаю, – сомневается относительно своего здоровья другая. – «Я хоть сколько попью чаю, а на двор мало хожу, уж не захворать ли я хочу?» – тревожится третья и тоже просит лекарства.

Всё такие сообщения касаются почти исключительно тех случаев, когда кто-либо из представителей медицинского персонала является в деревню или же тех местностей, который близки к врачебным пунктам.

Это обстоятельство, свидетельствуя о любви нашего народа полечиться и до известной степени даже заботливом отношении его к своему здоровью, как будто, говорит за то, что одна из главных причин, почему он, помимо врачебной помощи, прибегает к другим, напр., знахарским средствам лечения, находится в зависимости от редкости и отдаленности врачебных пунктов; по крайней мере, этот мотив звучит в наших сообщениях очень нередко и косвенно указывает, что среди условий, препятствующих развитию земской медицины, есть много таких, которые лежат совершенно вне духовной сферы народа. Имея знахаря всегда

под рукой и обращаясь часто к нему, мужик подчас сам очень разумно смотрит на такой вид помощи и на вопрос врача – был ли у знахаря, откровенно отвечает, что же греха таить? был, чтобы и своих ног не сбивать, да и твоей головы не убивать» (*Карачевск. у. Орловск. г.*).

Вот почему большинство крестьян обыкновенно посещает врачебные земские пункты только кстати, между делом, когда бы-вает в месте жительства врача или фельдшера по каким-либо хозяйственным, торговым или другим делам, когда приезжает на базар что-либо продать или купить, по какому-нибудь делу в волостное правление, к следователю, стан-овому или другому начальству, – нарочно же за медицинской помощью мужик пойдёт только в редких и исключительных случаях, да и то лишь при условии, если поездка его не отра-зится невыгодно на полевых работах и хозяйстве. Самый обычный ответ на вопрос со сто-роны медицинского персонала, почему болезнь так запущена и почему он раньше не обра-тился за советом и лекарством? это – «было недосуг придти» или «лошади были в работе» (*Васильсурск. у. Нижегородск. г.*).⁹⁵

Скептики в медицине

Среди сообщений имеется немало таких, который рисуют скептическое отношение народа к медицине и те поводы, которые находят деревенские скептики для такого отноше-ния.

В некоторых случаях играет роль своеобразная философия мужика.

«– Это пошавка (повальная болезнь) такая зашла, – резонирует он, – Божье попуще-ние... дохтурь – не Бог, ее не изнимет. Время придет, если на живое, очунеесть».

«– Послушай, видь докторов-то учат всем болезням. Пускай будет это пошавка по-твоему, но не от Божьего же она попущения? Один заболел, а от него другой и так вся семья, затем и в другую избу. Это от плохого воздуха и от тесноты вашей: отчего же не обратиться к доктору?».

«– Не то ты балакаешь. Если же не Божеское на то попуще-ние, то подшут какой-либо. Дед в этом скорее помощь окажет: подшут снимет, или водицы наговорной даст. А дохтур што? палец посекешь, «перхуй» (кашель) схватишь, если запорище какое выйдет, ну, знамо дело, облегчение даст, к тому ён и учён, а штоб того... пошавку уничтожить – ни в жисть», – стоит такой резонёр на своём (*Орловск. г. и у.*).

«– Всё это неправда, – говорят про медицину другие скептики: – кому умереть, так, и доктор не поможет, а кому живому да здоровому быть, так, и без доктора оздоровит» (*Болх. у. Орловск. г.*).

Верный своему мировоззрению, мужик часто бывает уварен, что некоторые из болез-ней доктора лечить совсем не в состоянии.

По мнению многих новгородских, вологодских, пензенских и др. крестьян, они не могут, напр., лечить от притки, подшута, дурного глаза, озыка, порчи, нервных и душев-ных болезней и эпилепсии⁹⁶. По мнению немалого числа орловских крестьян, некомпе-тентность врачей простирается и на некоторые другие болезни: поясничную ломоту, круги, бородавки, рожу, волосатик, кашель-полуночник, младенческое, криксу, зубищи и пр. Уве-ренность костромичей (*Солигалич. у.*) в бессилии врачей что-либо поделать с такими болез-нями настолько велика, что они категорически решают: – «если уж знахарь не вылечит, то никакому доктору в свете не сделать этого». – «Што дохтора понимают? – пренебрежительно

⁹⁵ Благодаря таким неустранимым условиям, до некоторой степени, делается справедливым упрек, что фактически земская медицина в большей степени служит интересам состоятельной части населения, чем бедной.

⁹⁶ Белозерск. у. Новгор. г., Тотемск. у. Вологодск. г., Ветлужск. и Галичск. уу. Костромск. г., Гжатск. и Дорогобужск. уу. Смоленской губ., Меленковск. у. Владимирск. г., Тульск. губ. и у., Городищенск. у. Пензенск. г. и др.

отзываются о них другие – они только народ православный морочат да, людей на тот свет переправляют» (*Пензенск. г. и у.*).

По убеждению некоторых, врачи не могут также лечить все детские, а также женские болезни (*Хвалынский, у. Саратовск. г.*). Скептицизм иных простирается до того, что они отрицают способность врачей распознавать и лечить также и внутренние болезни: наружные болезни врачи, будто бы, еще могут, так-сяк, вылечить, а внутренних не понимают (*Орловск. г. и у.*). Поэтому при наружных болезнях, иногда даже очень незначительных крестьяне охотно идут к фельдшеру, при внутренних же обращаются к знахарям или знахаркам, а когда от последних помощи не будет, тогда уже идут к фельдшеру или доктору (*Белозерск. у. Новгородск. г.*).

Помимо того скептицизма, исходной точкой развития которого являются суеверие народа, большое сомнение возбуждает в крестьянине также способ действия лекарства, его доза и его видимые физические свойства. В большинстве случаев, уверенный, что каждое лекарство должно действовать чуть ли не сразу и не магически, крестьянин начинает сомневаться, если оно действует медленно. Думая, что физические тела не имеют никаких другим, свойств, кроме тех, которые определяются его чувствами, он часто относится с сомнением к тем лекарствам, которые не имеют цвета, вкуса и запаха,

Отношение народа к медицине скептическое, пишут нам из Балашовск. у, Саратовской г.; крестьянам хочется, чтобы болезнь прошла с 1–2 приемов лекарства.

Наши крестьяне нейдут к доктору, сообщают нам из Че-реповецкого уезда с Новгородск. г., между прочим, потому, что лекарство его не сразу действует: «я, – говорит крестьянин – лекарство от доктора трижды принимал, а хоть бы те чего было – ничего не село».

Когда крестьяне получают лекарство, то прежде всего несут кому-нибудь показать, как тот скажет, потом попробуют сами, горько ли, сладко ли, чем пахнет, и затем уже дают больному. Если после одного – двух приемов ему не делается лучше, говорят, что плохо лечат, если же больному стало хуже, то всю вину взваливают на доктора (*Карач. у. Орловск. г.*).

При таких требованиях от медицины и врачей, вера в них крестьянина оказывается очень легковесной и чрезвычайно быстро утрачивается.

Полученные от доктора лекарства первый и второй день крестьяне принимают так, как приказал доктор, а если после нескольких приемов больному не станет лучше, то прием лекарства, или удваивается, или сразу выпивается вся микстура. Если выпитое лекарство не поможет, мужик едет к доктору за новым. а если не помогает и это, бросает лечиться у доктора и идет к знахарю или лечится по советам соседей (*Болховский у. Орловск. г.*). Иногда в таких случаях приказ доктора исполняется и пунктуально, и с редким усердием, но все-таки, если больному мало легчает от трех – четырех поездок в больницу, мужик бросает доктора и обращается к знахарям (*Балашовск. и Хвалынский, уу. Саратовск. г.*).

Вообще этот переход от доктора к знахарю крестьянин с легким сердцем совершает во всех тех случаях, когда он побывал у доктора не однажды, а несколько, хотя и не много раз: несмотря на такой подвиг с его стороны, он не чувствует улучшения болезни и бессилие медицины для него становится совершенно ясным: лучше у своих старух полечиться», безнадежно машет на медицину рукой такой отчаянный скептик, или: «сходи-ка лучше к бабке», подают ему тогда участливый совет другие (*Вельск. у. Волог. г.*).

Иногда мужики сомневаются в пользе лекарства, представляя его действие самым примитивным образом. Доктор дает пить лекарство от головной боли – мужик не понимает: «ну, зачем он пить дал, когда голова болит? надо что-нибудь к голове, а это в животе останется». Удивляется также мужик, когда тифозному больному врач назначает обтирание: «на што, это, ён растирку даёт, когда у него вся боль в голове?» При головной боли фельдшер велит горчичники приставить к ногам – мужик опять недоумевает: «голова болит, а он к ногам

велит становить, какой же тут будет толк, прости Бог греха?» Еще больше удивляет мужика, когда он вместо ожидаемой мази получает микстуру: «бок болит, а он дает пить в середину».

При золотухе у детей, когда болят глаза, мужики часто и верить не хотят, что надо принимать лекарство внутрь: «надо лечить глаза, а не нутро, – говорят они.

Очень не любит мужик внутренние, бесцветные и безвкусные лекарства и считает их за пустое. – «Хотя бы натираться чего дали, а дали одну воду – с чего и пользе-то быть?» – негодует один мужик (*Шуйск. у. Владим. г.*). – «Все вода да вода, весь колодезь, кажись, повыпил, а пользы все нет да нет», – сокрушается другой (*Карач. у. Орловск. г.*). – «Уж где я, где не была? – жалуется по такому же поводу баба, – и по дохтурам, и по больницам, а какая от них польза? Наболтают тебе в склянку воды, дуешь ее, дуешь, а всё в животе никакой твердости нет» (*Орловск. г. и у.*).

Уверенный, что болезнь должна пройти чуть не моментально, раз лекарство «дадено впопад», мужик очень недоволен, когда одно и то же лекарство повторяется несколько раз. – «Что в земскую больницу ходить? Я там был, никак, разов пять и все дают одно пойло. Я чую, что нутро у меня не болит, только нота, тута, хрип ломить: должно, кровишша, что ли? (*Скопин. у. Рязанск. г.*). – «Была и на, больнице, рассказывает баба, – да дали того же пойла. Попоила больного, да пользы то не вижу, ништо, так и вылила в лохань»⁹⁷ (*Шуйск. у. Владим. г.*).

Но чуть ли не с большим скептицизмом относится крестьянин к дозе лекарства. Имея очень смутные представления о ядах, кроме самых грубых и общеупотребительных, он впадает в большое сомнение, если назначенная доза какого-нибудь сильно действующего лекарства, напр., атропина, мышьяка и т. п., по его мнению, слишком мала. Одна капля подобного лекарства ему кажется совершенно ничтожной величиной, а пять – настолько малой, что он удваивает или утраивает приём, или пьёт лекарство из всего пузырька: «какая же беда, что я сразу выпью? – думает он: – от этого должна пройти боль, а вреда не может быть» (*Калужск. г. и у.*).

Наблюдаются десятки случаев, когда больные, получив от врача лекарство на неделю, выпивают его в два – три приема или сразу, в надежде, что, таким образом, они скорее «проймут хворь» «уж если от ложки будет польза, – соображает мужик, – то от бутылки побольше» (*Скопинск. у. Рязанск. г.*).

При таких несложных взглядах на болезни и их лечение, некоторые, не обращаясь к доктору, принимают лекарства, оставшиеся от других: «тебе получшало, – заключают они, – может, и у меня пройдет боль, дай-ка и я попробую».

В некоторых случаях большое сомнение в мужике возбуждает назначение диеты: нередко диета считается выдумкой докторов и возбуждает только насмешки. – «Может, для нежных людей так оно и нужно, а нашему брату, мужику, не приходится это. Ну, что это такое? того не ешь, этого, не пей. А что есть? Нет, коли ты настоящий доктор, дай лекарства такого, чтобы как рукой сняло. Так где же нам дадут? Барам да богачам – так, а нам – погоди. Мы, выжил – выжил, а подход – туда и место: столько и толков про нас» (*Вяземский у. Смоленской г.*).

У одного крестьянина, большого скептика относительно диеты, нашли доктора катар желудка, и запретили ему есть кислое и соленое. – «Вот выдумали, что сказать, – возмущается он, – как будто, мужику можно дышать без квасу? Вон, доктор думает, как господа живут: того поест, да другого, да третьего, а мужик, как квасу не попил, так и бока подвело. Бабка мне сказала: никакой катары нет, всё можно есть, лишь бы душа, принимала».

⁹⁷ Вера в быстроту действия лекарства и его специфичности прежде была общераспространенной. «Если с одного приема больным не облегчалась, это значило, что лекарство не поможет и царским медикам, в XVII ст., приказывали давать другое, и не позволяли повторять одного и того же несколько раз». Костомаров. «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII ст.» 1887 г.

Вообще русский человек, даже больной, крепко стоит за квас. Летом 1898 г. во многих деревнях близ Шуи (*Владимирской г.*) свирепствовала дизентерия и заболевших лечили фельдшер и женщина-врач. Крестьяне охотно шли к ним за лекарством и охотно показывали больных. Полученными лекарствами лечились правильно, только не могли согласиться не поить больных квасом. «Что чай, что вода – только брюхо промывают хуже, да ими и не напьешься, а квас – хлебное, крепче в брюхе держится, а доктора мало ли что насажут: все это пустое», – говорили тогда бабы.

Смущает иногда мужика и поверхностность врачебного осмотра. Земская больница, пишут нам из Кадниковского у. (*Волог. г.*), находится в с. Устье, верстах в 15-ти от нашей местности. Доктор там немец, худо говорящей по-русски, и два фельдшера⁹⁸. Крестьяне хотя к ходят в больницу за лекарством, но результатами лечения остаются недовольны, жалуясь, главным образом, на невнимательность осмотра. «Пришёл я к доктору, – передаёт свои впечатления мужик, – рассказываю про свою боль, а он и не слушает, не только што смотрит. Дали, вот, каких-то порошков, а пользы нет. Вдругорядь ходил туда: опять тех же порошков сунули». – «Спрашивает тебя доктор, – передаёт мужик уже из другой местности, – а, сам и не глядит на тебя, в окошко, вон, смотрит, на улицу, да мало и разговаривает-то с нашим братом» (*Черепов, у. Новгородск. г.*). – «Какой уж это доктор, – претендует третий, – коли больного порядком не только что не осмотрит, а и не расспросит? Боязно ему подробно и о болезни-то рассказывать, еще рассердится, пожалуй» (*Ростовск. у. Ярослав. г.*).

В некоторых, хотя и редких случаях, женскую половину деревенского населения смущает, наоборот, необходимость более тщательного осмотра. Некоторые бабы лечиться у докторов от женских болезней считают за великий конфуз: бабе-де свое нутро перед людьми выворачивать зазорно. Когда такая конфузливая баба приходит в больницу и доктор, выслушав, скажет: «тебя надо осмотреть», – та стремглав бежать из больницы и старается скрыть ото всех слова доктора, чтобы потом не заслужить упрека от баб: «тебя давно все оглядели, ты уж лучше молчи» (*Орловск. г. и у.*).

⁹⁸ Сообщение относится к 1898 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.